

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ПОСТОЯННЫЙ КОМИТЕТ
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

ЛІТАРАТУРНЫ АЛЬМАНАХ

ПАСТАЯННЫ КАМІТЭТ
САЮЗНАЙ ДЗЯРЖАВЫ

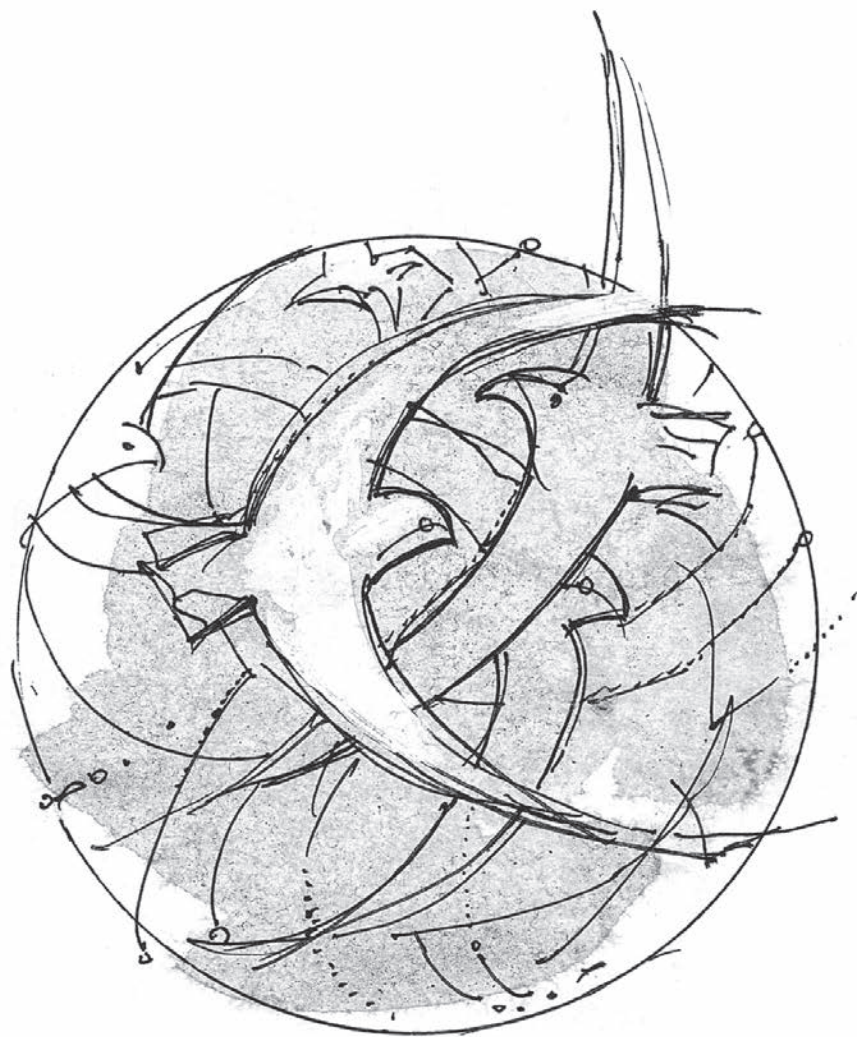
УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)
Λ64

Художник
Камиль Камал

*Выпуск издания осуществлен по заказу
Постоянного Комитета Союзного государства*

ISBN 978-985-575-320-0

© Постоянный Комитет Союзного государства, 2021
© Оформление. РИУ «Издательский дом «Звезда», 2021
© Крицкая Н. Ф., Курмазия Т. А., перевод на белорусский
язык, 2021
© Курмазия Т. А., перевод на русский язык, 2021
© на рассказы принадлежит авторам произведений

Уважаемые читатели!

Перед вами очередной, пятый по счету, сборник рассказов лауреатов конкурса Союзного государства для молодых литераторов.

«Мост дружбы» ведет свою историю с 2012 года, за это время в проекте приняли участие более 500 человек. Благодаря конкурсу в России и Беларуси лучше узнают друг друга, помогает этому и художественное слово. Переводы произведений молодых литераторов на белорусский и русский языки, сам диалог людей по-настоящему творческих становятся важной частью гуманитарного и межкультурного сотрудничества.

Сегодня в наших странах идет активная работа по продвижению вопросов экономической интеграционной повестки с тем, чтобы Беларусь и Россия стали сильнее, конкурентоспособнее, чтобы в домах миллионов людей был достаток, а в наших государствах безусловно исполнялись социальные обязательства и строились планы на будущее без оглядки на «партнеров» из-за рубежа.

Это очень значимо. Но не менее важно помнить об общности наших исторических, культурных, духовных истоков, что является мощным фундаментом, на котором также строятся традиции Союзного государства. Художественная литература — одна из форм творчества, отражающая богатство и многообразие духовной жизни человека. Писатели обращаются к категориям и ценностям бытия: добро и зло, истина и красота, справедливость и совесть, дружба и любовь, дом и семья, свобода и ответственность. Учатся этому миллионы...

Конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы» проводится с целью познания молодыми писателями истории, культуры и литературных традиций России и Беларуси. Он ориентирован на поиск и поддержку молодых

Шаноўныя чытачы!

Перад вамі чарговы, пяты па ліку, зборнік апавяданняў лаўрэатаў конкурсу Саюзнай дзяржавы для маладых літаратараў.

«Мост дружбы» вядзе сваю гісторыю з 2012 года, за гэты час у пракце прынялі ўдзел больш за 500 чалавек. Дзякуючы конкурсу ў Расіі і Беларусі больш даведваюцца адно пра аднаго, дапамагае гэтаму і мастацкае слова. Пераклады твораў маладых літаратараў на беларускую і рускую мовы, сам дыялог людзей па-сапраўднаму творчых становяцца важнай часткай гуманітарнага і міжкультурнага супрацоўніцтва.

Сёння ў нашых краінах ідзе актыўная работа па прасоўванні пытанняў эканамічнай інтэграцыйнай павесткі з тым, каб Беларусь і Расія сталі больш моцнымі, больш канкурэнтаздольнымі, каб у дамах мільёнаў сем'яў быў дастатак, а ў нашых дзяржавах безумоўна выконваліся сацыяльныя абавязацельствы і планавалася будучыня без аглядакі на «шартнёраў» з-за мяжы.

Гэта вельмі значна. Аднак не менш важна памятаць пра нашы агульныя гістарычныя, культурныя, духоўныя вытокі, што з'яўляюцца трывалым фундаментам, на якім таксама будуецца традыцыя Саюзнай дзяржавы. Мастацкая літаратура — адна з форм творчасці, якая адлюстроўвае багацце і разнастайнасць духоўнага жыцця чалавека. Пісьменнікі звяртаюцца да катэгорый і каштоўнасцей быцця: дабро і зло, ісціна і прыгажосць, справядлівасць і сумленне, дружба і любоў, дом і сям'я, свабода і адказнасць. Вучацца гэтаму мільёны...

Конкурс маладых літаратараў Саюзнай дзяржавы «Мост дружбы» праводзіцца з мэтай пазнання маладымі пісьменнікамі гісторыі, культуры і літаратурных традыцый Расіі

талантливых авторов, произведения которых отражают дух времени, дух эпохи, подтверждают наше духовное родство и воспитывают уважение к нравственным и общественным ценностям россиян и белорусов.

Постоянный Комитет Союзного государства на протяжении более десяти лет поддерживает совместную издательскую программу, и пятый литературный альманах «Мост дружбы» вновь подтверждает, сколь богаты талантами земля Беларуси, земля России.

Дмитрий МЕЗЕНЦЕВ,

Государственный секретарь Союзного государства

і Беларусі. Ён арыентаваны на пошук і падтрымку маладых таленавітых аўтараў, творы якіх адлюстроўваюць дух часу, дух эпохі, пацвярджаюць нашу духоўную роднасць і выхоўваюць павагу да маральных і грамадзянскіх каштоўнасцей расіян і беларусаў. Пастаянны Камітэт Саюзнай дзяржавы на працягу больш чым дзесяці гадоў падтрымлівае сумесную выдавецкую праграму, і пяты літаратурны альманах «Мост дружбы» зноў пацвярджае, наколькі багатыя на таленты зямля Беларусі, зямля Расіі.

Дзмітрый МЕЗЕНЦАЎ,
Дзяржаўны сакратар Саюзнай дзяржавы

Члены экспертного совета:

Дарья Сергеевна Московская, доктор филологических наук, заместитель директора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Россия);

Марина Альбиновна Ариас-Вихиль, координатор международных проектов Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник отдела Архива А. М. Горького (Россия);

Владимир Степанович Губарев, писатель, публицист, журналист, лауреат Государственной премии СССР (Россия);

Александр Николаевич Карлюкевич, директор — главный редактор Издательского дома «Звезда», писатель, литературовед (Беларусь);

Анатолий Николаевич Андреев, доктор филологических наук, прозаик, (Беларусь);

Наталья Васильевна Яковенко, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института литературоведения имени Янки Купалы НАН Беларуси, литературовед, литературный критик, переводчик (Беларусь).

Члены экспертнага савета:

Дар'я Сяргееўна Маскоўская, доктар філалагічных навук, намеснік дырэктара Інстытута сусветнай літаратуры імя А. М. Горкага РАН (Расія);

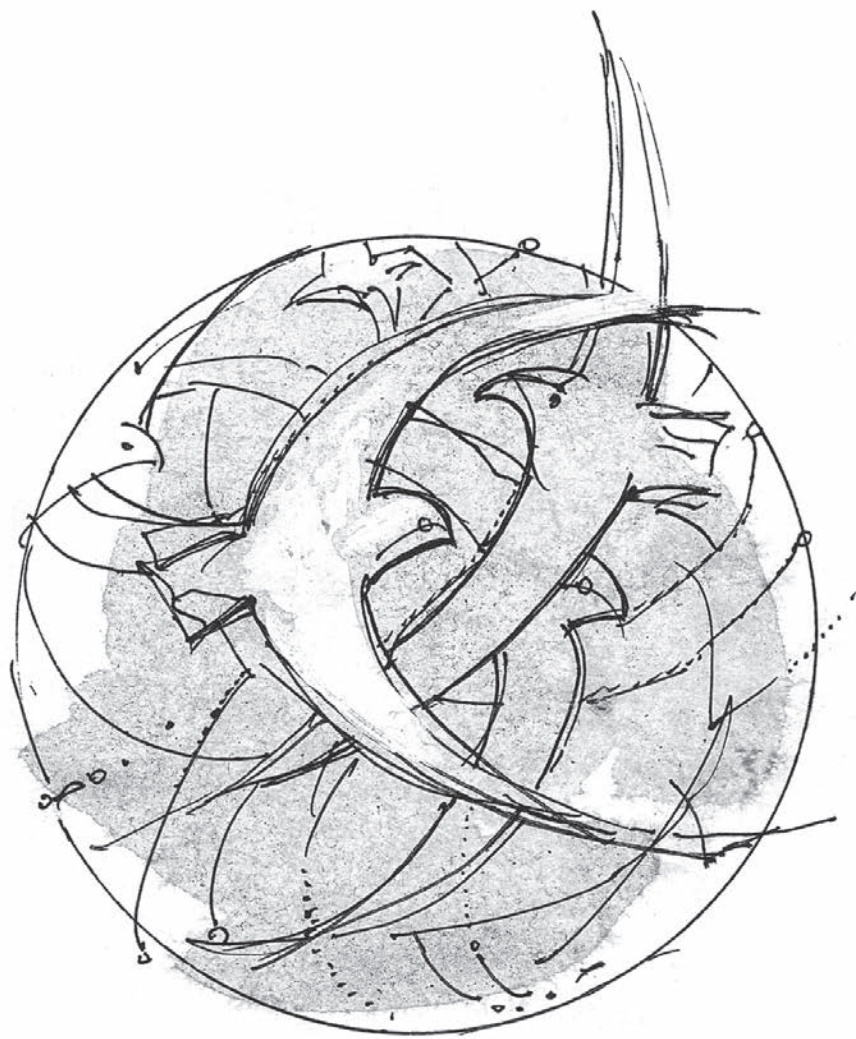
Марына Альбінаўна Арыяс-Віхіль, каардынатар міжнародных праектаў Інстытута сусветнай літаратуры імя А. М. Горкага РАН, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела Архіва А. М. Горкага (Расія);

Уладзімір Сцяпанавіч Губараў, пісьменнік, публіцыст, журналіст, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі СССР (Расія);

Аляксандр Мікалаевіч Карлюкевіч, дырэктар — галоўны рэдактар Выдавецкага дома «Звязда», пісьменнік, літаратуразнавец (Беларусь);

Анатоль Мікалаевіч Андрэеў, доктар філалагічных навук, празаік (Беларусь);

Наталля Васільеўна Якавенка, кандыдат філалагічных навук, навуковы супрацоўнік Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы НАН Беларусі, літаратуразнавец, літаратурны крытык, перакладчык (Беларусь).

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
МАЛАДЫЯ РАСІЙСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

Алина Осокина

Аліна Асокіна

Елизавета Сафиулина

Лізавета Сафіуліна

Екатерина Богданова

Кацярына Багданава

Евфросиния Капустина

Ефрасіння Капусціна

Анна Самкова

Ганна Самкова

Алина Осокина

Родилась 15 июня 1991 г. Окончила Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. Живет в Ульяновске. Работает во Дворце книги — Ульяновской областной научной библиотеке. Публиковалась в журналах «Подъем», «Русское эхо», «Симбирскъ», «Дон новый» и др. Лауреат конкурса Союзного государства «Мост дружбы», Всероссийских конкурсов «Хрустальный родник», «Сестра таланта», «Северная звезда», «Стилисты добра» и др. Член Союза писателей России.

Аліна Асокіна

Нарадзілася 15 чэрвеня 1991 г. Скончыла Ульянаўскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. М. Ульянава. Жыве ў Ульянаўску. Працуе ў Палацы кнігі — Ульянаўскай абласной навуковай бібліятэцы. Публікавалася ў часопісах «Подъем», «Русское эхо», «Симбирскъ», «Дон новый» і інш. Лаўрэат конкурсу Саюзнай дзяржавы «Мост дружбы», Усерасійскіх конкурсаў «Крыштальная крыніца», «Сястра таленту», «Паўночная зорка», «Стылісты дабрыні» і інш. Член Саюза пісьменнікаў Расіі.

НАДЯ

Последний звонок сына разделил жизнь Нади на две неравные части. В первой части была хоть и не совсем счастливая, но такая простая и понятная жизнь. А во второй была пустота. Не осталось ни радости, ни любви, ни страха, только ноющая, тянущая боль. Пустота сама стала болью.

Телефонные птички доносили до нее голос сына. Он радостно сообщал, что его зачислили в институт, что сейчас он уладит все дела с общагой и поедет на вокзал. Надя отвечала, что рада, что ждет его. Сын хотел сказать что-то еще, но тут раздался жуткий металлический скрежет, и связь оборвалась. Надя пыталась перезвонить, но короткие, как точки, гудки не пускали ее к сыну. Она нервно повторяла попытки, но неизвестные ей символы предвещали неладное.

Позже ей позвонили с незнакомого номера. Сухой, хриплый голос сообщил, что сына сбила насмерть машина. Наде показалось, что кто-то перерезал незримую пуповину, до сих пор соединяющую ее с сыном. Сын удалялся от нее все дальше и дальше, в какой-то неведомый, новый мир. А она оставалась в старом, сжимающемся, пустом пространстве.

Когда закончилось следствие, ей выдали тело. Так и сказали: «Тело». Словно сын перестал быть человеком, а превратился в безымянное «тело» без пола и возраста. Хоронили в закрытом гробу. Надя никого не звала, но откуда-то сами узнали и пришли проститься соседи, учителя, одноклассники, дворовые приятели. Много плакали, причитали, вспоминали.

НАДЗЯ

Апошні званок сына падзяліў жыццё Надзі на дзве няроўныя часткі. У першай частцы было хоць і не зусім шчаслівае, але такое простае і зразумелае жыццё. А ў другой была пустэча. Не засталося ні радасці, ні любові, ні страху, толькі боль, ныючы, цягнучы. Пустэча сама была болей.

Тэлефонныя птушчкі даносілі да яе голас сына. Ён радасна расказваў, што яго залічылі ў інстытут, што зараз ён уладзіць усе справы з інтэрнатам і паедзе на вакзал. Надзя адказвала, што рада, што чакае яго. Сын хацеў сказаць нешта яшчэ, але тут пачуўся жудасны металічны скрыгат, і сувязь абарвалася. Надзя спрабавала перазваніць, аднак кароткія, нібы кропкі, гудкі не пускалі яе да сына. Яна нервова паўтарала спробы, але невядомыя ёй сімвалы прадвяшчалі няладнае.

Пазней ёй пазванілі з незнаёмага нумара. Сухі, дзяркаты голас паведаміў, што сына збіла насмерць машына. Надзі падалося, што нехта перарэзаў нябачную пупавіну, якая да гэтай пары злучала яе з сынам. Сын сыходзіў ад яе ўсё далей і далей, у якісьці невядомы, новы свет. А яна заставалася ў старой, пустой прасторы, якая сціскалася.

Калі скончылася следства, ёй выдалі цела. Так і сказалі: «Цела». Быццам сын перастаў быць чалавеком, а ператварыўся ў безыменнае «цела» без полу і ўзросту. Хавалі ў закрытай труне. Надзя нікога не запрашала, але аднекуль самі даведзілі і прыйшлі развітацца суседзі, настаўнікі, аднакласнікі, дваровыя

Огромный платок человеческого сочувствия пытался накрыть Надю, но она уворачивалась.

Потом был суд. На скамье подсудимых сидела строгая блондинка, чуть старше Нади. То ли чиновница, то ли прокурорша. Она спокойно смотрела на судью, словно не чувствовала вины, словно заранее знала, что ее не признают убийцей. В зале суда лились странные речи, получалось, будто бы сын сам выскочил на дорогу в неположенном месте, а женщина не успела затормозить. Облако вины плавно перемещалось с блондинки на того, кто уже не мог ответить. Женщину освободили прямо в зале суда, несмотря на недоуменный гул присутствующих.

С того дня Надя перестала существовать, вместо нее какая-то другая Надя отвечала на звонки, говорила с мужем, ходила на работу. Заведующая отделением отстранила ее от родов, опасаясь, как бы Надя в ее новом состоянии чего-нибудь не натворила. Ее перевели на бумажную работу. Буквы и цифры, мелькающие перед глазами, хоть как-то отвлекали, а вот дома пустота побеждала.

Надя с Борисом жили вроде бы вместе, но каждый прятался в своем стеклянном кубе. Изредка обменивались незначительными репликами, но больше молчали, каждый о чем-то своем.

Борис — худой, длинный, сутулый сорокалетний мужчина с клочковатой жидкой бородой и глазами подростка — по-прежнему каждый день помогал младенцам явиться на свет и шутил с роженицами. А дома он запирался в стеклянном кубе и протяжно молчал.

прыяцелі. Шмат плакалі, прычытвалі, успаміналі. Вялізная хустка чалавечага спачування імкнулася накрыць Надзю, але яна ўхілялася.

Потым быў суд. На лаве падсудных сядзела строгая бландзінка, трохі старэйшая за Надзю. Ці то чыноўніца, ці то пракурорка. Яна спакойна глядзела на суддзю, быццам не адчувала віны, быццам загадзя ведала, што яе не прызнаюць забойцай. У зале суда ліліся дзіўныя прамовы, атрымлівалася, нібы сын сам выскачыў на дарогу ў забароненым месцы, а жанчына не паспела затармазіць. Воблака віны плаўна перамяшчалася з бландзінкі на таго, хто ўжо не мог адказаць. Жанчыну вызвалілі проста ў зале суда, нягледзячы на неўразумелы гул прысутных.

З таго дня Надзя перастала існаваць, замест яе нейкая іншая Надзя адказвала на званкі, размаўляла з мужам, хадзіла на працу. Загадчыца аддзялення адхіліла яе ад родаў, баючыся, каб Надзя ў яе новым стане чаго-небудзь не нарабіла. Яе перавялі на папяровую работу. Літары і лічбы, якія мільгацелі перад вачыма, хоць неяк рассяроджвалі, а вось дома пустэча перамагала.

Надзя з Барысам жылі быццам бы разам, але кожны хаваўся ў сваім шкляным кубе. Зрэдку абменьваліся нязначнымі рэплікамі, ды болей маўчалі, кожны аб нечым сваім.

Барыс — худы, доўгі, сутулы саракалетні мужчына з касмыкаватай рэдкай барадой і вачыма падлетка — па-ранейшаму кожны дзень дапамагаў немаўляткам з'явіцца на свет і жартаваў з парадзіхамі. А дома ён замыкаўся ў шкляным кубе і працяжна маўчаў.

Надю это молчание вполне устраивало. Она даже была благодарна Борису за то, что он не лез к ней с бессмысленными разговорами и нелепыми утешениями. Изредка они кидали друг другу короткие фразы, которые спустя мгновение бесследно исчезали. Оказалось, что два человека могут блуждать в пустоте и не встретиться неделю, месяц и даже больше. Пустота поглощала Надю, отдаляя ее от мужа, родных, коллег. Время растянулось и стало мягким, как жевательная резинка. Надя растворялась в пустоте, становясь прозрачной, как само время...

Надя, как обычно, спустилась в приемное отделение за документами. Еще на лестнице она услышала, что кто-то скандалит, что, впрочем, было не такой уж большой редкостью. Какой-нибудь очередной нервный папаша устроил концерт медикам, думает, что без него не разберутся. Надя открыла дверь и застыла как парализованная. Блондинка, та самая, убившая ее сына, ругалась с регистраторшей. Как же часто во сне Надя видела это спокойное, холодное лицо! Как часто она представляла, что с таким же лицом эта женщина сбивала ее сына! Теперь блондинка была другой, она, как разъяренная тигрица, нападала на персонал:

— Делайте же что-нибудь, видите, как моя дочь мучается!

Надя осторожно перевела взгляд на молоденькую девушку, лет восемнадцати, с огромным, как воздушный шар, животом, которая корчилась от боли на лавке.

— Мама, мамочка! — постанывала девушка.

Надзю гэта маўчанне цалкам задавальняла. Яна нават была ўдзячная Барысу за тое, што ён не лез да яе з бессэнсоўнымі размовамі і недарэчнымі сучашэннямі. Зрэдку яны кідалі адно аднаму кароткія фразы, якія праз імгненне бяследна знікалі. Аказалася, што два чалавекі могуць блукаць у пустэчы і не сустрацца тыдзень, месяц і нават болей.

Пустэча паглынала Надзю, аддаляючы яе ад мужа, родных, калег. Час расцягнуўся і стаў мяккім, як жавальная гумка. Надзя растваралася ў цемры, робячыся празрыстай, як сам час...

Надзя, як звычайна, спусцілася ў прыёмнае аддзяленне за дакументамі. яшчэ на лесвіцы яна пачула, як нехта скандаліць, што, зрэшты, было не такой ужо вялікай рэдкасцю. Які-небудзь чарговы нервовы татачка ўстроіў канцэрт медыкам, думае, што без яго не разбіруцца. Надзя адчыніла дзверы і застыла як паралізаваная. Бландзінка, тая самая, якая забіла яе сына, лаялася з рэгістратаркай. Як жа часта ў сне Надзя бачыла гэты спакойны, халодны твар! Як часта яна ўяўляла, што з такім жа тварам гэта жанчына збівала яе сына! Зараз гэта бландзінка была іншай, яна, як раз'юшаная тыгрыца, нападала на персанал: — Рабіце што-небудзь, бачыце, як мая дачка мучыцца!

Надзя асцярожна перавяла погляд на маладзенькую дзяўчыну, гадоў васямнаццаці, з вялізным, як паветраны шар, жыватом, якая курчылася ад болю на лаўцы.

— Мама, мамачка! — енчыла дзяўчына.

— Сейчас, потерпи! — кинула ей мать и снова переключилась на регистраторшу: — Быстро вызовите самого лучшего врача! Хватит уже в эти бумажки пялиться!

— Женщина, успокойтесь, — отвечала регистраторша. — Вы нам всех рожениц напугаете. Сейчас заполним все документы и займемся вашей дочерью.

— Можно быстрее? А то ползаете как сонные мухи! Один мой звонок — и вас всех тут уволят с волчьим билетом! Да я бы никогда не привезла свою дочь в этот клоповник, если бы роды раньше срока не начались! Надя следила за этой сценой, не смея пошевелиться.

— Надя, — позвала ее пожила медсестра, — зови Бориса срочно! Он один с такими, хм, сложными пациентами справляется. Говорят, эта дамочка — в городе шишка какая-то большая, как бы и вправду не разнесла нам тут все.

Надя осторожно пошла назад, несколько раз обернувшись.

— Ну, иди, иди же! — махнула ей рукой медсестра.

Ноги стали тяжелыми, как будто к ним привязали металлические цепи. Каждый шаг давался с трудом, но Надя все равно шла, преодолевая себя.

— Борис! — вскрикнула она, заметив мужа. — Там...

— Знаю, знаю, — спокойно ответил он. — Мне уже звонили.

— Борис! — она хотела предупредить его, сказать, к кому он спешит на помощь.

— Потом, потом, надо бежать, — бросил он и умчался вниз.

— Зараз, патрывай! — кінула ёй маці і зноў пераключылася на рэгістратарку: — Хутка выклічце самага лепшага ўрача! Хопіць ужо ў гэтыя паперкі пяліцца!

— Жанчына, супакойцеся, — адказвала рэгістратарка. — Вы нам усіх парадзіх напужаеце. Зараз запоўнім усе дакументы і зоймемся вашай дачкой.

— Можна хутчэй? А то поўзаеце як сонныя мухі! Адзін мой званок — і вас усіх тут звольняць з воўчым білетам! Я бы ніколі не прывезла сваю дачку ў гэты клапоўнік, ды роды раней тэрміну пачаліся!

Надзя сачыла за гэтай сцэнай, не смеючы паварухнуцца.

— Надзя, — пазвала яе пажылая медсястра, — кліч Барыса хутчэй! Ён адзін з такімі, гм, складанымі пацыенткамі спраўляецца. Кажуць, гэта дамачка — у горадзе шышка нейкая вялікая, як бы і сапраўды не разнесла нам тут усё.

Надзя асцярожна пайшла назад, некалькі разоў азірнуўшыся.

— Ну, ідзі ж, ідзі! — махнула ёй рукой медсястра.

Да ног нібы прывязалі металічныя ланцугі. Кожны крок даваўся з цяжкасцю, але Надзя ўсё роўна ішла, пераадольваючы сябе.

— Барыс! — ускрыкнула яна, убачыўшы мужа. — Там...

— Ведаю, — спакойна адказаў ён. — Мне ўжо званілі.

— Барыс! — яна хацела папярэдзіць яго, сказаць, да каго ён спяшаецца на дапамогу.

— Потым, потым, трэба бегчы, — кінуў ён і паімчаў уніз.

Ёй так хацелася крыкнуць яму ўздагон: «Не хадзі!» Ці пазнае ён забойцу сына?

Ці зможа ён пасля гэтага...

Ей так хотелось крикнуть ему вслед: «Не ходи!» Узнает ли он убийцу их сына? Сможет ли он после этого...

Мысли растекались, как кусочки льда на палящем солнце. Надя последовала за мужем. Тяжесть в ногах постепенно отступала, идти стало легче. Она вернулась в приемный покой, где Борис уже уводил девушку в смотровую.

— Не бойся, милая, от меня беременным еще никто не уходил, — привычно шутил он.

— Пустите меня, я с ней пойду! — рвалась мать.

— Не положено! — с трудом сдерживала ее напор молоденькая кудрявая медсестра.

— Позовите мне главного врача, заведующую, кто там еще у вас есть!

— Главврач в городе на совещании, а заведующая отгул взяла, — отвечала ей медсестра. — Вы не переживайте так, Борис Саныч — хороший врач.

— Да что тут хорошего в вашей богадельне может быть? Пусти меня, идиотка!

Медсестра грудью закрыла дверь, в которую вошел Борис с девушкой.

— Дамочка, успокойтесь! — вмешался подоспевший охранник. — Я вас сейчас на улицу выведу, если будете скандалить.

— Какая я тебе дамочка! — блондинка переключилась на охранника. — Да вы тут все с ума посходили! У меня там дочь! Если я не буду контролировать каждый ваш шаг, вы тут угробите ее!

Думкі расцякаліся, як кавалкі лёду на пякучым сонцы. Надзя накіравалася за мужам. Цяжкасць у нагах паступова адступала, ісці стала лягчэй. Яна вярнулася ў прыёмны пакой, дзе Барыс ужо адводзіў дзяўчыну ў глядзельную.

— Не бойся, мілая, ад мяне цяжарным яшчэ ніхто не сыходзіў, — звыкла жартаваў ён.

— Пусціце мяне, я з ёю пайду! — ірвалася маці.

— Не дазволена! — з цяжкасцю стрымлівала яе напор маладзенькая кучаравая медсястра.

— Пазавіце мне галоўнага ўрача, загадчыцу, хто там у вас яшчэ ёсць!

— Галоўурач у горадзе на нарадзе, а загадчыца адгул узяла, — адказвала ёй медсястра. — Вы не перажывайце так, Барыс Саныч — добры ўрач.

— Ды што тут добрага ў вашай багадзельні можа быць? Пусці мяне, ідыётка! Медсястра грудзмі закрыла дзверы, куды ўвайшоў Барыс з дзяўчынай.

— Дамачка, супакойцеся! — умяшаўся падаспеўшы ахоўнік. — Я вас зараз на вуліцу выведу, калі будзеце скандаліць.

— Якая я табе дамачка! — бландзінка пераключылася на ахоўніка. — Ды вы тут усе звар’яцелі! У мяне там дачка! Калі я не буду кантраляваць кожны ваш крок, вы тут угробіце яе!

— Замаўчы! — прамовіла Надзя, якая да таго нічога не казалася. — Гэта бальніца, а не рынак! У кабінеце ў сябе камандаваць будзеце! А тут няма чаго!

Бландзінка перавяла вочы на Надзю, якая перастала быць празрыстай.

— Замолчи! — сказала до сих пор молчавшая Надя. — Это больница, а не рынок! В кабинете у себя командовать будешь! А здесь нечего!

Блондинка перевела взгляд на Надю, которая перестала быть прозрачной.

— Выбора у тебя все равно нет! — продолжила Надя. — До города дочь не довезешь, сама понимаешь. Оставь в покое медиков, они сами знают, что нужно делать!

Все застыли, шокированные внезапной смелостью Нади.

— Моей дочери нужен самый лучший персонал и самая лучшая палата, которые тут только есть! — сухо произнесла блондинка. — Я заплачу!

— Вам же сказали, что Борис Саныч — лучший врач, — вмешалась медсестра. — Все нормально будет, идите домой, вам сообщат.

— Я никуда отсюда не уйду, пока моя дочь не родит! — сказала блондинка, глядя на Надю.

— Тогда ждите на улице, здесь не положено, — холодно ответила она.

— Хорошо, я в машине подожду, — наконец согласилась блондинка. — Если будут новости — сразу мне сообщайте.

— Надежда Петровна, какая вы молодец, я думала, она убьет меня! — сказала медсестра, когда женщина ушла.

Надя ничего не ответила, повернулась и пошла прочь от гудящего улья человеческих голосов.

Цифры и буквы, бывшие ее спасительными пилюлями, сегодня не помогали. Она листала документы, что-то отвечала заглядывающим в кабинет коллегам, но душой и мыслями стремилась к окну, которое выходило на парковку.

— Выбару ў цябе ўсё роўна няма! — працягвала Надзя. — Да горада дачку не давязеш, сама разумееш. Пакінь у спакоі медыкаў, яны самі ведаюць, што трэба рабіць!

Усе застылі ў шоку ад раптоўнай смеласці Надзі.

— Маёй дачцэ патрэбны найлепшы персанал і найлепшая палата, якія тут толькі ёсць! — сухо прамовіла бландзінка. — Я заплачу!

— Вам жа казалі, што Барыс Саньч — найлепшы ўрач, — умяшалася медсястра. — Усё нармальна будзе, ідзіце дамоў, вам паведамяць.

— Я нікуды адсюль не пайду, пакуль мая дачка не народзіць! — сказала бландзінка, гледзячы на Надзю.

— Тады чакайце на вуліцы, тут не дазваляецца, — халодна адказала яна.

— Добра, я ў машыне пачакаю, — урэшце пагадзілася бландзінка. — Калі будуць навіны — адразу мне паведамляйце.

— Надзея Пятроўна, якая вы малайчына, я думала, яна заб'е мяне! — сказала медсястра, калі жанчына пайшла.

Надзя нічога не адказала, павярнулася і пайшла прэч ад гуду вулея чалавечых галасоў.

Лічбы і літары, якія былі яе выратавальнымі пілюлямі, сёння не дапамагалі. Яна гартала дакументы, нешта адказвала калегам, якія зазіралі ў кабінет, але душой і думкамі імкнулася да акна, якое выходзіла на паркоўку.

Бландзінка хадзіла каля шэрай машыны, сціскаючы папяровы стаканчык з кофе. А Надзя ніяк не магла адкараскацца ад думкі, што гэта та самая машы-

Блондинка ходила возле серой машины, сжимая бумажный стаканчик с кофе. А Надя никак не могла отделаться от мысли, что это та самая машина, сбившая ее сына. Может, на ней еще сохранились вмятины от удара или следы крови. От этих дурных мыслей разболелась голова. Надя отпрянула от окна и поспешила на улицу.

На крыльце она столкнулась с блондинкой.

— Ну что там, есть новости? — кинулась она к Наде.

— Пока нет, — твердо ответила та.

— Что ж так долго?

— Первые роды всегда долгие, это нормально. Какие-то патологии во время беременности были?

— Вроде нет, — блондинка замешкалась. — Не знаю. Она ведь со мной не жила последнее время. Нашла себе кого-то парня. Люблю — не могу, ты ничего не понимаешь, ты мне жить не даешь. Сбежала к нему. Я сначала хотела надавить, а она опять за свое: не прощу, без него жить не буду. Что я могла сделать? Дочь единственная. А потом оказалось, что беременна. Думаю, ладно, пусть уж живут. Я с врачом уже договорилась, палату отдельную оплатила. А тут звонит: рожая. Я и помчалась. Она в машине скулит: умираю, не доеду. Я ее в первую попавшуюся больницу и отвезла. У меня ведь, кроме нее, никого. Знаете, как она мне тяжело далась. Врачи говорили, она ходить никогда не сможет. Проблемы с ножками были. Так я ее таскала по больницам, массажам, гимнастикам. Насилу выходила. А потом муж заявил: мол, надоели ему наши проблемы. Наши, — она сухо усмехнулась. — Ушел он, алименты по суду из него вы-

на, якая збіла яе сына. Можа, на ёй яшчэ захаваліся ўмяціны ад удару або сляды крыві. Ад гэтых дурных думак разбалелася галава. Надзя адскочыла ад акна і паспяшалася на вуліцу.

На ганку яна сутыкнулася з бландзінкай.

— Ну што там, ёсць навіны? — кінулася яна да Надзі.

— Пакуль няма, — цвёрда адказала тая.

— Што ж так доўга?

— Першыя роды заўсёды доўгія, гэта нармальна. Якія-небудзь паталогіі падчас цяжарнасці былі?

— Як быццам не, — бландзінка замарудзілася. — Не ведаю. Яна ж са мной не жыла апошнім часам. знайшла сабе нейкага хлопца. Люблю — не магу, ты нічога не разумееш, ты мне жыць не даеш. Збегла да яго. Я спачатку хацела надавіць, а яна зноўку за сваё: не дарую, без яго жыць не буду. Што я магла зрабіць? Дачка адзіная. А потым выявілася, што цяжарная. Думаю, ладна, няхай ужо жывуць. Я з урачом ужо дамовілася, палату асобную аплаціла. А тут звоніць: раджаю. Я паімчалася. Яна ў машыне скуголіць: паміраю, не даеду. Я яе ў першую, якая трапілася, бальніцу і завезла. У мяне ж, акрамя яе, нікога. Ведаеце, як яна мне цяжка далася. Урачы казалі, яна хадзіць ніколі не зможа. Праблемы з ножкамі былі. Дык я яе цягала па бальніцах, масажах, гімнастыках. Ледзь выхадзіла. А потым муж заявіў: маўляў, надакучылі яму нашы праблемы. Нашы!.. — яна суха пасміхнулася. — Пайшоў ён, аліменты па судзе з яго выбівала. А потым я ў працу ўлезла з галавой. Дзіцёнка карміць трэба было, апранаць, ды самі ведаеце. Так і ўпусціла.

бивала. А потом я в работу ушла с головой. Ребенка кормить надо было, одевать, да сами знаете. Так и упустила.

Надя молчала. Ей ли было не знать, как тяжело дается ребенок. Когда сын родился, Борис только работать начал. Годы были не совсем темными, но жили бедно. Вчетвером ютились в материной двушке. Как только сына в ясли взяли, Надя вышла на работу. Хотела ведь вслед за Борисом в институт идти, да не до того стало. Ей тоже нужно было кормить ребенка, одевать, еще и за матерью ухаживать, когда та слегла. Вот только нет у Нади больше сына, и внуков никогда не будет.

— Три часа уже прошло, — продолжала блондинка. — Может, вы сходите — узнаете, что там да как? Я заплачу, не обижу.

— Туда нельзя, — выдавила Надя. — Когда все закончится, вам сообщат. — Скорее бы уже.

Злоба поднималась в Наде откуда-то из глубины, растекалась по дыхательным путям, парализовала чувства. Ей хотелось вцепиться в горло этой женщине, хотелось, чтобы она испытала ту же боль, чтобы пустота терзала и ее тоже. Надя думала, как там Борис. Он ведь не знал, что принимает роды у дочери врага, так хладнокровно расправившегося с их сыном. Наде хотелось, чтобы такой правильный, такой хороший Борис хоть раз ошибся, чтобы во время родов что-то пошло не так. Она пыталась проглотить злобу, не дать ей овладеть разумом.

— Почему вы на меня так странно смотрите? — спросила блондинка.

— А вы меня совсем не узнаете? — сказала Надя.

— Знаете, через меня столько людей проходит. Я не запоминаю лица.

Надзя маўчала. Хіба яна не ведала, як цяжка даецца дзіця. Калі сын нарадзіўся, Барыс толькі працаваць пачаў. Часы былі не зусім цёмныя, але жылі бедна. Учацвярых туліліся ў матчынай двушцы. Як толькі сына ў яслі ўзялі, Надзя выйшла на працу. Хацела ўслед за Барысам у інстытут ісці, ды не да таго стала. Ёй таксама трэба было карміць дзіця, апранаць, яшчэ і маці даглядаць, калі тая злегла. Вось толькі няма ў Надзі больш сына, і ўнукаў ніколі не будзе. — Тры гадзіны ўжо прайшло, — працягвала бландзінка. — Можа вы сходзіце — даведаецеся, што там ды як? Я заплачу, не пакрыўджу.

— Туды нельга, — выціснула Надзя. — Калі ўсё скончыцца, вам паведамаць. — Хутчэй бы ўжо.

Злосць падымалася ў Надзі аднекуль з глыбіні, расцякалася па дыхальных шляхах, паралізавала пачуцці. Ёй хацелася ўчапіцца ў горла гэтай жанчыне, хацелася, каб яна адчула той жа боль, каб пустэча раздзірала і яе таксама. Надзя думала, як там Барыс. Ён жа не ведаў, што прымае роды ў дачкі ворага, які так ябыякава расправіўся з іх сынам. Надзі хацелася, каб такія правільныя, такія харошы Барыс хоць раз памыліўся, каб падчас родаў штосьці пайшло не так. Яна спрабавала праглынуць злосць, не даць ёй авалодаць розумам.

— Чаму вы на мяне так дзіўна глядзіце? — спытала бландзінка.

— А вы мяне зусім не пазнаяце? — сказала Надзя.

— Ведаеце, праз мяне столькі людзей праходзіць. Я не запамінаю твары.

— А ці помніце вы хлопчыка — равесніка вашай дачкі, якога вы збілі на сваёй чортавай машыне? — словы самі вырваліся вонкі.

— А помните ли вы мальчика — ровесника вашей дочери, которого вы сбили на своей чертовой машине? — слова сами вырвались наружу. Блондинка внимательно посмотрела на Надю, что-то припоминая.

— Вы — мать? — догадалась она. — Так, значит, вы специально все подстроили! Нашли способ отомстить! Пока я тут, там с моей девочкой...

— Ребенок не отвечает за грехи родителей, — произнесла Надя каким-то чужим голосом. — Тем более не родившийся.

— Если там, — блондинка указала на дверь, — что-то случится, я вас за-сужу!

— Что мне суд, который оправдывает виновных?

— Клянусь, я тебя уничтожу! — шипела блондинка, словно змея, готовая кинуться на противника.

— Ты меня уже уничтожила. К сожалению, Борис слишком порядочный, чтобы отплатить тебе той же монетой. Он сам скорее умрет, чем причинит вред ребенку или его матери.

Две женщины смотрели друг на друга стеклянными, непроницаемыми глазами, между ними вилась тонкая, едва уловимая паутинка.

— Я не хотела, чтобы ваш сын погиб, — сказала блондинка. — Все случайно вышло. Я говорила по телефону с дочерью, точнее, мы ругались. Я отвлеклась и не заметила того мальчика. Когда дала по тормозам, было уже поздно. Я не скрылась с места аварии, вызвала «скорую». Я не хотела, чтобы он умер. Да, я виновата, не отрицаю. Но тогда я думала только о своей дочери. Если бы меня посадили или уволили со службы, она бы пропала. Вы же, как мать, должны меня понять.

Бландзінка ўважліва паглядзела на Надзю, нешта прыпамінаючы.

— Вы — маці? — здагадалася яна. — Так, значыць, вы спецыяльна ўсё падстроілі! Знайшлі спосаб адпомсціць! Пакуль я тут, там з маёй дзяўчынкай...

— Дзіця не адказвае за грахі бацькоў, — прамовіла Надзя нейкім чужым голасам. — Тым болей не народжанае.

— Калі там, — бландзінка паказала на дзверы, — нешта здарыцца, я вас засуджу!

— Што мне суд, які апраўдвае вінаватых?

— Клянуся, я цябе знішчу! — шыпела бландзінка, нібы змяя, гатовая кінуцца на праціўніка.

— Ты мяне ўжо знішчыла. На жаль, Барыс занадна прыстойны, каб адплаціць табе той жа манетай. Ён сам хутчэй памрэ, чым зробіць шкоду дзіцяці ці яго маці.

Дзве жанчыны глядзелі адна на адну шклянымі, непранікальнымі вачамі, паміж імі вілася тонкая, ледзь улоўная павуцінка.

— Я не хацела, каб ваш сын загінуў, — сказала бландзінка. — Усё выпадкова здарылася. Я размаўляла па тэлефоне з дачкой, дакладней, мы сварыліся. Я страціла ўвагу і не ўбачыла таго хлопчыка. Калі дала па тармазах, было ўжо позна. Я не збегла з месца аварыі, вызвала «хуткую». Я не хацела, каб ён памёр. Так, я вінаватая, не адмаўляю. Але тады я думала толькі пра сваю дачку. Калі б мяне пасадзілі або звольнілі са службы, яна б прапала. Вы ж, як маці, павінны мяне зразумець.

— Нет, я не могу вас понять. Вы лишили меня права быть матерью.

— Я понимаю ваши чувства...

— Нет, вы не понимаете и вряд ли когда-нибудь поймете, — ответила Надя.

Злоба начала опускаться вниз, она отступала, оставляя после себя горькие, невыплаканные слезы.

— Я знаю, вы не сможете простить, такое не прощают, — сказала блондинка. — Вы бы, конечно, хотели, чтобы я во всем созналась, чтобы меня посадили. Но я не могу. Сына вашего не вернуть, а моя девочка пропадет без меня. Пусть Бог меня накажет, но только потом, потом.

Две женщины сидели на ступенях больницы и плакали. Каждая о чем-то своем. Мимо проходили люди, косились, но никто не решался их тревожить.

— Что напрасно воду льем? — слышался голос Бориса.

Обе женщины, не вытирая слез, бросились к нему.

— Что с ней? — крикнула блондинка. — Она жива?

— Типун вам на язык, мамаша! — ответил Борис. — От меня все здоровыми и счастливыми уходят. Поздравляю, богатырь у вас. Правда, родился слегка недоношенным, ну, ничего, скоро доберет свое.

— Можно мне увидеть дочь и внука?

— Пока нельзя. У нас там все стерильно, нам инфекции лишние не нужны.

— Я заплачу, только пустите меня! Мне нужно убедиться, что с ними все в порядке! — она полезла в сумку и извлекла оттуда белый конверт. — Вот, держите!

— Не, я не магу вас зразумець. Вы пазбавілі мяне права быць маці.
— Я разумею вашы пачуцці...
— Не, вы наўрад ці калі-небудзь мяне зразумеете, — адказала Надзя.
Злосць пачала спускацца ўніз, яна адступала, пакідаючы пасля сябе горкія, невыплаканыя слёзы.
— Я ведаю, вы не зможаце дараваць, такое не даруюць, — сказала бландзінка. — Вы б, канечне, хацелі, каб я ва ўсім прызналася, каб мяне пасадзілі. Але я не магу. Сына вашага не вярнуць, а мая дзяўчынка прападзе без мяне. Няхай Бог мяне пакарае, але толькі потым, потым.
Дзве жанчыны сядзелі на прыступках бальніцы і плакалі. Кожная аб нечым сваім. Міма праходзілі людзі, коса паглядалі, але ніхто не асмельваўся іх трывожыць.
— Што дарма ваду ліём? — пачуўся голас Барыса.
Абедзве жанчыны, не выціраючы слёз, кінуліся да яго.
— Што з ёю? — крыкнула бландзінка. — Яна жывая?
— Ціпун вам на язык, мамаша! — адказаў Барыс. — Ад мяне ўсе здаровымі і шчаслівымі ідуць. Віншую, багатыр у вас. Праўда, трохі неданошаны, ды нічога, хутка дабярэ сваё.
— Ці можна мне пабачыць дачку і ўнука?
— Пакуль нельга. У нас там усё стэрыльна, нам інфекцыі лішнія не патрэбны.
— Я заплачу, толькі пусціце мяне! Мне трэба ўпэўніцца, што з імі ўсё ў парадку! — яна палезла ў сумку і выняла адтуль белы канверт. — Вось, трымайце!

— Вы мне бросьте эту самостоятельность! — строго сказал Борис. — Быстро уберите, пока я не рассердился!

Блондинка повиновалась и засунула конверт обратно.

— Сегодня вы никак с дочерью не увидите, ей отдыхать надо. Завтра приезжайте. И отца молодого обрадуйте.

— Да какой там отец! Он на заработки уехал, три месяца ни слуху ни духу. Заморочил моей дурехе голову, а сам сбежал.

— Ну, это вы сами разбирайтесь. А теперь домой, все завтра.

Борис, как умелый заклинатель змей, быстро справился с блондинкой, и та уехала.

— А ты чего ревешь, Надюш? — ласково спросил он жену.

— Скажи, это правда, что с ними все в порядке? — спросил она Бориса.

— Конечно. Девка молодая, здоровая, чего ей будет. Она еще пятерых таких богатырей родит.

— Скажи, а ты узнал эту женщину?

— Конечно, узнал, — ответил Борис абсолютно серьезно. — Я ее там, в зале суда, очень хорошо запомнил.

— И ты принимал роды у этой девушки, зная, кто ее мать?

— Я ведь об этом не думал. Мы с тобой роды у каких только женщин ни принимали. Кто знает, что они в жизни натворили? Дитё ведь не выбирает, где и у кого родиться. Надо ему родиться — и всё тут, а наша сила — ему в этом помочь.

— Боря, я ведь здесь говорила с ней, я ведь хотела, чтобы с той девочкой и ее ребенком что-нибудь случилось...

— Вы мне кіньце гэту самадзейнасць! — строга сказаў Барыс. — Хутка прыбярыце, пакуль я не разлаваўся!

Бландзінка падпарадкавалася і засунула канверт назад.

— Сёння вы ніяк з дачкой не пабачыцеся, ёй адпачываць трэба. Заўтра прыязджайце. І бацьку маладога парадуйце.

— Ды які там бацька! Ён на заробкі паехаў, тры месяцы ні слыху ні дыху. Закруціў маёй дурніцы галаву, а сам збег.

— Ну, гэта вы самі разбірайцеся. А зараз дамоў, усё заўтра.

Барыс, як умелы заклінальнік змей, хутка справіўся з бландзінкай, і яна паехала.

— А ты чаго равеш, Надзюш? — ласкава папытаўся ён у жонкі.

— Скажы, гэта праўда, што з імі ўсё ў парадку? — спытала яна Барыса.

— Канечне. Дзеўка маладая, здаровая, што ёй будзе. Яна яшчэ пяцёрых такіх багатыроў народзіць.

— Скажы, ты пазнаў гэту жанчыну?

— Канечне, пазнаў, — адказаў Барыс абсалютна сур'ёзна. — Я яе там, у зале суда, вельмі добра запамніў.

— І ты прымаў роды ў гэтай дзяўчыны, ведаючы, хто яе маці?

— Ды я пра гэта не думаў. Мы з табой роды ў якіх толькі жанчын ні прымалі. Хто ведае, што яны ў жыцці нарабілі? Дзіця ж не выбірае, дзе і ў каго нарадзіцца. Трэба яму нарадзіцца — і ўсё тут, а наша сіла — яму ў гэтым дапамагчы.

— Бора, я ж тут размаўляла з ёю, я ж хацела, каб з той дзяўчынкай і яе дзіцем

— Брось, Надя, эти мысли. Это обида, злоба. Думаешь, я не скучаю по нашему мальчику? Еще как скучаю. Если бы я только мог, сам бы бросился под ту машину, лишь бы его спасти. Но невозможно. А жить как-то дальше надо.

— Борис Саныч! — позвала его из окна медсестра. — Вы нам нужны!

— Иду! — крикнул он в ответ. — Ну вот, ни минуты без меня не могут. Он крепко обнял Надю впервые за много месяцев и пошел.

Утром Надя вошла в палату для новорожденных. Бледный малыш с неестественно большим носом мирно спал в боксе.

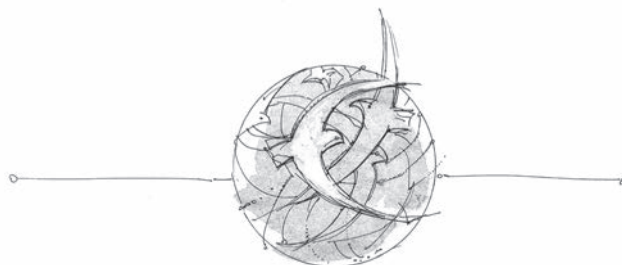
— Смотри, какой светленький, весь в мать, — сказала дежурная медсестра. — Представляешь, эта дурочка его Львом хочет назвать. Ну какой же он Лев? — она рассмеялась и тут же шепотом спросила: — Надь, а это правда, что ты возвращаешься?

— Что? — удивилась Надя.

— Борис утром заведующей сказал, мол, всё, оправилась ты. Можешь обратно к работе вернуться.

— Борис сказал? Ну, тогда да, да...

Что-то теплое, как парное молоко, разливалось по животу, вытесняя пустоту и боль. Теперь Надя точно знала, что рождение новой жизни и есть то бесконечное чудо, побеждающее смерть.

што-небудзь здарылася...

— Кінь, Надзя, гэтыя думкі. Гэта крыўда, злосць. Думаеш, я не сумую па нашым хлопчыку? Яшчэ як сумую. Калі б я мог, сам бы кінуўся пад тую машыну, толькі б яго ўратаваць. Ды немагчыма. А жыць неяк далей трэба.

— Барыс Саньч! — паклікала яго з акна медсястра. — Вы нам патрэбны!

— Іду! — крыкнуў ён у адказ. — Ну вось, ні хвіліны без мяне не могуць.

Ён моцна абняў Надзю ўпершыню за многа месяцаў і пайшоў.

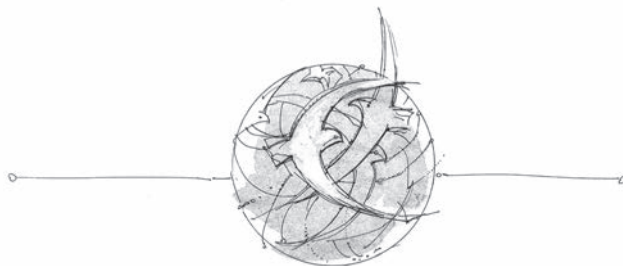
Раніцай Надзя ўвайшла ў палату для нованароджаных. Бледнае немаўля з ненатуральна вялікім носам мірна спала ў боксе.

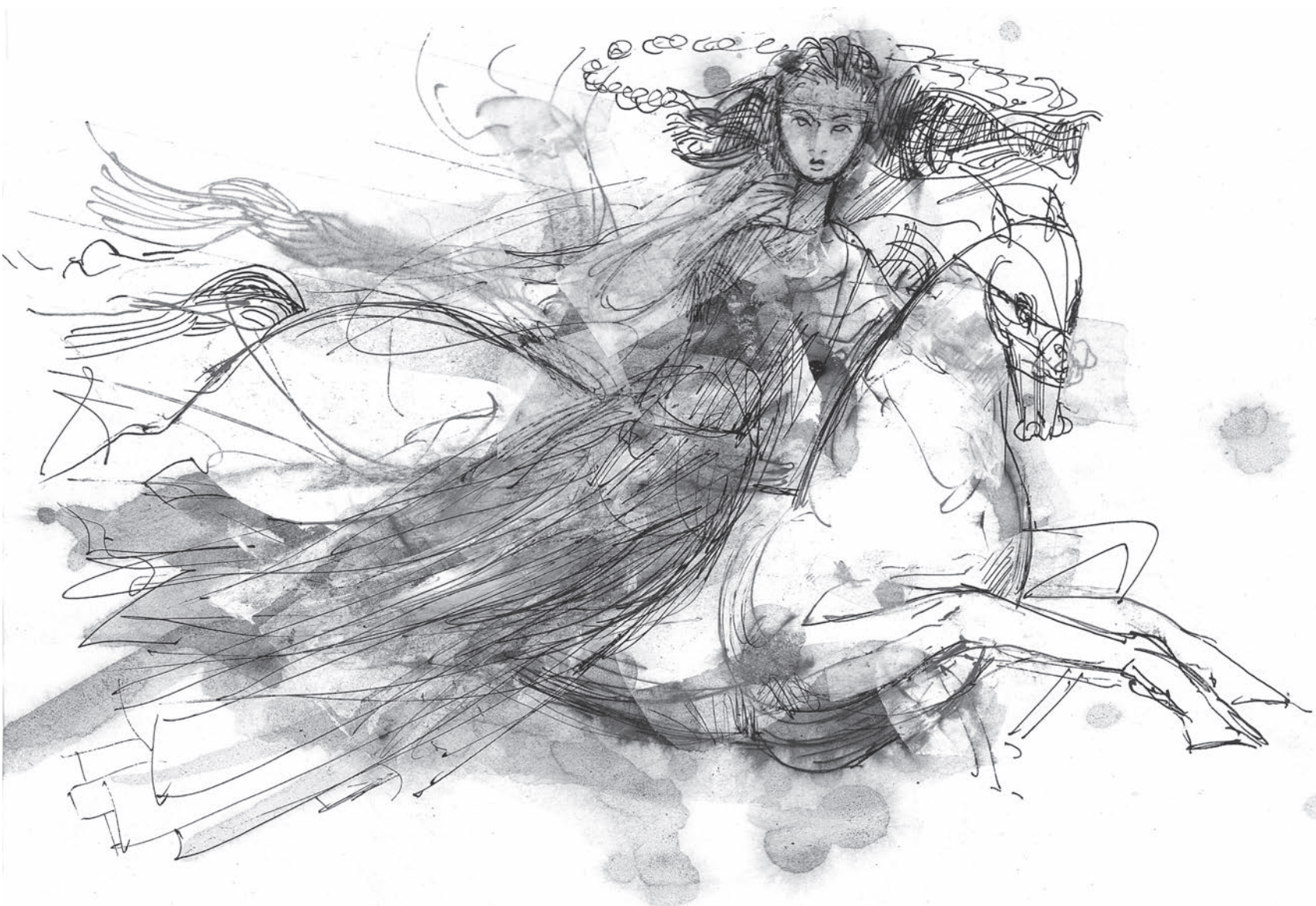
— Глядзі, які светленькі, увесь у маці, — сказала дзяжурная медсястра. — Уяўляеш, гэта дурніца яго Львом хоча назваць. Ну які ж ён Леў? — яна рассяялася і тут жа шэптам спытала: — Надзь, а гэта праўда, што ты вяртаешся? — Што? — здзівілася Надзя.

— Барыс раніцай загадчыцы сказаў, маўляў, усё, паправілася ты. Можаш зноўку да працы вярнуцца.

— Барыс сказаў? Ну, тады так, так...

Нешта цёплае, як сырадой, разлілося па жываце, выпясняючы пустэчу і боль. Цяпер Надзя дакладна ведала, што нараджэнне новага жыцця і ёсць той бясконцы цуд, які перамагае смерць.

Елизавета Сафиулина

Родилась 21 декабря 2000 г. Учится в Литературном институте им. А. М. Горького. Живет в городе Домодедово. Победитель международного конкурса творческих работ «Дерево детства» (2019) в номинации «Счастливая находка» и дипломант в номинации «Энергия стыда». Лауреат премии «Золотая Роза» (2020). Дипломант московского молодежного литературного конкурса «Веское слово» (2020).

Лізавета Сафіуліна

Нарадзілася 21 снежня 2000 г. Вучыцца ў Літаратурным інстытуце імя А. М. Горкага. Жыве ў горадзе Дамадзедава. Пераможца міжнароднага конкурсу творчых работ «Дрэва дзяцінства» (2019) у намінацыі «Шчаслівая знаходка» і дыпламант у намінацыі «Энергія сораму». Лаўрэат прэміі «Залатая Ружа» (2020). Дыпламант маскоўскага маладзёжнага літаратурнага конкурсу «Важкае слова» (2020).

ДЕНЬ ОБЫКНОВЕННОЙ ЛОШАДИ

Байкал, золотистый двенадцатилетний мерин, открыл глаза и вдохнул теплый воздух. Он поводил ушами и не стал пока подниматься.

Мирное фырчанье, негромкое ржание, хруст сена. Послышались шаги конюха — все по расписанию: сейчас лошадей будут кормить.

Байкал ловко вскочил на ноги. Как истинный джентльмен, он протянул морду к деннику слева и поприветствовал свою рыжую соседку. Затем протянул морду к правому деннику, дабы поприветствовать черную соседку. Но та, громко взвизгнув, укусила ухажера за нос через решетку. Расслышав уже совсем рядом шуршание конюха, Байкал принялся стучать по дверце.

— Ну, ну! Потише! — прикрикнул конюх.

Но Байкал стучал и стучал, пока до него не дошла очередь.

Вот и каша! Он в мгновение ока все съел, обнюхал кормушку и даже на всякий случай облизал ее. Не найдя больше ни малейшей крошки, конь принялся жевать сено.

Послышалось множество шагов: люди входили и выходили, двери денников открывались и закрывались. Начался рабочий день, а с ним заскреблили щетки по лошадиной шерсти, заскрипели замки на карманах с сахаром, зазвенели стремяна на седлах, заговорили сотни разных голосов:

— Привет, малыш, я так скучала!!!

— Где моя щетка?

— Кобылка, не подведи меня сегодня!

ДЗЕНЬ ЗВЫЧАЙНАГА КАНЯ

Байкал, залацісты дванаццацігадовы мерын, расплюшчыў вочы і ўдыхнуў цёплае паветра. Ён павадзіў вушамі і не стаў пакуль падымацца.

Мірнае фырканне, нягучнае ржанне, хрумстанне сена. Пачуліся крокі конюха — усё па раскладзе: зараз коней будуць карміць.

Байкал спрытна ўскочыў на ногі. Як сапраўдны джэнтльмен, ён працягнуў морду да дзенніка злева і прывітаў сваю рудую суседку. Затым працягнуў морду да правага дзенніка, каб прывітаць чорную суседку. Але тая, громка завішчаўшы, укусіла кавалера за нос праз рапотку.

Пачуўшы ўжо зусім побач шаргаценне конюха, Байкал пачаў стукаць па дзверках.

— Ну, ну! Цішэй! — прыкрыкнуў конюх.

Але Байкал стукаў і стукаў, пакуль да яго не дайшла чарга.

Вось і каша! Ён імгненна ўсё з’еў, абнюхаў кармушку і нават на ўсякі выпадак аблізаў яе. Не знайшоўшы болей нават малой крошкі, конь стаў жаваць сена.

Пачулася мноства крокаў: людзі ўваходзілі і выходзілі, дзверы дзеннікаў адчыняліся і зачыняліся. Пачаўся працоўны дзень, а з ім заскрэблі пчоткі па конскай шэрсці, зарыпелі замкі на кішэнях з цукрам, зазвінелі страмёны на сёдлах, загаварылі сотні розных галасоў:

— Прывітанне, малыш, я так сумавала!!!

— Дзе мая пчотка?

— Господи, и где ты так испачкался?!

— Это было последнее яблоко, у меня честно больше нет.

— А поцелуй мамку!

— Давай посмотрим, как твоя нога.

— Кто-то вчера себя плохо вел.

— Ты попону порвал?! Она же новая...

— Сегодня будем прыгать метр пятнадцать в высоту, представляешь?!

— Ты самый лучший конь на свете!

Байкал слушал и не отрывал головы от сена...

{ Золотистый шестилетний жеребец повел ушами, в очередной раз услышав восторженный смех девочки, сидящей верхом на нем. Рядом с ним шел мужчина; он вел молодого Байкала, крепко держа поводья, чтобы конь не посмел дать козла или сделать свечку. Но тот шел на редкость смирно.

Мужчина остановил коня и снял девочку с седла. Малышка улыбнулась и ласково погладила жеребца по шее, до которой едва дотягивалась. Затем пулей бросилась к родителям с громким вопросом: «А можно завтра опять прийти?» И радостно вскрикнула, получив утвердительный ответ. Она снова подошла к коню, протянула ему яблоко и влюбленно заглянула в глаза.

— Чего ты зажался, Байкал? — спрашивал мужчина, похлопывая по нему. — Он у нас парень с характером. Не только всех жеребцов тут по-

— Кабылка, не падвядзі мяне сёння!
— Божачкі, і дзе ты так запэцкаўся?!
— Гэта быў апошні яблык, у мяне чэсна больш няма.
— А пацалуй мамку!
— Давай паглядзім, як твая нага.
— Хтосьці ўчора сябе дрэнна паводзіў.
— Ты гуньку парваў?! Яна ж новая...
— Сёння будзем скакаць метр пятнаццаць у вышыню, уяўляеш?!
— Ты самы лепшы конь у свеце!
Байкал слухаў і не адрываў галавы ад сена...

{ Залацісты шасцігадовы жарабец павёў вушамі, у чарговы раз пачуўшы захоплены смех дзяўчынкі, якая сядзела вярхом на ім. Побач з ім ішоў мужчына; ён вёў маладога Байкала, моцна трымаючы павады, каб конь не пасмеў даць казла або зрабіць свечку. Але той ішоў на рэдкасць рахмана. Мужчына прыпыніў каня і зняў дзяўчынку з сядла. Малая ўсміхнулася і ласкава пагладзіла жарабца па шыі, да якой ледзь дацягвалася. Затым пулей кінулася да бацькоў з гучным пытаннем: «А ці можна заўтра зноўку прыйсці?» І радасна ўскрыкнула, атрымаўшы станоўчы адказ. Яна зноў падышла да каня, працягнула яму яблык і закахана зазірнула ў вочы. — Чаго ты сціснуўся, Байкал? — пытаўся мужчына, пахлопваючы па ім. — Ён у нас дзяцюк з характарам. Не толькі ўсіх жарабцоў тут пастроіў, а і многіх берэйтараў. Заўсёды нешта ды ўчыніць! Але ў маіх руках як шаўковы...

строил, но и многих берейторов. Всегда какую-нибудь пакость да учинит! Но в моих руках как шелковый... Родители внимательно слушали мужчину, когда их дочь, поднявшись на цыпочки, чмокнула коня в нос. Байкал вздрогнул. Она улыбнулась еще ярче и убежала... }

Байкал очнулся от дремы, услышав, как открывается щеколда денника. Конюх надел на мерина недоуздок и повел его в леваду. Солнышко ярко светило, пригревая золотистую спину красавца-коня, который до сих пор еще ни разу не видел в этом городе снега.

Байкал резко взмахнул хвостом. Гулял он сегодня не с серой красавицей, а с двумя непоседливыми молодыми жеребцами. Они уже знали, что ко взрослому мерину лучше не приставать, поэтому в свои игры его не приглашали.

Байкал просунул голову под ограждение левады и принялся жевать траву. Так незаметно прошло утро коня.

Байкал уплетал овес после левады, когда услышал знакомый голос:

— Вот это мой конь! — четырнадцатилетняя девочка гордо указала на Байкала.

— Вау! — воскликнула ее подружка. — Какой красавец! — (Эту фразу Байкал слышал часто от разных людей, но так и не понял, как правильно на нее реагировать). — Ты на нем прыгаешь?

— Нет, я на нем просто иногда езжу. А прыгаю я на другом. Этому прыгать нельзя.

Бацькі ўважліва слухалі мужчыну, калі іх дачка, узняўшыся на дыбачкі, чмокнула коня ў нос. Байкал здрыгануўся. Яна ўсміхнулася яму яшчэ ярчэй і пабегла... }

Байкал ачнуўся ад дрымоты, пачуўшы, як адчыняецца клямка дзенніка. Конюх надзеў на мерына кантар і павёў яго ў ляваду. Сонейка ярка свяціла, прыграваючы залацістую спіну каня-прыгажуна, які дасюль яшчэ не бачыў у гэтым горадзе снегу.

Байкал рэзка ўзмахнуў хвостом. Гуляў ён сёння не з шэрай прыгажуняй, а з двума непаседлівымі маладымі жарабцамі. Яны ўжо ведалі, што да дарослага мерына лепш не чапляцца, таму ў свае гульні яго не запрашалі.

Байкал прасунуў галаву пад агароджу лявады і пачаў жаваць траву. Так незаўважна прайшла раніца каня.

Байкал уплятаў авёс пасля лявады, калі пачуў знаёмы голас:

— Вось гэта мой конь! — чатырнаццацігадовая дзяўчынка горда паказала Байкала.

— Ваў! — усклікнула яе сяброўка. — Які прыгажун! — (Гэту фразу Байкал чуў часта ад розных людзей, але так і не зразумеў, як правільна на яе рэагаваць). — Ты на ім скачаш?

— Не, я на ім проста часам езджу. А скачу я на іншым. Гэтаму скакаць нельга. Байкал высунуў нос праз рашоткі дзенніка, патрабуючы пачастунку.

Байкал высунул нос сквозь решетки денника, требуя угощения.

— Зачем же вы его купили?

— Ну... просто захотелось. Папа за таким красавцем на другой конец страны ездил. Он как мне его фото прислал, так я сразу поняла, что он то, что мне нужно! Мы его взяли просто потому... потому... потому что он красивый. Улыбнись, Байкал!

Байкал задрал вверх губу, показывая зубы. За это его тут же похвалили и всунули сахар. Конь захрустел.

— Пойдем, я тебе покажу мою серую кобылку, она тоже очень красивая.

— А коня, на котором ты прыгаешь, покажешь?

— Конечно, но только после кобылы. Он из них всех самый-самый! А еще я покажу тебе лошадей моей сестры. Она, кстати, сдает одного своего мерина в аренду. Он просто идеал для начинающих, может тебе подойдет. Девочки ушли. А Байкал хрустел дальше...

{ Золотистый жеребец отскочил в сторону, ощутив, что седло опустело. Он ничего не сделал — просто чуть-чуть подыграл.

Прошел ровно год после его первой встречи с этой девочкой. Алиса (так все звали ее) уже доставала до его шеи, не поднимаясь на цыпочки.

Долгое время она занималась на более покладистых лошадях, но крутилась постоянно возле денника Байкала. Она всегда искренне радовалась, когда ей представлялся случай отвести его в леваду, насыпать ему моркови, почистить его, помыть за ним уздечку... После тренировки она обязательно заходила к нему в денник, рассказывала о чем-то, угощала вкусностями, гладила по шее и разучивала с ним команды: «Улыбнись»,

— Навошта ж вы яго купілі?

— Ну... проста захацелася. Тата за такім прыгажуном на іншы канец краіны ездзіў. Ён як мне яго фота прыслаў, дык я адразу зразумела, што ён тое, што мне патрэбна! Мы яго ўзялі проста таму... таму... таму што ён прыгожы. Усміхніся, Байкал!

Байкал задраў уверх губу, паказваючы зубы. За гэта яго адразу пахвалілі і ўсунулі цукар. Конь захрумстаў.

— Пойдзем, я табе пакажу маю шэрую кабылку, яна таксама вельмі прыгожая.

— А каня, на якім ты скачаеш, пакажаш?

— Канечне, але толькі пасля кабылы. Ён з іх усіх самы-самы! А яшчэ я пакажу коней маёй сястры. Яна, дарэчы, здае аднаго свайго мерына ў арэнду. Ён проста ідэал для пачынаючых, можа табе падыдзе.

Дзяўчынкі пайшлі. А Байкал храбусцеў далей...

{ Залацісты жарабец адскочыў убок, адчуўшы, што сядло апусцела. Ён нічога не зрабіў — проста трохі падыграў.

Прайшоў роўна год пасля яго першай сустрэчы з гэтай дзяўчынкай. Аліса (так усе клікалі яе) ужо даставала да яго шчы, не ўзнімаючыся на дыбачкі.

Доўгі час яна займалася на больш рахманых конях, але круцілася пастаянна каля дзенніка Байкала. Яна заўсёды шчыра радавалася, калі ёй надаралася адвесці яго ў ляваду, насыпаць яму морквы, пачысціць яго, памыць за ім аброць... Пасля трэніроўкі яна абавязкова заходзіла да яго ў дзеннік, расказвала нешта, частавала смачненькім, гладзіла па шчы і развучвала з ім каманды: «Ус-

«Обними», «Поцелуй», «Дай ногу», а дальше поклон, трапедия и другие. Тяга Алисы к этому коню была замечена. И вот в один прекрасный весенний день юная всадница, сияя ослепительной улыбкой, открыла денник золотого жеребца, надела на него недоуздок и смело вывела на развязки. Байкал засеменил на месте, когда после обыкновенной чистки Алиса внесла знакомые седло и уздечку.

Девочке было нелегко с ним. Конь гордо задирает голову, отказываясь надевать уздечку, не давал спокойно взобраться на себя, а когда чувствовал, что Алиса все-таки усаживалась на него, нагло вытягивал повод из детских рук.

Рысь у него была тряская, но галоп просто замечательный. В тот день девочка в первый раз вкусила этот непростой аллюр на нем, и Байкал, отскочив, встал как вкопанный, когда она упала. Это было ее первое падение с него. До этого ей всегда удавалось странным образом удержаться, даже когда казалось, что еще чуть-чуть — и ее ноги коснутся земли, она умудрялась вскарабкаться обратно.

Алиса поднялась, отряхнула песок с жилетки и снова полезла в седло... }

— Сейчас мы тебя почистим, дружок, — это вернулась владелица со своей подружкой.

Вдвоем девочки принялись вычищать мерина. Их руки проходили по его телу небрежно. Подружки явно не очень старались.

— Ну что, боец, пошли работать?

міхніся», «Абдымі», «Пацалуй», «Дай нагу», а далей паклон, трапецья і іншыя. Цяга Алісы да гэтага каня была заўважана. І вось у адзін цудоўны вясенні дзянёк юная наезніца, ззяючы асляпляльнай усмешкай, адчыніла дзеннік залатога жарабца, надзела на яго кантар і смела вывела на развязкі.

Байкал затэпаў на месцы, калі пасля звычайнай чысткі Аліса вынесла яму знаёмыя сядло і аброць.

Дзяўчынцы было нялёгка з ім. Конь горда задзіраў галаву, адмаўляючыся надзяваць аброць, не даваў спакойна ўзлезці на сябе, а калі адчуваў, што Аліса ўсё-ткі ўсаджвалася на яго, нахабна выцягваў повад з дзіцячых рук.

Рысь у яго была траская, але галоп проста цудоўны. У той дзень дзяўчынка ў першы раз паспрабавала гэты няпросты алюр на ім, і Байкал, адскочыўшы, устаў як укапаны, калі яна ўпала. Гэта было яе першае падзенне з яго. Да гэтага ёй заўсёды ўдавалася дзіўным чынам утрымацца, нават калі здавалася, што яшчэ трохі — і яе ногі дакрануцца да зямлі, яна ўмудралася ўскараскацца назад.

Аліса паднялася, абтрэсла пясок з камізэлькі і зноў палезла ў сядло... }

— Зараз мы цябе пачысцім, дружок, — гэта вярнулася ўладальніца са сваёй сяброўкай.

Удваіх дзяўчынкі ўзяліся вычышчаць мерына. Іх рукі праходзілі па яго целу нядбайна. Відавочна, сяброўкі не вельмі стараліся.

— Ну што, баец, пайшлі працаваць?

А гэта прыйшоў канявод. Ёе забраў вычышчанага Байкала ў дзяўчынак і павёў яго ў бочку — невялікі круглы манежык.

А это пришел коновод. Он забрал вычищенного Байкала у девочек и повел его в бочку — небольшой круглый манежик.

Шаг. Рысь. Шаг. Галоп. Снова шаг. Коновод стоит в середине, командует и подгоняет коня хлыстиком, когда тот ленится. Ничего нового.

Отшагивая мерина последние пять минут на улице, коновод зачем-то зашел с ним в манеж.

Байкал повел носом и осмотрелся.

Кроме него здесь было еще лошадей семь, и на всех сидели всадники.

Трое из них по очереди заходили на препятствия.

Вот на галопе к чухонцу метр сорок высотой приближается пегий конь с голубыми глазами. На нем молодая всадница, она сосредоточенно ведет коня ногами и внимательно смотрит на препятствие. Посыл ноги — и они летят.

Довольная девушка похлопала лошадь по плечу.

Пока коновод с кем-то разговаривал, Байкал, повернув уши в сторону прыгающих, внимательно наблюдал...

{ На спину Байкала Алиса надела белый вальтрап и седло с новой меховушкой, а ноги забинтовала белыми бинтиками. Затем она познакомила коня с новой уздечкой, которая была украшена голубыми стразами в форме сердец, и, аккуратно взяв жеребца за нос, стала надевать ее.

Байкал совершенно спокойно принял в рот трензель, за что получил угощение. Он ощущал сильное волнение девочки, но сам не выходил из

Крок. Рысь. Крок. Галоп. Зноў крок. Канявод стаіць усярэдзіне, камандуе і падганяе каня плётачкай, калі той лянуецца. Нічога новага.

Адкروحваючы мерына апошнія пяць мінут на вуліцы, канявод чагосьці зайшоў з ім у манеж.

Байкал павёў носам і агледзеўся.

Акрамя яго тут было яшчэ коней сем, і на ўсіх сядзелі вершнікі. Трое з іх па чарзе заходзілі на перашкоды.

Вось на галопе да чухонца метр сорак выпынёй набліжаецца пярэсты конь з блакітнымі вачыма. На ім маладая вершніца, яна сканцэнтравана вядзе каня нагамі і ўважліва глядзіць на перашкоду. Пасыл нагі — і яны ляцяць.

Задаволеная дзяўчына паляпала каня па плячы.

Пакуль канявод з некім размаўляў, Байкал, натапырыўшы вушы ў той бок, дзе скакалі, уважліва назіраў...

{ На спіну Байкала Аліса надзела белы вальтрап і сядло з новай мехавушкай, а ногі забінтавала белымі бінцікамі. Затым яна пазнаёміла каня з новай аброццю, якая была ўпрыгожана блакітнымі стразамі ў форме сэрцаў, і, акуратна ўзяўшы жарабца за нос, стала надзяваць яе.

Байкал зусім спакойна прыняў у рот трэнзель, за што атрымаў пачастунак. Ён адчуў моцнае хваляванне дзяўчынкі, але сам не выходзіў з паўсоннага стану. Гэтым ранкам яго без цяжкасцей пагрузілі ў канявоз і адправілі на іншую стайню. Гэта азначала адно — выязныя спаборніцтвы. Для жарабца гэта было не ўпершыню, а вось для Алісы... Яны ўжо стартавалі на роднай стайні па марш-

полусонного состояния. Этим утром его без труда погрузили в коневоз и отправили на другую конюшню.

Это означало одно — выездные соревнования. Для жеребца это было не впервой, но вот для Алисы... Они уже стартовали на родной конюшне по маршрутам 60, 70, 80, 90, 100, 115 см. Перед каждым выступлением Алиса просила коня не подвести ее. У них уже имелись победы. Каждый раз после стартов юная всадница хвалила и угощала своего золотистого друга (даже если соревнования заканчивались не очень хорошо, и они умудрялись задеть жердочку или же случайно проехать мимо препятствия).

Они вышли в большой манеж. Привычная разминка: шаг — десять минут, рысь — пятнадцать минут, галоп — по шесть кругов в одну и в другую сторону, затем прыжки.

Алиса чуть расслабилась в седле, но волнение по-прежнему исходила от нее. Она время от времени поглядывала туда, где уже прыгали участники, и повторяла маршрут.

Байкал «попросил» у всадницы повод и протянул шею.

Вот назвали их имена.

Приветствие. Прозвенел звонок, можно начинать.

Алиса едва коснулся ногами боков жеребца, а он уже понесся.

Чухонец, брусья, канава, система... А с трибун раздаются голоса:

— Какой красивый конь!

— Он прыгает с хорошим запасом!

— А как скачет!

рутах 60, 70, 80, 90, 100, 115 см. Перад кожным выступленнем Аліса прасіла каня не падвесці яе. У іх ужо меліся перамогі. Кожны раз пасля стартаў юная вершніца хваліла і частавала свайго залацістага сябра (нават калі спаборніцтвы заканчваліся не вельмі ўдала, і яны ўмудраліся зачапіць жэрдку або выпадкова праехаць міма перашкоды).

Яны выйшлі ў вялікі манеж. Прывычная размінка: крок — дзесяць мінут, рысь — пятнаццаць мінут, галоп — па шэсць кругоў у адзін і другі бок, затым скачкі.

Аліса трохі расслабілася ў сядле, але хваляванне па-ранейшаму зыходзіла ад яе. Яна раз-пораз паглядала туды, дзе ўжо скакалі ўдзельнікі, і паўтарала маршрут.

Байкал «папрасіў» у наезніцы повад і працягнуў шыю.

Вось і назвалі іх імёны.

Прывітанне. Празвінеў званок, можна пачынаць.

Аліса ледзь дакранулася нагамі да бакоў жарабца, а ён ужо панёсся.

Чухонец, брусы, канава, сістэма... А з трыбуны раздаюцца галасы:

— Які прыгожы конь!

— Ён скача з добрым запасам!

— А як скача!

Вось круты паварот, тут трэба быць асцярожней, каб не прамахнуцца на чухонец. Аліса дае пасыл, і Байкал лёгка пералятае перашкоду. Ён падыгрывае галавой, але наезніца адзвае, нагадвае пра тое, што трэба сабрацца. Брусы, пасля іх паварот налева.

Вот крутой поворот, здесь надо быть осторожней, чтобы не промахнуться на чухонец. Алиса дает посыл, и Байкал легко перелетает преграду. Он подыгрывает головой, но всадница отзывает, напоминает о том, что нужно собраться. Брусся, после них поворот налево.

Байкал наострил уши и шумно задышал, когда увидел лошадь, скачущую прямо ему навстречу. Мощная лошадь, золотистая, с белой проточной на морде, а на лошади сидит Алиса.

Конь так и припустил. Всадница со всех сил стала отзывать и заворачивать его, но поздно, они уже не попадали. По пути оказался другой барьер, вот его Байкал и преодолел...

— Всадник исключается за несоблюдение маршрута!

Покинув манеж, Алиса слезла с коня и заплакала. Столько переживаний за один несчастный день. Байкал смотрел на нее, не тыкаясь носом, как делал обычно.

На следующий день Байкал, уже на родной конюшне, долго не отводил взгляда от двери. В конце концов, он опустил морду и принялся вяло жевать сено.

Послышались знакомые шаги. Байкал резко оторвался от сена и заржал.

— Ну что ты, дурачок? Как вчера зеркала испугался, трусишка! — Алиса звонко рассмеялась, и Байкал задрал вверх губу... }

Коновод дернул Байкала за недоуздок и повел на мойку. Там хорошенько полил мерина прохладной водой, после чего отправил пастись.

Байкал натапырыў вушы і шумна задыхаў, калі ўбачыў каня, які скакаў проста яму насустрач. Магутны, залацісты, з белай пралысінай на мордзе, а на кані сядзіць Аліса.

Конь так і прыпусціў. Вершніца з усіх сіл стала адзываць і заварочваць яго, але позна, яны ўжо не патраплялі. На шляху апынуўся іншы бар'ер, вось яго Байкал і пераадолеў...

— Наезнік выключаецца за невыкананне маршруту!

Пакінуўшы манеж, Аліса злезла з каня і заплакала. Столькі перажыванняў за адзін няшчасны дзень. Байкал глядзеў на яе, не тыцкаючыся носам, як рабіў звычайна.

На наступны дзень Байкал, ужо на роднай стайні, доўга не адводзіў позірку ад дзвярэй. Урэшце ён апусціў морду і пачаў вяла жаваць сена.

Пачуліся знаёмыя крокі. Байкал рэзка адарваўся ад сена і заіржаў.

— Ну што ты, дурненькі? Як учора люстэрка спужаўся, баязлівец! — Аліса звонка рассмялася, і Байкал задраў уверх губу... }

Канявод тузануў Байкала за кантар і павёў на мойку. Там добра паліў мерына прахалоднай вадой, пасля чаго адправіў пасвіцца.

Надышоў вечар. Байкал зноў пагуляў у лявадзе, на гэты раз з нейкім новым мерынам, з якім яны разам заняліся жаваннем травы. Затым іх развялі па дзенніках.

Наступил вечер. Байкал снова погулял в леваде, на этот раз с каким-то новым мерином, с которым они вместе занялись жеванием травы. Затем их развели по денникам.

Та самая девочка, его новая владелица, прошла мимо со своим конкурным чубарым жеребцом. Она поставила его в денник, что был прямо напротив Байкала; сняла с него амуницию, насыпала ему моркови, ласково потрепала по уху и нежно сказала: «Ты такой молодец». Затем куда-то поспешно убежала.

Но вскоре вернулась. Байкал отвлекся от сена и повернул к ней морду. Она зашла к нему в денник и стала поспешно втирать поддерживающие мази ему в ногу. Ей явно не терпелось скорее закончить это дело...

{ — Это что? — Алиса недовольно нахмурилась, нащупав шишку на ноге своего любимца.

Байкал поцеловал ее в щеку и стыл тыкаться носом в карманы с сахаром. Но Алиса не обратила на это внимания. Она развернулась и ушла.

Конь шумно вздохнул.

Вскоре Алиса вернулась с тренером, и они вместе осмотрели коня.

Дальше — больше: ему делали рентгены, вызывали ветеринара:

— Ничего страшного. Прыгать можно, но не выше метра и не часто. А так вообще нежелательно. И мази втирать.

Все пошло не так. Вместо того, чтобы продолжать покорять с Алисой метр двадцать, его неожиданно стали учить красиво поднимать ноги и катать на нем выездковые схемы.

Тая самая дзяўчынка, яго новая ўладальніца, прайшла міма са сваім канкурным пярэстым жарабцом. Яна паставіла яго ў дзеннік насупраць Байкала, зняла з яго амуніцыю, насыпала яму морквы, ласкава пагладзіла па вуху і пяшчотна сказала: «Ты такі малайчына». Затым некуды паспешліва пабегла.

Але хутка вярнулася. Байкал адарваўся ад сена і павярнуў да яе морду. Яна зайшла да яго ў дзеннік і стала паспешліва ўціраць падтрымальныя мазі яму ў нагу. Ёй яўна не цяпілася хутчэй скончыць гэту справу...

{ — Гэта што? — Аліса незадаволена нахмурылася, намацаўшы шышку на назе свайго любімца.

Байкал пацалаваў яе ў ічкаку і стаў тыцкацца носам у кішэні з цукрам. Але Аліса не звярнула на гэта ўвагі. Яна павярнулася і пайшла.

Конь шумна ўздыхнуў.

Хутка Аліса вярнулася з трэнерам, і яны разам агледзелі каня.

Далей — болей: яму рабілі рэнтгены, выклікалі ветэрынара:

— Нічога страшнага. Скакаць можна, але не вышэй за метр і не часта. А так наогул непажадана. І мазі ўціраць.

Усё пайшло не так. Замест таго каб працягваць пакараць з Алісай метр дваццаць, яго нечакана сталі вучыць прыгожа падымаць ногі і катаць на ім выездкавыя схемы.

Байкал безупынна казліў і свечыў. Пасля гэтых пачварных трэніровак Аліса заходзіла да яго ў дзеннік, старанна расцірала яму ногі, асабліва тую, на якой была шышка, і напывала. А Байкал трымаў вушы дакладна ў кірунку яе.

Байкал безуданно козлил и свечил. После этих отвратительных тренировок Алиса заходила к нему в денник, старательно растирала ему ноги, особенно тщательно ту, на которой была шишка, и напевала. А Байкал держал уши четко по направлению к ней.

Как-то раз, когда Байкал ел морковь после тренировки, он услышал на улице знакомые голоса. Это были Алиса и ее тренер. Они о чем-то горячо спорили. Конь оставил морковь и заходил кругами по деннику.

— Да не нужна мне другая лошадь! — закричала Алиса, вбежала на конюшню, села напротив денника Байкала и заплакала.

Через некоторое время в конюшню зашел и тренер. Спокойным голосом он стал что-то объяснять девочке, часто употребляя слова «рост», «развитие», «разряды», а закончил такой фразой:

— Я тебе уже такого коня присмотрел, маршруты по метр тридцать ходит вообще спокойно и под пятнадцатилетней девочкой, прям как ты.

Алиса буркнула в ответ что-то неразборчивое.

Когда тренер ушел, девочка подняла глаза на любимого жеребца:

— Были б деньги, я б тебя купила. Но я еще попытаюсь уговорить родителей, может мы сможем... }

Владелица закончила растирать ноги и ушла.

{ Алиса хмуро наблюдала за тем, как каждый день приезжали различные люди, смотрели Байкала, восхищались его красотой. Девочка радостно выдыхала: никого из покупателей не устраивали его способности к выезде.

Аднойчы, калі Байкал еў моркву пасля трэніроўкі, ён пачуў на вуліцы знаёмыя галасы. Гэта былі Аліса і яе трэнер. Яны аб нечым гарача спрачаліся. Конь кінуў моркву і захадзіў кругамі па дзенніку.

— Ды не патрэбны мне іншы конь! — закрычала Аліса, убегла ў стайню, села насупраць дзенніка Байкала і заплакала.

Праз некаторы час ў стайню зайшоў і трэнер. Спакойным голасам ён стаў нешта тлумачыць дзяўчынцы, часта выкарыстоўваючы словы «рост», «развіццё», «разрады», а закончыў такой фразай:

— Я табе ўжо такога каня прыгледзеў, маршруты па метр трыццаць ходзіць зусім спакойна і пад пятнаццацігадовай дзяўчынкай, як і ты.

Аліса буркнула ў адказ нешта неразборлівае.

Калі трэнер пайшоў, дзяўчынка падняла вочы на любімага жарабца:

— Былі б грошы, я б цябе купіла. Ды я яшчэ пастараюся ўгаварыць бацькоў, магчыма, мы зможам... }

Уладальніца скончыла расціраць ногі і пайшла.

{ Аліса пахмурна назірала за тым, як кожны дзень прязджалі розныя людзі, глядзелі Байкала, захапляліся яго прыгажосцю. Дзяўчынка радасна выдыхала: нікога з пакупнікоў не задавальнялі яго здольнасці да выездкі.

Але прайшло паўгода, і пакупнік усё ж знайшоўся. Убачыўшы такога прыгажуна-каня, ён адразу вырашыў узяць яго ў падарунак сваёй малодшай дачцэ.

Но прошло полгода, и покупатель-таки нашелся. Увидев такого красавца-коня, он тут же решил взять его в подарок своей младшей дочери.

Байкал был куплен.

Узнав об этом, Алиса зашла к жеребцу в денник, погладила по носу, угостила сахаром и грустно посмотрела на него:

— Прости, я не смогла тебя купить.

Помолчала.

— Знаешь, когда мне сказали, что тебя продают, я много плакала. И думала, что и сейчас тоже буду плакать. Но почему-то не хочется. Не знаю, мне почему-то не верится, что я тебя больше никогда не увижу. Глупость какая-то.

Байкал совал нос в карманы Алисы, выискивая сахар и шумно вдыхая запах знакомой жилетки.

— Мне пора уходить.

Она отдала ему весь сахар, какой нашелся у нее в карманах, крепко обняла за шею, чмокнула в нос, и, как в первый раз, конь вздрогнул.

Алиса стала закрывать денник, но Байкал вдруг тараном пошел прямо на дверь, мешая ей закрыться. Девочка слегка оттолкнула его и все-таки закрыла дверь.

Уже раздали морковь, а конь все еще смотрел на дверь... }

Стали расходиться остальные владельцы и арендаторы. Снова заговорили сотню разных голосов:

— Молодец, хорошо поработал.

— Так здорово попрыгали!

Байкал быў куплены.

Даведаўшыся пра гэта, Аліса зайшла да жарабца ў дзеннік, пагладзіла па носе, пачаставала цукрам і самотна паглядзела на яго:

— Выбачай, я не змагла цябе купіць.

Памаўчала.

— Ведаеш, калі мне казалі, што цябе прадаюць, я многа плакала. І думала, што і зараз таксама буду плакаць. Але чамусьці не хочацца. Не ведаю, мне чамусьці не верыцца, што я цябе больш не ўбачу. Глупства нейкае.

Байкал соваў нос у кішэні Алісы, выпшукваючы цукар і шумна ўдыхаючы пах знаёмай камізэлькі.

— Мне час ісці.

Яна аддала яму ўвесь цукар, які знайшоўся ў яе кішэнях, моцна абняла за шыю, цмокнула ў нос, і, як у першы раз, конь уздрыгнуў.

Аліса стала зачыняць дзеннік, але Байкал раптам таранам пайшоў проста на дзверы, перашкаджаючы ім зачыніцца. Дзяўчынка злёгка адпіхнула яго і ўсё-такі зачыніла дзверы.

Ужо раздалі моркву, а конь усё яшчэ глядзеў на дзверы... }

Сталі разыходзіцца астатнія ўладальнікі і арандатары. Зноў загаварылі сотні розных галасоў:

— Малайчына, добра папрацаваў!

— Так здорава паскакалі!

- Ты заслужил много моркови.
- Кому-то сегодня было очень весело.
- И сразу есть? Ты как с голодного края!
- Устал, малыш?
- До следующих выходных!
- Завтра поедем на старты, ты готова?
- Пируэты замечательно делал, и остановки очень ровненькие были.
- Надену-ка я на тебя попону.
- Я буду скучать по тебе...

Байкала просто кормили и работали в бочке, верхом ездили редко. Новая владелица постоянно ласкалась с ним, много угощала, фотографировала его, показывала друзьям. Ее приводило в восторг то, как он забавно задирает губу или грациозно поднимал ногу, прося что-нибудь вкусненькое. Но со временем она к нему охладела.

Байкал выучился вредным привычкам: стал прикусывать решетки денника и предаваться «медвежьей качке». Каждый день, еще жеребцом, а через год мерином, он стоял и смотрел за решетки, легонько раскачивая свое тело влево-вправо, влево-вправо. На второй год он смотрел уже в стену.

Ночь.

Тишина на конюшне.

Байкал устроился поудобнее, прикрыл глаза и стал засыпать...

{ Плац. Нежаркое солнце, легкий ветерок, мягкий грунт.

- Ты заслужыў шмат морквы.
- Некаму сёння было вельмі весела.
- І адразу есці? Ты як з галоднага краю!
- Стаміўся, малы?
- Да наступных выхадных!
- Заўтра паедзем на старты, ты гатова?
- Піруэты выдатна рабіў, і прыпынкі вельмі роўненькія былі.
- Леппі надзену я на цябе гуньку.
- Я буду сумаваць па табе...

Байкала проста кармілі і працавалі ў бочцы, вярхом ездзілі рэдка. Новая ўладальніца пастаянна лапчылася з ім, шмат частавала, фатаграфавала яго, паказвала сябрам. Яе захапляла тое, як ён пацешна задзіраў губу або грацыёзна падымаў нагу, просячы што-небудзь смачненькае. Але з цягам часу яна да яго астыла.

Байкал вывучыўся шкодным звычкам: стаў прыкусваць рапоткі дзенніка і аддавацца «мядзведжай гойданцы». Кожны дзень, яшчэ жарабцом, а праз год мерынам, ён стаяў і глядзеў за рапоткі, лёгенька пагойдваючы сваё цела ўлева-ўправа, улева-ўправа. На другі год ён глядзеў ужо ў сцяну.

Ноч.

Цішыня на стайні.

Байкал уладзіўся зручней, прыплюшчыў вочы і стаў засынаць ...

Байкал несется на барьер. Метр двадцать. Конь может и выше, но всадница пока не готова. Ничего, она еще научится.

Алиса дает посыл, Байкал отталкивается, и они летят.

И вот оно небо! Совсем рядом! Такое голубое, такое воздушное, девочке так хочется коснуться его.

Они приземляются.

Алиса позволяет коню подыграть, она радостно смеется, хлопает его по плечу. Их здесь трое: он, она и ветер, — и ей так хорошо с ними... }

«Байкал!»

Конь резко открыл глаза и поднял морду.

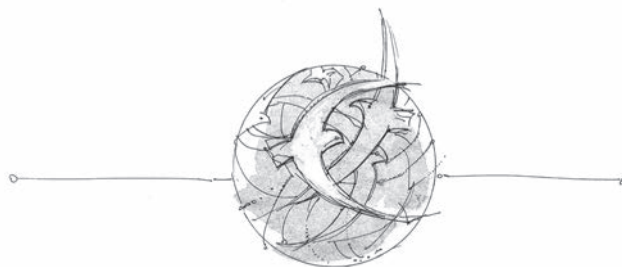
Все та же темная стена денника.

Он выставил переднюю ногу, словно собираясь подняться, и наострил уши.

Тихое сопение, легкие шаги.

Байкал вдохнул запах приближающегося.

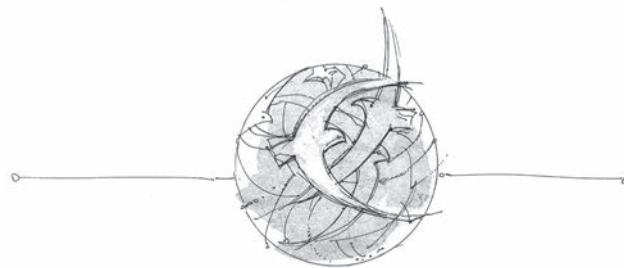
Опустил ногу.

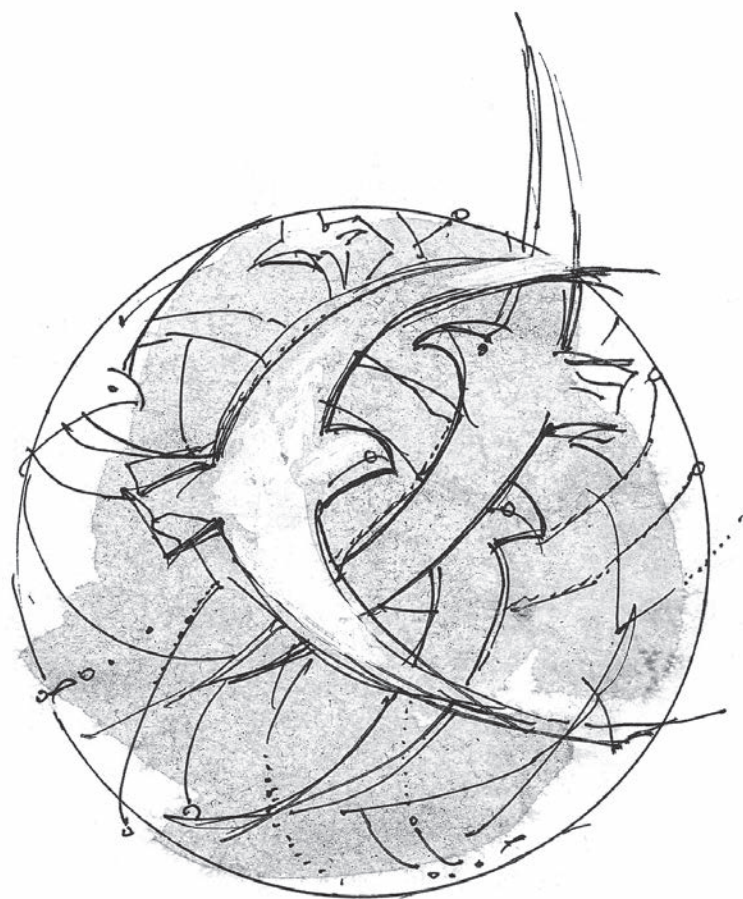

{ Плац. Негарчае сонца, лёгкі ветрык, мяккі грунт.
Байкал імчыцца на бар’ер. Метр дваццаць. Конь можа і выпэй, але наезніца
пакуль не гатова. Нічога, яна яшчэ навучыцца.
Аліса дастае пасыл, Байкал адштурхоўваецца, і яны ляцяць.
І вось яно — неба! Зусім побач! Такое блакітнае, такое лёгкае, дзяўчынцы так
хочацца дакрануцца да яго.
Яны прызямляюцца.
Аліса дазваляе каню падыграць, яна радасна смяецца, пляскае яго па плячы.
Іх тут трое: ён, яна і вецер, — і ёй так хараша з імі... }

«Байкал!»

Конь рэзка расплюшчыў вочы і падняў морду.
Усё тая ж цёмная сцяна дзенніка.
Ён выставіў пярэдняю нагу, быццам збіраючыся падняцца, і натапырыў
вушы.
Ціхае сапенне, лёгкія крокі.
Байкал удыхнуў пах таго, хто набліжаўся.
Апусціў нагу.

Екатерина Богданова

Родилась 25 ноября 1996 г. в г. Ульяновске. Окончила медицинский факультет Ульяновского государственного университета в 2021 г. Живет в Ульяновске. Публиковалась в литературном журнале «Симбирскъ» (№ 6, 8, 2020 г.), сборнике «Молодежная волна» (2020), на сайте регионального отделения Союза писателей России. Автор лирических стихотворений, рассказов, повести «Беги от меня», романа «Душа дворянки». Лауреат региональной литературной премии «Первая роса — 2020» в номинации «Гран-при». Дипломант московского литературного конкурса «Веское слово» в номинации «За верность отечественной литературе». Награждена медалью им. И. Бунина (2020).

Кацярына Багданава

Нарадзілася 25 лістапада 1996 г. у г. Ульянаўску. Скончыла медыцынскі факультэт Ульянаўскага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 2021 г. Жыве ў Ульянаўску. Публікавалася ў літаратурным часопісе «Симбирскъ» (№ 6, 8, 2020 г.), зборніку «Маладзёжная хваля» (2020), на сайце рэгіянальнага аддзялення Саюза пісьменнікаў Расіі. Аўтар лірычных вершаў, апавяданняў, апавесці «Бяжы ад мяне», рамана «Душа дваранкі». Лаўрэат рэгіянальнай літаратурнай прэміі «Першая роса — 2020» у намінацыі «Гран-пры». Дыпламант маскоўскага літаратурнага конкурсу «Важкае слова» ў намінацыі «За вернасць айчынай літаратуры». Узнагароджана медалём імя І. Буніна (2020).

ВОЛШЕБНЫЙ МИР

— Ну что, Тереза Дурова, бери слонов и веди их на прогулку!

— Бабуль, я не хочу гулять! Давай лучше дома поиграем!

— Нет-нет-нет, слонам нужен свежий воздух!

— А «Исцеление любовью» скоро начнется!

— Успеем. Ну, Тереза Дурова, давай одевайся! Слойку со сгущенкой в Большом магазине тебе купим. И продуктов... Для слонов!

И они шли гулять то со слонами, то с пупсом Алисией в кружевном конверте. Девочка Катя и ее бабушка Нина Петровна. Бабушка была старше Кати ровно на полвека, и поэтому Катя всегда хорошо помнила, сколько ей лет. «Тебе пятьдесят пять, а мне пять. Тебе пятьдесят шесть, а мне шесть», — любила приговаривать девочка.

— А, там у вас кукла! А мы-то думали, что настоящий ребенок! — качали головами соседки, заглядывая в кружевной конверт, который Катя держала в руках.

Во время прогулок девочка любила кататься на качелях во дворе. Раскачивая внучку, Нина Петровна часто пела старую песню о крылатых качелях или другую, «Утро красит нежным светом...». Иные говорили, что у бабушки нет ни слуха, ни голоса. Однако Катя не верила им и с удовольствием слушала Нину Петровну. На душе у нее от этих песен становилось легко и радостно.

Катя охотно читала вместе с бабушкой книжки. Уже в два года она гордо декламировала «Муху-Цокотуху» и «Тараканище» Чуковского перед гостями.

ЧАРОЎНЫ СВЕТ

— Ну што, Тэрэза Дурава, бяры сланоў і вядзі іх на шпацыр!

— Бабуль, я не хачу ісці! Давай лепш дома пагуляем!

— Не-не-не, сланам патрэбна свежае паветра!

— А «Вылячэнне любоўю» хутка пачнецца!

— Паспеем. Ну, Тэрэза Дурава, давай апранайся! Слойку са згушчонкай у Вялікім магазіне табе купім. І прадуктаў... Для сланоў!

І яны ішлі гуляць то са сланамі, то з пупсам Алісіяй у карункавым канверце. Дзяўчынка Каця і яе бабуля Ніна Пятроўна. Бабуля была старэй за Кацю роўна на паўвека, і таму Каця заўсёды добра памятала, колькі ёй гадоў. «Табе пяцьдзесят пяць, а мне пяць. Табе пяцьдзесят шэсць, а мне шэсць», — любіла прыгаворваць дзяўчынка.

— А, дык у вас лялька! А мы думалі, што сапраўднае дзіця! — ківалі галовамі суседкі, зазіраючы ў карункавы канверт, які Каця трымала ў руках.

Падчас прагулак дзяўчынка любіла гушкацца на арэях у двары. Раскачваючы ўнучку, Ніна Пятроўна часта спявала старую песню пра крылатыя арэлі або іншую, «Утро красит нежным светом...». Некаторыя казалі, што ў бабулі няма ні слыху, ні голасу. Аднак Каця не верыла ім і з задавальненнем слухала Ніну Пятроўну. На душы ў яе ад гэтых песень станавілася лёгка і радасна.

Каця ахвотна чытала разам з бабуляй кніжкі. Ужо ў два гады яна горда дэкламавала «Муху-Цакатуху» і «Тараканішча» Чукоўскага перад гасцямі.

Немного позже папа даже записал на аудиокассету, как дочь читает стихи.

В детском саду Катю редко брали в танцы. Зато ей часто давали длинные и сложные стихотворения. А еще девочка была талантливой маленькой актрисой. «Простите, Нина Петровна, — извинялась воспитательница — постановщик спектакля. — Не обижайтесь, что я даю вашей внучке отрицательные роли. Василису-царевну любая девочка сыграет. Иное дело — Лису Алису или Страха, слугу Кощея Бессмертного. Тут не всякий справится!»

Бабушка всегда была уверена в том, что у Кати все получится. «Кольца молодоженам могут подавать только дети с пяти лет!» — строго сказала однажды работница загса. «Ничего. Наша девочка и в три года подаст», — возразила бабушка.

«Ты балуешь ее, Нина! — журили бабушку приятельницы-соседки. — Такие дорогие шоколадки ей покупаешь. Еще и сыр “Президент”! Как будто она у тебя президентская дочка!» Однако Нина Петровна никого не слушала. Она покупала Кате с пенсии гостинцы и разрешала ей выносить во двор любые игрушки. Бабушка верила, что внучка уже взрослая, ничего не испортит и не потеряет.

Вечерами Катя очень любила смотреть с бабушкой фильмы. Не мультики, а настоящие фильмы. Взрослые. Длинные-длинные. Каждый серий на сто. «Да ты же там ничего не понимаешь!» — смеялись родители. Но Катя не обращала на их насмешки внимания.

Трохі пазней тата нават запісаў на аўдыёкасету, як дачка чытае вершы. У дзіцячым садку Кацю рэдка бралі ў танцы. Затое ёй часта давалі доўгія і складаныя вершы. А яшчэ дзяўчынка была таленавітай маленькай актрысай. «Прабачце, Ніна Пятроўна, — выбачалася выхавацелька — пастаноўшчык спектакля. — Не крыўдуйце, што я даю вашай унучцы адмоўныя ролі. Васілісу-царэўну любая дзяўчынка сыграе. Іншая справа — лісу Алісу або Страха, слугу Капчэя Бессмяротнага. Тут не кожны справіцца!»

Бабуля заўсёды была ўпэўнена ў тым, што ў Каці ўсё атрымаецца. «Пярсцёнкі маладажонам могуць падаваць толькі дзеці з пяці гадоў!» — строга сказала аднойчы супрацоўніца загса. «Нічога. Наша дзяўчынка і ў тры гады падасць», — запярэчыла бабуля.

«Ты пестуеш яе, Ніна! — дакаралі бабулю прыяцелькі-суседкі. — Такія дарагія шакаладкі ёй купляеш. Яшчэ і сыр “Прэзідэнт”! Быццам яна ў цябе прэзідэнцкая дачка!» Аднак Ніна Пятроўна нікога не слухала. Яна купляла Каці з пенсіі гасцінцы і дазваляла ёй выносіць у двор любыя цацкі. Бабуля верыла, што ўнучка ўжо дарослая, нічога не папсуе і не згубіць.

Вечарамі Каця вельмі любіла глядзець з бабуляй фільмы. Не мультыкі, а сапраўдныя фільмы. Дарослыя. Доўгія-доўгія. Кожны серый па сто. «Ды ты ж там нічога не разумееш!» — смяяліся бацькі. Але Каця не звяртала на іх насмешкі ўвагі.

З якой нецярплівасцю чакала дзяўчынка наступнай серыі! А серыі заканчваліся, як знарок, на самым цікавым месцы.

С каким нетерпением ждала девочка следующей серии! А серии заканчивались, как нарочно, на самом интересном месте.

— И кто так делает? Кто решил, что тут конец будет? — негодовала Катя, печально глядя на бегущие по экрану финальные титры.

— Режиссер, — отвечала бабушка.

— И зачем так сделал режиссер? Скажет она или не скажет? Пойдет туда или не пойдет? Непонятно!

— Ну подожди денек, завтра в это же время продолжение будет, — улыбалась бабушка.

Легко ей говорить! Для нее денек — это как минутка. Раз — и пролетел. А для Кати день тянулся очень-очень долго. Ну невозможно для нее было столько времени просто сидеть и ждать! Поэтому Катя брала кукол, распределяла между ними роли из фильма и доигрывала сцену сама. Только родителям нельзя было об этом рассказывать: они взрослые, серьезные люди, они не поймут. А бабушке все рассказать можно было. Она, хоть тоже взрослая, всегда все понимала: и что шкаф предназначен не для сервиза, а для кукольной мебели, и что в комнате сейчас не беспорядок, а цыганский табор. И даже что азиаты, которые делают на Южном рынке ключи, — это китайцы, самые настоящие. А вовсе не вьетнамцы, как говорил папа.

Вместе с бабушкой можно было сделать все что угодно. Даже уехать на Крайний Север в гости к тете и дяде. На чем? Конечно же, на детских санках, которые стояли на балконе! «Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним...» — пела бабушка, усадив Катю в санки. И стены комнаты

— І хто так робіць? Хто вырашыў, што тут канец будзе? — абуралася Каця, засмучана глядзячы на бягучыя па экране фінальныя цітры.

— Рэжысёр, — адказвала бабуля.

— І навошта так зрабіў рэжысёр? Скажа яна ці не скажа? Пойдзе туды ці не пойдзе? Незразумела!

— Ну пачакай дзянёк, заўтра ў гэты ж час працяг будзе, — усміхалася бабуля. Лёгка ёй казаць! Для яе дзянёк — гэта як мінутка. Раз — і праляцеў. А для Каці дзень цягнуўся вельмі-вельмі доўга. Ну немагчыма для яе было столькі часу проста сядзець і чакаць! Таму Каця брала лялек, размяркоўвала паміж імі ролі з фільма і даігрывала сцэну сама. Толькі бацькам нельга было пра гэта расказаць: яны дарослыя, сур’ёзныя людзі, яны не зразумеюць. А бабулі ўсё расказаць можна было. Яна, хаця таксама дарослая, заўсёды ўсё разумела: і што шафа прызначана не для сервіза, а для лялечнай мэблі, і што ў пакоі зараз не гармідар, а цыганскі табар. І нават што азіяты, якія вырабляюць на Паўднёвым рынку ключы, — гэта кітайцы, самыя сапраўдныя. А зусім не в’етнамцы, як казаў тата.

Разам з бабуляй можна было зрабіць што заўгодна. Нават паехаць на Крайнюю Поўнач у госці да цёткі і дзядзькі. На чым? Канечне ж, на дзіцячых санках, якія стаялі на балконе! «Мы поедзем, мы помчымся на оленях утроем раннім...» — спявала бабуля, пасадзіўшы Кацю ў санкі. І сцены пакоя таялі быццам на чараўніцтве. Дзяўчынка апыналася на далёкім Ямале, сярод суровай тундры і бачыла, як яе весела сустракаюць родныя.

таяли словно по волшебству. Девочка оказывалась на далеком Ямале, среди суровой тундры и видела, как ее весело встречают родные. А еще Катя очень любила смотреть с бабушкой передачу «Что? Где? Когда?». Она знала по именам всех знатоков и мечтала когда-нибудь сочинить трудный-претрудный вопрос, такой, чтобы никто из взрослых на него не ответил. Однажды Катя сделала из картона «бриллиантовую сову» и поставила ее на полку за стекло. Она часто смотрела на самодельную птицу и представляла, как будто она настоящая. Одно не нравилось девочке — что передачу показывают по телевизору так поздно. В один прекрасный день она даже написала письмо в Москву, «самому главному начальнику по всем передачам». Она попросила его показывать «Что? Где? Когда?» пораньше. Чтобы дети могли тоже смотреть. Бабушка взяла это письмо и положила его в настоящий конверт с голубой маркой. И на следующий день Катя сама бросила его в почтовый ящик. Совершенно уверенная, что оно дойдет. А еще Катя однажды написала письмо Рыжему Апу — тому странному зверьку, что мелькал в рекламе йогурта по телевизору. Катя просила, чтобы Рыжий Ап подарил ей ролики и чтобы он пришел к ней на день рождения. Бабушка никогда не говорила Кате: «это невозможно», «так не бывает», «ты не сможешь». Она делала все, чтобы внучка как можно дольше верила в Чудо. В то, что зимой под елку подарки приносит Дедушка Мороз. В то, что маленький голубой стульчик подарила не баба Шура из соседнего подъезда, а настоящая Снегурочка. И в то, что после праздников елка уходит в лес. В парк Юности. Он ведь рядом совсем, через дорогу.

А яшчэ Каця вельмі любіла глядзець з бабуляй перадачу «Што? Дзе? Калі?». Яна ведала па імёнах усіх знатакоў і марыла калі-небудзь прыдумаць цяжкае-цяжкае пытанне, такое, каб ніхто з дарослых на яго не адказаў. Аднойчы Каця зрабіла з кардону «брыльянтавую саву» і паставіла яе на паліцу за шкло. Яна часта глядзела на самаробную птушку і ўяўляла, быццам яна сапраўдная. Адно не падабалася дзяўчынцы — што перадачу паказваюць па тэлевізары так позна. Аднаго разу яна нават напісала ліст у Маскву, «самаму галоўнаму начальніку па ўсіх перадачах». Яна папрасіла яго паказваць «Што? Дзе? Калі?» раней. Каб дзеці маглі таксама глядзець. Бабуля ўзяла ліст і паклала яго ў сапраўдны канверт з блакітнай маркай. І назаўтра Каця сама кінула яго ў папшто-вую скрынку. Абсалютна ўпэўненая, што яно дойдзе. А яшчэ Каця аднойчы напісала ліст Рудому Апу — таму дзіўнаму звярку, які мільгаў у рэкламе ёгурту па тэлевізары. Каця прасіла, каб Руды Ап падарыў ёй ролікі і каб ён прыйшоў да яе на дзень нараджэння.

Бабуля ніколі не казала Каці: «гэта немагчыма», «так не бывае», «ты не зможаш». Яна рабіла ўсё, каб унучка як мага даўжэй верыла ў Цуд. У тое, што зімой пад ёлку падарункі прыносіць Дзядуля Мароз. У тое, што маленькі блакітны стульчык падарыла не баба Шура з суседняга пад'езда, а сапраўдная Снягурачка. І ў тое, што пасля свят ёлка сыходзіць у лес. У парк Юнацтва. Ён жа побач зусім, праз дарогу. «Якія неразумныя людзі! — думала Каця, гледзячы на выкінутыя ў кантэйнер для смецця яловыя лапкі. — Ёлачка ж магла б назад у лес пайсці!»

«Какие глупые люди! — думала Катя, глядя на выброшенные в мусорный контейнер ветки. — Ведь елочка могла бы обратно в лес уйти!»

Еще девочка очень любила рукодельничать. «Глупенькая. Эти тетki из других городов о тебе даже не знают. А ты им к Восьмому марта весь день открытки клеишь!» — качали головой родители, заставляя Катю за аппликацией.

«Ну и пусть клеит! Что вы привязались-то? — спорила бабушка. — Сами не роднятся ни с кем и ребенку не дают».

Наступает вечер, и Катя готовится ко сну.

— Бабуля-а-а, иди сюда-а-а! — кричит девочка.

— Иду-иду-иду-иду! — кричит в ответ бабушка и спустя несколько минут, домыв посуду или достирав белье, наконец-то приходит.

— Расскажи мне историю про Андреяшку! — просит девочка.

— Ох, да я уж все истории тебе пересказала!

— Ну еще раз расскажи!

И бабушка никогда не отказывает.

— Хорошо-хорошо... Ну, кружусь я однажды на кухне, делами занимаюсь. А Андреяшка мне кричит: «Мам, я пряду!» Я ему в ответ: «Пряди, сынок, пряди!» А сама готовить продолжаю. Через некоторое время он опять: «Мам, я пряду!» И я ему отвечаю то же самое. Потом вдруг интересно стало, что же он такое там делает. Захожу — а он мне почти весь свитер распустил! И довольный сидит, смеется!

Андреяшка — это Катин папа. Но не сейчас, конечно. А когда-то давно, когда маленьким мальчиком был. В детстве он очень любил кататься на

Яшчэ дзяўчынка вельмі любіла рукадзельнічаць. «Дурненькая. Гэтыя цёткі з іншых гарадоў пра цябе нават не ведаюць. А ты ім да Восьмага сакавіка ўвесь дзень папштоўкі клеіш!» — ківалі галавой бацькі, застаючы Кацю за аплікацыяй.

«Ну і няхай клеіць! Чаго вы прычапіліся? — спрачалася бабуля. — Самі не радняцца ні з кім і дзіцёнку не даюць».

Надыходзіць вечар, і Каця рыхтуецца да сну.

— Бабуля-а-а, ідзі сюды-ы-ы! — крычыць дзяўчынка.

— Іду-іду-іду-іду! — крычыць у адказ бабуля і праз некалькі хвілін, дамыўшы посуд або дапраўшы бялізну, нарэшце прыходзіць.

— Раскажы мне гісторыю про Андрэяшку! — просіць дзяўчынка.

— Ох, ды я ўжо ўсе гісторыі табе пераказала!

— Ну яшчэ раз раскажы!

І бабуля ніколі не адмаўляе.

— Добра-добра... Ну, кручуся я аднойчы на кухні, справамі займаюся. А Андрэяшка мне крычыць: «Мам, я праду!» Я яму ў адказ: «Прадзі, сыноч, прадзі!» А сама гатаваць працягваю. Праз некаторы час ён зноўку: «Мам, я праду!» І я яму адказваю тое ж самае. Потым раптам цікава стала, што ж ён такое там робіць. Заходжу — а ён мне амаль увесь світар распусціў! І задаволены сядіць, смяецца!

Андрэяшка — гэта Кацін тата. Але не зараз, канечне. А калісьці даўно, калі маленькім хлопчыкам быў. У дзяцінстве ён вельмі любіў катацца на лыжах,

лыжах, а еще — ловить рыбу и собирать гильзы на полигоне после учений. Но больше всего Андреяшке нравилось читать, и поэтому он вырос очень умным. Окончил школу с золотой медалью, а университет — с красным дипломом. А потом он стал Андреем Юрьевичем — строгим преподавателем и кандидатом физико-математических наук.

Иногда бабушка рассказывала внучке не про Андреяшку, а про прабабушку Марусю и прапрабабушку Катю:

— Позвонил однажды мне братик мой, Коля. Поговорила я с ним, трубку положила. Бабушка Маруся заходит и спрашивает: «Ты ватрушками-то брата угостила?» Я ей: «Да как же, мама? Я же говорила с ним по телефону!» А она ворчит: «Эх, пожалела, для родного брата пожалела!» Старенькая была она уже тогда. Не понимала. Вот так-то.

— А еще? Расскажи еще!

— Ну, слушай. Собралась я с Андрюшей и с мамой в Воронеж. Купила билеты на самолет. А мама так руками и всплеснула: «Нина! У нас ребенок, чемоданы! Как мы в самолет поместимся?» Я ее успокаиваю: «Мама, ты что! Самолет — он огромный, он как большой-большой автобус!» А бабушка Маруся мне: «Да? В самом деле так? А я-то думала, что он не больше нашего балкончика. В небе-то вон какой махонький летит!»

— Еще, бабуль!

— Ну хорошо, еще одна история, последняя. Давно это было. Шла тогда Великая Отечественная война. Бабушка Маруся и бабушка Катя в то время в деревне под Воронежем жили. Вбежали немцы к ним в избу. «Schneller! Schneller!» — кричат. Это значит «быстрее». Так и выгнали

а яшчэ — лавіць рыбу і збіраць гільзы на палігоне пасля вучэнняў. Але больш за ўсё Андрэяшку падабалася чытаць, і таму ён вырас вельмі разумным. Скончыў школу з залатым медалём, а ўніверсітэт — з чырвоным дыпламам. А потым ён стаў Андрэем Юр'евічам — строгім выкладчыкам і кандыдатам фізіка-матэматычных навук.

Часам бабуля расказвала ўнучцы не пра Андрэяшку, а пра прабабулю Марусю і прапрабабулю Кацю:

— Пазваніў аднойчы мне брацік мой, Коля. Пагаварыла я з ім, трубку паклала. Бабуля Маруся заходзіць і пытаецца: «Ты ватрушкамі брата пачаставала?» Я ёй: «Ды як жа, мама? Я ж размаўляла з ім па тэлефоне!» А яна бурчыць: «Эх, пашкадавала, для роднага брата пашкадавала!» Старэнькая была яна ўжо тады. Не разумела. Вось так.

— А яшчэ? Раскажы яшчэ!

— Ну, слухай. Сабралася я з Андрушам і з мамай у Варонеж. Купіла білеты на самалёт. А мама так і пляснула рукамі: «Ніна! У нас дзіця, чамаданы! Як мы ў самалёт змесцімся?» Я яе супакойваю: «Мама, ты што! Самалёт — ён агромністы, ён як вялікі-вялікі аўтобус» А бабуля Маруся мне: «Так? На самай справе так? А я ж думала, што ён не болей за наш балкончык. У небе ж вунь які маленечкі ляціць!»

— Яшчэ, бабуль!

— Ну добра, яшчэ адна гісторыя, апошняя. Даўно гэта было. Шла тады Вялікая Айчынная вайна. Бабуля Маруся і бабуля Каця ў той час у вёсцы пад

их немцы из дома. Только и успела бабушка Маруся мешочек с сухим горохом схватить. Несколько недель они вдвоем в холодном окопе сидели, один только горох и ели. Хотели их, как и других жителей села, в плен угнать. Да сжалился полицай, оставил их в селе. Приказали бабушке Марусе и бабушке Кате в сарае жить да за коровами ухаживать. Доили они коров, а молока даже лизнуть не могли. Немцы с автоматами стерегли их. Так что Катя и Маруся одними помоями питались. О кусочке свежего хлеба мечтали... Апрель уж на дворе, День Победы скоро. Парад по телевизору покажут.

— А давай прямо завтра устроим парад! — придумала Катя. — Медведь будет генералом. А утенок — солдатом. Бабуль, а ордена у нас есть?

— Нет орденов. Но это ничего. Ты их возьми и нарисуй!

— Обязательно нарисую!

Мама тоже любила проводить время с Катей. Но все время почему-то работала в каком-то Дворце. Как настоящая королева! Зато мама приносила с работы замечательные книги. Самым любимым Катиным произведением был «Волшебник Изумрудного города» Александра Волкова. Свою игрушечную собачку она назвала Тотошкой. В четыре года и в шесть лет Катя была на Черном море. И песик тоже ездил вместе с ней.

Девочка всегда вела себя хорошо: и дома, и в детском саду. Она была уверена, что у мамы на работе есть подзорная труба для наблюдения за дочкой.

Папа тоже все время работал — преподавал студентам высшую математику. У него был большой черный дипломат, компьютер и что-то не совсем

Варонежам жылі. Убеглі немцы да іх у хату. «Schneller! Schneller!» — крычаць. Гэта значыць «хутчэй». Так і выгналі іх немцы з дому. Толькі і паспела бабуля Маруся мяшэчак з сухім гарохам схапіць. Некалькі тыдняў яны ўдваіх у халодным акопе сядзелі, адзін толькі гарох і елі. Хацелі іх, як і іншых жыхароў сяла, у палон угнаць. Ды злітаваўся паліцай, пакінуў іх у сяле. Загадалі бабулі Марусі і бабулі Каці ў хляве жыць ды кароў даглядаць. Даілі яны кароў, а малака нават лізнуць не маглі. Немцы з аўтаматамі сцераглі іх. Так што Каця і Маруся аднымі памыямі харчаваліся. Пра кавалачак свежага хлеба марылі... Красавік ужо на дварэ, Дзень Перамогі хутка. Парад па тэлевізары пакажуць.

— А давай прама заўтра зладзім парад! — прыдумала Каця. — Мядзведзь будзе генералам. А качаня — салдатам. Бабуль, а ордэны ў нас ёсць?

— Няма ордэнаў. Але гэта нічога. Ты іх вазьмі і намалюй!

— Абавязкова намалюю!

Мама таксама любіла праводзіць час з Кацяй. Але ўвесь час чамусьці працавала ў нейкім Палацы. Як сапраўдная каралева! Затое мама прыносіла з працы цудоўныя кнігі. Самым любімым Каціным твораў быў «Чараўнік Ізмурднага горада» Аляксандра Волкава. Свайго цацачнага сабачку яна назвала Татош-кам. У чатыры гады і ў шэсць гадоў Каця была на Чорным моры. І сабачка таксама ездзіў з ёю.

Дзяўчынка заўсёды паводзіла сябе добра: і дома, і ў дзіцячым садку. Яна была ўпэўнена, што ў мамы на працы ёсць падзорная труба для назірання за дачкой.

понятное для Кати — интернет. Когда интернет настраивался с помощью модема, раздавались причудливые звуки. «Что это?» — спрашивала Катя. «Это так компьютеры разговаривают между собой», — говорила мама. Кате нравился компьютер. Иногда ей даже разрешали на нем поиграть. Когда Кате исполнилось семь лет, она перестала считать себя маленькой: у нее появилась младшая сестренка Алина — крохотная, розовощекая, несмышленная. «Почему же она все время спит? Спит да плачет. И как ей не скучно?» — с досадой думала Катя и мечтала о том, чтобы малютка поскорее подросла, поумнела и с ней можно было играть.

В этом же году Катя пошла в школу. Училась она на «отлично», особенно хорошо ей давалось чтение и письмо. Родители были очень этому рады. И бабушка тоже. Она каждый месяц покупала своей внучке большую «пятачную» шоколадку.

Во втором классе Катя серьезно заболела. «Пневмония, — сказала врач, а после начала писать рецепт, проговаривая вслух по слогам какие-то непонятные слова: — Так, значит, а-мо-кси-цил-лин или э-рит-ро-ми-цин». «Интересно: что такое пневмония?» — подумала девочка. Взрослые объяснили ей, это «что-то с легкими». Через несколько недель Катя вылечилась, но с тех пор стала часто играть во врача. Ей даже настольную игру «Я доктор» родные подарили.

Отношения с отцом у Кати порой были трудными. Он тоже любил ее. Водил купаться на Волгу, на дикий пляж. Рвал с ней в диких садах по осени яблоки. Привозил ей из командировок гостинцы: то лошадку из Москвы,

Тата таксама ўвесь час працаваў — выкладаў студэнтам вышэйшую матэматыку. У яго быў вялікі чорны дыпламат, камп'ютар і нешта не зусім зразумелае для Каці — інтэрнэт. Калі інтэрнэт настройваўся з дапамогай мадэма, раздаваліся дзіўныя гукі. «Што гэта?» — пытала Каця. «Гэта так камп'ютары размаўляюць паміж сабой», — казалі мама. Каці падабаўся камп'ютар. Часам ёй нават дазвалялі на ім пагуляць.

Калі Каці споўнілася сем гадоў, яна перастала лічыць сябе маленькай: у яе з'явілася малодшая сястрычка Аліна — маленечкая, ружовапчокая, нецямливая. «Чаму яна ўвесь час спіць? Спіць ды плача. І як ёй не сумна?» — з непамыснасцю думала Каця і марыла пра тое, каб малая хутчэй падрасла, паразумнела і з ёю можа было гуляць.

У гэтым жа годзе Каця пайшла ў школу. Вучылася яна на «выдатна», асабліва добра ёй даваліся чытанне і пісьмо. Бацькі былі вельмі гэтаму рады. І бабуля таксама. Яна кожны месяц купляла сваёй унучцы вялікую «пяцёрачную» шакаладку.

У другім класе Каця сур'ёзна захварэла. «Пнеўманія, — сказала ўрач, а потым пачала пісаць рэцэпт, прагаворваючы ўслых па складах нейкія незразумелыя словы: — Так, значыць, а-мо-ксі-цы-лін або э-рыт-ра-мі-цын». «Цікава: што такое пнеўманія?» — падумала дзяўчынка. Дарослыя патлумачылі ёй, што гэта «нешта з лёгкімі». Праз некалькі тыдняў Каця вычыхалася, але з той пары стала часта гуляць у доктара. Ёй нават настольную гульню «Я доктар» родныя падарылі.

то статуэтки негритят из Америки. Но иногда он так сильно ругался, что Катя боялась его.

— Обязательно погром устраивать нужно! — гневно сказал однажды отец, глядя на разбросанные игрушки дочери. — Посадила куклу на полку — и представляй, что она в комнате!

«А ведь и правда, — подумала тогда Катя. — Можно же все представлять! Тогда и родители ругать не будут. Ведь они ничего не увидят, ведь все игрушки тогда будут у меня в голове. Да и представить все, что хочешь, можно! Даже те игрушки, которых нет у меня и никогда не будет. Дальние страны, разные чудеса... Совсем как в книжке!»

С тех пор она все реже разбрасывала игрушки и все чаще садилась за тетрадку. Вырезала из журналов о Барби картинки, приклеивала их на разлинованную страничку, а внизу делала записи, похожие на маленький рассказик.

Через несколько лет журналы о Барби Катя у бабушки просить перестала. Но тетрадки свои вести продолжила. И сама не заметила, как выросла. Как окончила школу, как поступила в вуз на медицинский факультет. Тетрадки остались с нею, но большая их часть перекочевала в компьютер. Когда-то Катя была для бабушки то Терезой Дуровой, то цыганкой Кармелитой, то девочкой Элли из Канзаса. Теперь собратья по перу называют Катю Стефани Майер. Пока, может быть, только с иронией. Но Кате нравится. Если от прозвища нельзя избавиться, то почему бы его не полюбить?

Стасункі з бацькам у Каці парою былі складанымі. Ён таксама любіў яе. Вадзіў купацца на Волгу, на дзікі пляж. Ірваў з ёю ў дзікіх садах увосень яблыкi. Прывозіў ёй з камандзіровак гасцінцы: то коніка з Масквы, то статуэткі негрыцянят з Амерыкі. Але часам ён так моцна сварыўся, што Каця баялася яго. — Абавязкова пагром учыняць трэба! — гнеўна сказаў аднойчы бацька, гледзячы на раскіданыя цацкі дачкі. — Пасадзіла ляльку на паліцу — і ўяўляй, што яна ў пакоі!

«А і праўда, — падумала тады Каця. — Можна ж усё ўяўляць! Тады і бацькі сварыцца не будуць. Яны ж нічога не ўбачаць, бо ўсе цацкі тады будуць у мяне ў галаве. Ды і ўявіць усё, што хочаш, можна! Нават тыя цацкі, якіх няма ў мяне і ніколі не будзе. Далёкія краіны, розныя цуды... Зусім як у кніжцы!» З тае пары яна ўсё радзей раскідвала цацкі і ўсё часцей садзілася за спытак. Выразала з часопісаў пра Барбі малюнкi, прыклеівала іх на палінееную старонку, а ўнізе рабіла запісы, падобныя да маленькага апавядання.

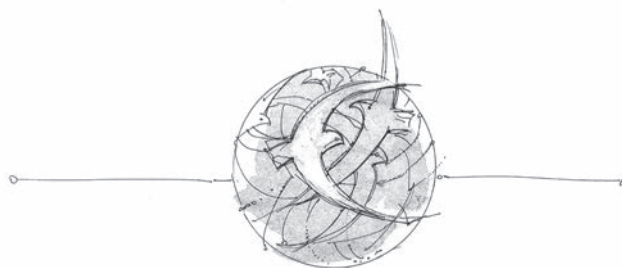
Праз некалькі гадоў часопісы пра Барбі Каця ў бабулі прасіць перастала. Але спыткі свае весці працягвала. І сама не заўважыла, як вырасла. Як скончыла школу, як паступіла ў ВНУ на медыцынскі факультэт. Спыткі засталіся з ёю, але большая іх частка перакачавала ў камп'ютар. Калісьці Каця была для бабулі то Тэрэзай Дуравай, то цыганкай Кармелітай, то дзяўчынкай Элі з Канзаса. Цяпер сабраты па пяры называюць Кацю Стэфані Маер. Пакуль, можа быць, толькі з іроніяй. Але Каці падабаецца. Калі ад мянушкі нельга пазбавіцца, дык чаму ж яе не палюбіць?

* * *

Иногда меня спрашивают, почему я стала писателем. И я отвечаю, что просто не могла им не стать. Все детство мое прошло в волшебной стране, в удивительном мире загадок, сказок и стихов. Там, где всегда побеждают свет и добро. Там, где возможно все. Этот мир подарили мне мои родители, моя младшая сестра и в первую очередь, конечно же, моя любимая бабушка.

Когда мне исполнилось семнадцать лет, бабушки не стало. В той квартире, где когда-то был мой маленький волшебный мир, теперь живут другие люди. Но сердце мое до сих пор хранит память о нем. Я возвращаюсь в него всякий раз, когда кликаю по экрану и открываю чистую страницу...

21.05.2020

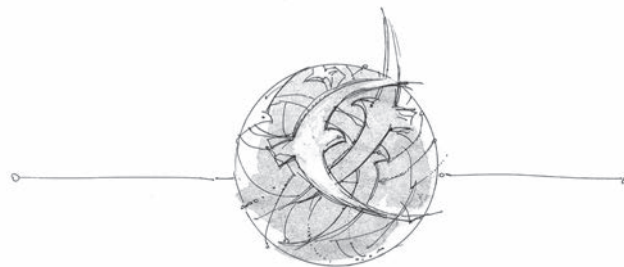

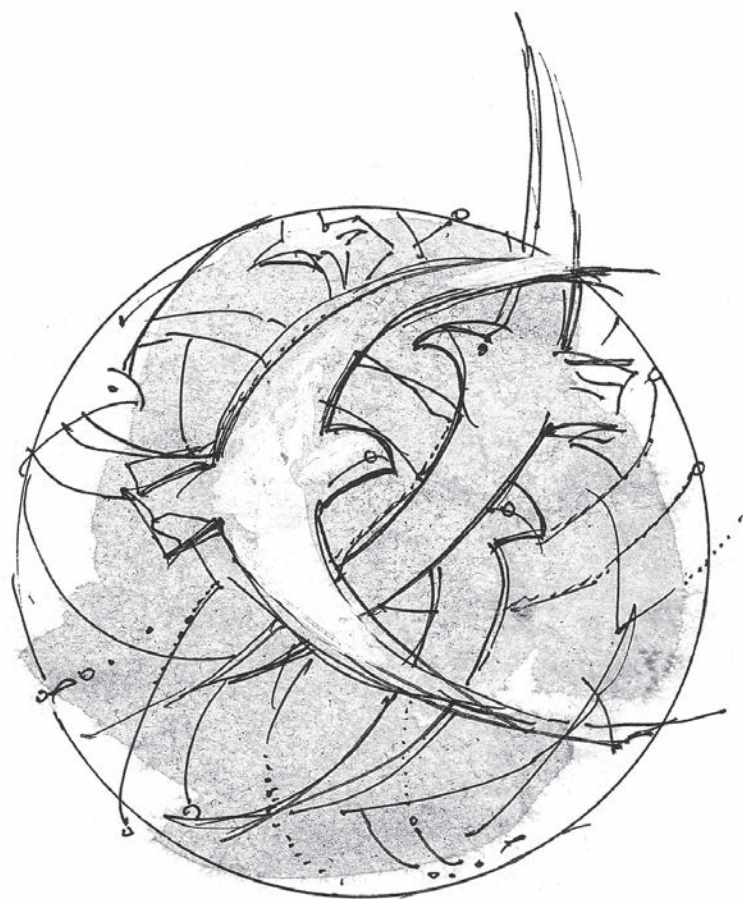
* * *

Часам у мяне пытаюць, чаму я стала пісьменнікам. І я адказваю, што проста не магла ім не стаць. Усё дзяцінства маё прайшло ў чароўнай краіне, у дзівосным свеце загадак, казак і вершаў. Там, дзе заўсёды перамагае святло і дабро. Там, дзе магчыма ўсё. Гэты свет падарылі мне мае бацькі, мая малодшая сястра і ў першую чаргу, канечне ж, мая любімая бабуля.

Калі мне споўнілася сямнаццаць гадоў, бабулі не стала. У той кватэры, дзе некалі быў мой маленькі чароўны свет, зараз жывуць іншыя людзі. Але сэрца маё да гэтай пары захоўвае памяць пра яго. Я вяртаюся ў яго кожны раз, калі клікаю па экране і адкрываю чыстую старонку...

21.05.2020

Евфросиния Капустина

Родилась 3 июня 1997 г. в г. Ялуторовск Тюменской области. Окончила Санкт-Петербургский государственный институт культуры. Живет в Санкт-Петербурге. Работает фоторедактором в международной благотворительной организации Health & Help. Фотограф благотворительной организации «Ночлежка». Произведения публиковались в журналах «Невский альманах», «Перископ», «Казань», «Традиция&Авангард», «Слово/Word». Победитель конкурса им. Великого князя Константина Романова «КаэРомания-2020», международного конкурса «Мост дружбы» и иных, лауреат премии им. С. Гуртуева.

Ефрасіння Капусціна

Нарадзілася 3 чэрвеня 1997 г. у г. Ялутараўск Цюменскай вобласці. Скончыла Санкт-Пецярбургскі дзяржаўны інстытут культуры. Жыве ў Санкт-Пецярбургу. Працуе фотарэдактарам у міжнароднай дабрачыннай арганізацыі Health & Help. Фатограф дабрачыннай арганізацыі «Начлежка». Творы публікаваліся ў часопісах «Невский альманах», «Перископ», «Казань», «Традиция&Авангард», «Слово/Word». Пераможца конкурсу імя Вялікага князя Канстанціна Раманава «КаэРаманія-2020», міжнароднага конкурсу «Мост дружбы» і інш., лаўрэат прэміі імя С. Гуртуева.

В ПЕТЕРБУРГЕ НЕ ВСЕ ДОМА

Санкт-Петербург. 2020 год. По различным оценкам, в культурной столице проживает около 60 тысяч человек без определенного места жительства. Цифра, почти равная населению небольшого города. Цифра, которую благотворительные организации города на протяжении нескольких лет пытаются свести к нулю.

Я не знаю, как именно относиться к этому. Благотворительная организация «Ночлежка» совместно с агентством «Action» разработали тест под названием «Индекс уязвимости». Согласно его результату, мой личный шанс оказаться в положении бездомного — 26 %. Звучит не особенно пугающе, если не представлять, что 26 из 100 жизней мне довелось бы провести на улице. К такому результату теста привели три ответа: отсутствие жилья в собственности, неуверенность при возможной сделке с недвижимостью, наличие пережитого физического насилия. Ничего страшного, говорят знакомые. Жизней не сто, а одна, и в ней у меня имеется дом. На сегодняшний день имеется.

Я пытаюсь не анализировать. Не очернять и не обелять. Не стимулировать к действиям. Просто информировать. Они есть — люди, не имеющие дома.

* * *

У него нет ног. Вместо них — округлые культи, одна из которых постоянно кровоточит. Рядом с койкой припаркована коляска, разрисованная

У ПЕЦЯРБУРГУ НЕ ЎСЕ ДОМА

Санкт-Пецярбург. 2020 год. Па розных ацэнках, у культурнай сталіцы пражывае каля 60 тысяч чалавек без пэўнага месца жыхарства. Лічба, амаль роўная насельніцтву невялікага горада. Лічба, якую дабрчынныя арганізацыі горада на працягу некалькіх гадоў імкнуцца звесці да нуля.

Я не ведаю, як ставіцца да гэтага. Дабрачынная арганізацыя «Начлежка» сумесна з агенцтвам «Action» распрацавалі тэст пад назвай «Індэкс уразлівасці». Згодна з яго рэзультатам, мой асабісты шанц апынуцца ў становішчы бяздомнага — 26 %. Гучыць не асабліва жахліва, калі не ўяўляць, што 26 са 100 жыццяў мне давалося б правесці на вуліцы. Да такога рэзультату тэста прывялі тры адказы: адсутнасць жылля ва ўласнасці, няўпэўненасць пры магчымай здзелцы з нерухомасцю, перажытае фізічнае насілле. Нічога страшнага, кажуць знаёмыя. Жыццяў не сто, а адно, і ў ім у мяне ёсць дом. На сённяшні дзень ёсць.

Я стараюся не аналізаваць. Не чарніць і не абяляць. Не стымуляваць да дзеянняў. Проста інфармаваць. Яны ёсць — людзі, якія не маюць дома.

* * *

У яго няма ног. Замест іх — акруглыя куксы, адна з якіх пастаянна крывавіцца. Каля ложка прыпаркавана каляска, размаляваная сіняй ручкой. Сонца, якое падморгвае, абмежаванне хуткасці 100, рэгіён.

синей ручкой. Подмигивающее солнце, ограничение скорости 100, регион.

— Почему 47-й регион?

— Ну так это же наш! Я ленинградец вообще-то.

— А Вы давно здесь?

— Да, уже давно...

— Сколько?

— Два месяца.

Он один из тех немногих, кто улыбается в мою камеру. И еще читает. Книги лежат и под подушкой, и на одеяле, и на тумбочке.

* * *

У нее обожжено бедро — упала в костер. Медики-волонтеры в «Автобусе Милосердия» обрабатывают пораженный участок, дают рекомендации, медикаменты. Мы с Кристиной смотрим на происходящее через узкое окошко, из пассажирского отсека микроавтобуса.

— Знаешь, а она модельером раньше была. Линейку одежды выпускала. Из элементов стильности на женщине только пестрая вязаная шапочка с помпоном и шарфик из той же шерсти.

* * *

— Ган...ны! Вы все ган...ны!

В дощатую дверь приюта врывается низкорослый мужичок, потрясает крупным кулаком, ворочает красноватыми глазными яблоками.

— Чаму 47-ы рэгіён?

— Ну дык гэта ж наш! Я ж ленінградзец, дарэчы.

— А Вы даўно тут?

— Так, ужо даўно...

— Колькі?

— Два месяцы.

Ён з тых нешматлікіх, хто ўсміхаецца ў маю камеру. І яшчэ чытае. Кнігі ляжаць і пад падушкай, і на коўдры, і на тумбачцы.

* * *

У яе абпалена сцягну — упала ў вогнішча. Медыкі-валанцёры ў «Аўтобусе Міласэрнасці» апрацоўваюць пашкоджаны ўчастак, даюць рэкамендацыі, медыкаменты. Мы з Крысцінай глядзім на тое, што адбываецца, праз вузкае акенца, з пасажырскага адсека мікрааўтобуса.

— Ведаеш, а яна мадэльерам раней была. Лінейку адзення выпускала.

З элементаў стыльнасці на жанчыне толькі стракатая вязаная шапачка з пампонам і шалік з той жа воўны.

* * *

— Ган...ны! Вы ўсе ган...ны!

У дашчаныя дзверы прытулку ўрываецца нізкарослы мужычок, трасе буйным кулаком, варочае чырванаватымі вочнымі яблыкамі.

— Ваше счастье, что врачи еще здесь! Вот они уйдут, вы у меня огребете! Все до одного огребете, ган...ны! Для начала лишаю вас телевизора! Щелкает кнопку на сером ящике. Тот, слегка потрепав, прекращает трансляцию ментовского сериала. Жильцы, кто молча, кто недовольно бурча, разбредаются по своим койкам.

— Чего это он ругался?

— В сортире опять мимо находили.

Собеседник спрыгивает с кровати фактически на бедра — ниже ничего нет. Скользит к двери на кусках полиэтилена — курить.

* * *

Он аккуратен. Салфеткой берет ложку, хлеб. Пока ждет горячее, пристально всматривается в ближайшего волонтера «Ночного Автобуса».

— Вам сколько лет?

— 35.

— Женат?

— Женат.

— Дети есть?

— Нет.

— И не стыдно?

— Перед кем?

— Перед генофондом человечества! Я за Россию переживаю. Ну, Вы не ленитесь, работайте.

— Ваша пчасце, што ўрачы яшчэ тут! Вось яны пойдунь, вы ў мяне атрымаеце! Усе да аднаго атрымаеце, ган...ны! Для пачатку пазбаўляю вас тэлевізара! Шчоўкае кнопку на шэрай скрынцы. Тая, злёжку патрашчаўшы, спыняе трансляцыю ментаўскога серіала. Жыльцы, хто моўчкі, хто незадаволена бурчучы, разбрыдаюцца па сваіх ложках.

— Чаго гэта ён сварыцца?

— У сарціры зноўку міма нарабілі.

Суразмоўца саскоквае з ложка фактычна на сцёгны — ніжэй нічога няма. Слізгае да дзвярэй на кавалках поліэтылену — курыць.

* * *

Ён акуратны. Сурвэткай бярэ лыжку, хлеб. Пакуль чакае гарачае, пільна ўглядаецца ў бліжэйшага валанцёра «Начнога Аўтобуса».

— Вам колькі гадоў?

— 35.

— Жанаты?

— Жанаты.

— Дзеці ёсць?

— Няма.

— І не сорамна?

— Перад кім?

— А у Вас есть семья?

— Да! Вот мне не стыдно! Я реализовал проект, и теперь он развивается без меня.

Говорят, что у него два высших образования.

* * *

Он спрашивает первым. Мы знакомы вприглядку — сижу на соседнем табурете минуты две, осваиваюсь в пространстве палаточного приюта.

— Дорогой аппарат, да?

— Ну, это не новая уже модель...

Кошусь на стол. Остатки супа в одноразовой тарелке; чайные пакетики, бывшие в употреблении; продукт плавленый с сыром «Дружба континентов».

— За сколько покупали?

— Это давно было, сейчас цены поменялись...

— Так сколько стоит?

— В зависимости от магазина. Может сто тысяч стоить, может меньше.

Я прихожу второй раз. Снова спрашивает первым. Снова про деньги.

— Снимаете, а потом за пленку денег попросите?

— Нет. А Вы снимали на пленку?

Он молчит. За него отвечает сосед с верхней койки:

— Он в 70-х фотографом в журнале был.

— Перад генафонам чалавецтва! Я за Расію перажываю. Ну, Вы не лянуйцеся, працуйце.

— А ў Вас ёсць сям’я?

— Так! Вось мне не сорамна! Я рэалізаваў праект, і цяпер ён развіваецца без мяне.

Кажуць, што ў яго дзве вышэйшыя адукацыі.

* * *

Ён пытаецца першым. Мы знаёмыя ўпрыгядку — сяджу на суседнім табурэце мінуты дзве, асвойваюся ў прасторы палатачнага прытулку.

— Дарагі апарат, так?

— Ну, гэта не новая ўжо мадэль...

Капсуся на стол. Рэшткі супу ў аднаразовай талерцы; выкарыстаныя чайныя пакетыкі; прадукт плаўлены з сырам «Дружба кантынентаў».

— За колькі куплялі?

— Гэта даўно было, зараз кошты памяняліся...

— Дык колькі каштуе?

— У залежнасці ад магазіна. Можа сто тысяч каштаваць, можа менш.

Я прыходжу ў другі раз. Зноўку пытаецца першым. Зноўку пра грошы.

— Здымаеце, а потым за плёнку грошай папросіце?

— Не. А Вы здымалі на плёнку?

Ён маўчыць. За яго адказвае сусед з верхняга ложка:

— Ён у 70-х фатографам у часопісе быў.

* * *

Она курит на скамейке возле Ночного приюта. Присаживаюсь с краю.

— Что вы без куртки ходите? Застудитесь!

— Ничего, я ненадолго. А Вы каждый день тут?

— Я-то нет, его привожу, чтобы горячее ел и ночевал в тепле.

Кивает на сидящего рядом. Мужчина молчит, старается максимально закрыть лицо воротником свитера.

— Он... Ваш отец?

— Нет, это мой муж. Ему нельзя всухомятку, у него язва желудка, горячее надо и жидкое кушать. Вот привожу сюда, слежу, чтобы поел, — и к себе.

— А Вы где живете?

— А где захочу! У меня палатка, одеяло. Хочу на кладбище поставлю, хочу — вон там, за сараями. Мне много не надо.

— Почему же Вы с мужем не ночуете в приюте, в тепле?

— Я же говорю, сама могу себя обеспечить! Если что и нужно, у меня вон любовник есть. Телефон подарил. Кефир покупает, когда желудок болит сильно. Водка у меня всегда есть. Надо будет денег — заработаю. Я проживу.

Просит мой номер, записывает в свой мобильник. Четыре раза приходится исправить — половина кнопок не светится, она промахивается.

— Носите куртку, не простужайтесь, нельзя! У Вас проездной-то есть? А то могу по своему, пенсионному провезти.

* * *

Яна курыць на лаўцы каля Начнога прытулку. Прысаджваюся з краю.

— Што вы без курткі ходзіце? Застудзіцеся!

— Нічога, я ненадоўга. А Вы кожны дзень тут?

— Я — не, яго прыводжу, каб гарачае сё і начаваў у цяпле.

Ківае на мужчыну, які сядзіць побач. Ён маўчыць, стараецца максімальна за-
крыць твар каўняром світара.

— Ён... Ваш бацька?

— Не, гэта мой муж. Яму нельга ўсухамятку, у яго язва страўніка, гарачае трэ-
ба і вадкае есці. Вось прыводжу сюды, сачу, каб паеў, — і да сябе.

— А Вы дзе жывяце?

— А дзе захачу! У мяне палатка, коўдра. Хачу на могілках пастаўлю, хачу —
вунь там, за буданамі. Мне многа не трэба.

— Чаму ж Вы з мужам на начуеце ў прытулку, у цяпле?

— Я ж кажу, сама магу сябе забяспечыць! Калі што і трэба, у мяне палюбоўнік
ёсць. Тэлефон падарыў. Кефір купляе, калі страўнік баліць моцна. Водка
ў мяне заўсёды ёсць. Трэба будзе грошай — зараблю. Я пражыву.

Просіць мой нумар, запісвае ў свой мабільнік. Чатыры разы даводзіцца
папраўляць — палова кнопак не свеціцца, яна прамахваецца.

— Насіце куртку, не прастуджайцеся, нельга! У Вас праязны ёсць? А то магу
па сваім, пенсійным правезці.

— Спасибо, не надо. Я за курткой.
Она кивает и ведет мужа в приют.

* * *

Худощавый молодой человек, не больше двадцати пяти лет с виду.
— Мне нужно что-то из верхней одежды теплой. Вот чужую куртку одолжил, ничего нет совсем.
— Курток сейчас нет, к сожалению. Есть дубленка, правда, достаточно большого размера.
— Ого, она же почти новая! Ее можно взять, правда?
— Можно, если она Вам подходит.
Примеряет. Дубленка немного свисает с плеч, очевидно, что великовата.
— Ничего-ничего, зато очень тепло!
Выбирает еще вещей, по мелочи: белье, носки, предметы гигиены. Уходит.
Следующий — престарелый человек, с тросточкой.
— Ребята, с какой хорошей дубленкой парень вышел! Мне бы такую!
— Нам очень жаль, но больше такой нет... Давайте мы Вам свитер подберем, шарфик...
— Эх... А ведь она моя должна была быть! Он за мной в очереди стоял! Сказал, что спешит и ему только трусы по-быстрому взять. Я его пропустил, а он меня обманул, шубу мою унес!
Волонтеры Пункта Выдачи укладывают старику свитер, теплые штаны, белье, носки. Что есть.

— Дзякуй, не трэба. Я за курткай.
Яна ківае і вядзе мужа ў прытулак.

* * *

Хударлявы малады чалавек, не болей за дваццаць пяць гадоў з выгляду.
— Мне трэба што-небудзь з вопраткі цёплай. Вось чужую куртку пазычыў, нічога няма зусім.
— Куртак зараз няма, на жаль. Ёсць дублёнка, праўда, даволі вялікага памеру.
— Ого, яна ж амаль новая! Яе можна ўзяць, праўда?
— Можна, калі яна Вам падыходзіць.
Прымярае. Дублёнка трохі звісае з плячэй, відавочна, што велікаватая.
— Нічога-нічога, затое вельмі цёпла!
Выбірае яшчэ рэчаў, драбязу: бялізну, шкарпэткі, прадметы гігіены. Сыходзіць.
Наступны — састарэлы чалавек, з кійком.
— Хлопцы, з якой спраўнай дублёнкай дзяцюк выйшаў! Мне б такую!
— Нам вельмі шкада, але болей такой няма... Давайце мы Вам світар падбяром, шалік...
— Эх... А яна ж мая павінна была быць! Ён за мной у чарзе стаяў! Скажаў, што спяшаецца і яму толькі трусы хутка ўзяць. Я яго прапусціў, а ён мяне падмануў, шубу маю знёс!
Валанцёры Пункту Выдачы ўкладваюць старому світар, цёплыя штаны, бялізну, шкарпэткі. Што ёсць.

* * *

В женской комнате приюта — три жилицы. Одна из них штопает кофту прямо на себе, вторая смотрит в телевизор, третья — бабушка, она спит.

— Можно я вас сфотографирую?

Кивают молча. Снимаю ту, что рукодельничает. Оборачиваюсь к смотрящей в экран. Щелкаю. Отворачивается.

— Я не фотогеничная.

— Разве вас не снимали раньше? У Вас очень фактурное лицо!

Показываю кадры.

— Ой, правда, хорошо! Почему же у меня так не получается, когда я сама себя снимаю? Даже на аватарку нечего поставить...

— У Вас есть страница в интернете? Давайте я пришлю Вам снимки.

— Тогда снимите побольше и пришлите, пожалуйста! Я к Вам добавлюсь. Вечером отправляю снимки. Смотрю страницу. Ей тридцать один.

* * *

У него две сумки в одной руке, в другой — толстая палка. Скользит по наледи, пошатывается.

— Давайте помогу Вам!

Резко отдергивает руку, отодвигается.

— Чем Вы мне поможете, чем?

— Скажите, что нужно, мы постараемся сделать...

— Ну, вот можно у вас где-то прийти вещи подобрать себе?

* * *

У жаночым пакоі прытулку — тры жыліцы. Адна з іх цыруе кофту проста на сабе, другая глядзіць у тэлевізар, трэцяя — бабуля, яна спіць.

— Можна я вас сфатаграфую?

Ківаюць моўчкі. Здымаю тую, якая рукадзельнічае. Паварочваюся да той, якая глядзіць у экран. Шчоўкаю. Адварочваецца.

— Я не фотагенічная.

— Хіба Вас не здымалі раней? У Вас вельмі фактурны твар!

Паказваю кадры.

— Ой, праўда, добра! Чаму ж у мяне так не атрымліваецца, калі я сама сябе здымаю? Нават на аватарку няма чаго паставіць...

— У Вас ёсць старонка ў інтэрнэце? Давайце я прышлю Вам здымкі.

— Тады здыміце паболей і прышліце, калі ласка! Я да Вас дабаўлюся.

Увечары адпраўляю здымкі. Гляджу старонку. Ёй трыццаць адзін.

* * *

У яго дзве сумкі ў адной руцэ, у другой — тоўстая палка. Слізгае па наледзі, хістаецца.

— Давайце дапамагу Вам!

Рэзка адхоплівае руку, адсоўваецца.

— Чым Вы мне дапаможаце, чым?

— Скажыце, што трэба, мы пастараемся зрабіць...

— Конечно, можно! Есть Пункт Выдачи в «Ночлежке», вот адрес, приходите.

— И что мне ваш адрес? Мне что, со всеми этими оборванцами в очереди стоять? Даже не собираюсь! Ничем вы мне не поможете!

Он уходит.

Я не знаю, можно ли помочь в такой ситуации.

Но у меня есть убежденность, что каждый человек имеет право знать о данной категории граждан — без определенного места жительства.

Общественность достаточно качественно информируется о количестве зараженных коронавирусом, пострадавших в ДТП, снижении рождаемости. Однако мало кому известно, что в Санкт-Петербурге ежегодно умирает около 1000 бездомных людей.

Каждый вправе сформировать свое личное отношение к данной теме.

Я просто знаю, что в Петербурге не все дома. Я информирую.

Теперь вы тоже знаете.

Февраль, 2020 г.

Благодарность за содействие в работе над материалом выражается:
Санкт-Петербургской региональной благотворительной общественной организации помощи лицам без определенного места жительства «Ночлежка»,

— Ну, вось можна ў вас недзе прыйсці рэчы падабраць сабе?

— Канечне, можна! Ёсць Пункт Выдачы ў «Начлежцы», вось адрас, прыходзьце.

— І што мне ваш адрас? Мне што, з усімі гэтымі абарванцамі ў чарзе стаяць? Нават не збіраюся! Нічым вы мне не дапаможаце!

Ён сыходзіць.

Я не ведаю, ці можна дапамагчы ў такой сітуацыі.

Але пераканана, што кожны чалавек мае права ведаць пра гэту катэгорыю грамадзян — без пэўнага месца жыхарства.

Грамадскасць дастаткова якасна інфармуецца пра колькасць заражаных каронавірусам, пацярпелых ў ДТЗ, зніжэнні нараджальнасці. Аднак мала каму вядома, што ў Санкт-Пецярбургу штогод памірае каля 1000 бяздомных людзей. Кожны мае права сфарміраваць сваё асабістае меркаванне наконт гэтай тэмы. Я проста ведаю, што ў Пецярбургу не ўсе дома. Я інфармую.

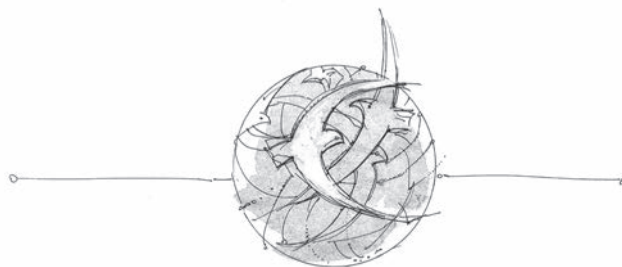
Цяпер вы таксама ведаеце.

Люты, 2020 г.

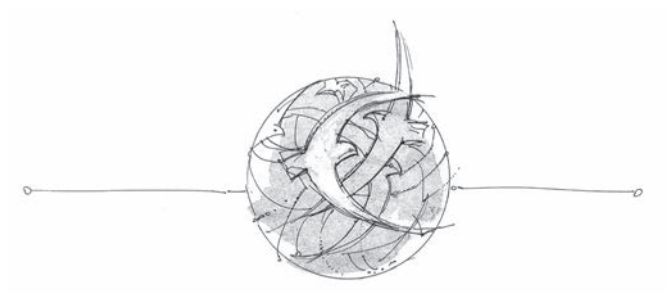
Падзяка за садзейнічанне ў працы над матэрыялам выказваецца:

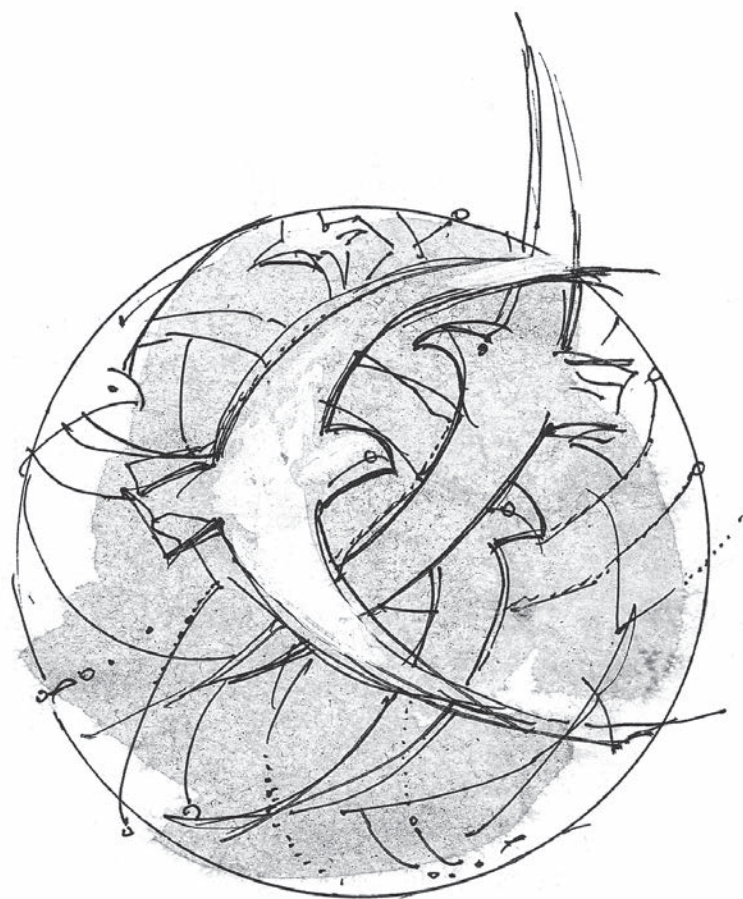
Санкт-Пецярбургскай рэгіянальнай дабрачыннай грамадскай арганізацыі дапамогі асобам без пэўнага месца жыхарства «Начлежка»,

Санкт-Петербургской общественной благотворительной католической организации «Мальтийская Служба Помощи»,
Санкт-Петербургской благотворительной организации «Благотворительная больница», оказывающей медицинскую помощь тем, кто не имеет к ней доступа в Петербурге,
Инициативной группе клуба православной молодежи «КИНОНИЯ».

Санкт-Пецярбургскай грамадскай дабрачыннай каталіцкай арганізацыі
«Мальтыйская Служба Дапамогі»,
Санкт-Пецярбургскай дабрачыннай арганізацыі «Добрачынная бальніца»,
якая аказвае медыцынскую дапамогу тым, хто не мае да яе доступу ў Пецяр-
бургу,
Ініцыятыўнай групе клуба праваслаўнай моладзі «КІНОНІЯ».

Анна Самкова

Родилась 18 октября 2001 г. в г. Калуга. Студентка 2 курса Калужского государственного университета. Неоднократно принимала участие в литературных конкурсах, в частности, стала призером Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» (2020). Автор серии рассказов о Крыме: «Волшебные коньки», «История одного теплохода», «Письмо военных лет».

Ганна Самкова

Нарадзілася 18 кастрычніка 2001 г. у г. Калуга. Студэнтка 2 курса Калужскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Неаднаразова ўдзельнічала ў літаратурных конкурсах, у прыватнасці, стала прызёрам Усерасійскага конкурсу сачыненняў «Без тэрміну даўнасці» («Без срока давности», 2020). Аўтар серыі апавяданняў пра Крым: «Чароўныя канькі» («Волшебные коньки»), «Гісторыя аднаго цеплахода» («История одного теплохода»), «Пісьмо ваенных гадоў» («Письмо военных лет»).

ЗАКОН ЖИЗНИ

Каждый раз, когда в город после пронизывающих зимних ветров заглядывала весна, старый грек говорил: «Она вернулась к матери...»

Марина уже три года была соседкой старика, ей нравилось наблюдать за тем, как тот возился в огороде или просто сидел на ступеньках, подставив выдубленное лицо со следами вечного загара по-весеннему теплому февральскому солнцу. Со старым греком дружила ее дочь — семилетняя Анфиса. Очень часто старик усаживал девочку к себе на колени и певучим голосом рассказывал ей странные сказки о древних богах с Олимпа. В один из таких дней любопытная Анфиса задала старику вопрос: «Кто вернулся?» И тот рассказал ей очередную сказку о прекрасной богине, делавшей землю богатой и плодородной. Ее звали Деметрой. Марине понравилось имя богини — его приятно было гонять во рту, как карамельку, повторяя снова и снова.

— Расскажи, что же случилось с Деметрой, — попросила Марина Анфису вечером, когда та, не желая засыпать, возилась в постели.

— Ага, — обрадовалась девочка, — ну, слушай! У Деметры была дочь. Ее звали Персефона. И Деметра очень ее любила.

— Так же, как я тебя? — улыбнулась Марина.

— Сильнее. Потому что Персефона была красивая, — отрезала Анфиса.

— Ты тоже... — попыталась возразить задетая за живое Марина, но, встретив суровый Анфискин взгляд, умолкла.

— Так вот! Персефона была настолько красивой, что в нее влюбился подземный бог и похитил ее у матери. Вот как ты думаешь, что чувствовала

ЗАКОН ЖЫЦЦЯ

Кожны раз, калі ў горад пасля пранізлівых зімовых вятроў зазірала вясна, стары грэк казаў: «Яна вярнулася да маці...»

Марына ўжо тры гады была суседкай старога, ёй падабалася назіраць за тым, як ён корпаўся ў гародзе або проста сядзеў на прыступках, падставіўшы выдублены твар са слядамі вечнага загару па-веснавому цёпламу лютаўскаму сонцу. Са старым грэкам сябравала яе дачка — сямігадовая Анфіса. Вельмі часта стары ўсаджваў дзяўчынку да сябе на калені і півучым голасам расказваў ёй дзіўныя казкі пра старажытных багоў з Алімпу.

У адзін з такіх дзён цікаўная Анфіса задала старому пытанне: «Хто вярнуўся?» І ён расказаў ёй чарговую казку пра прыгожую багіню, якая рабіла зямлю багатай і ўрадлівай. Яе звалі Дэметрай. Марыне спадабалася імя багіні — яго прыемна было ганяць у роце, як карамельку, паўтараючы зноў і зноў.

— Раскажы, што ж здарылася з Дэметрай, — папрасіла Марына Анфісу вечарам, калі тая, не жадаючы засынаць, круцілася ў ложку.

— Ага, — узрадавалася дзяўчо, — ну, слухай! У Дэметры была дачка. Яе клікалі Персефона. І Дэметра вельмі яе любіла.

— Так, як я цябе? — усміхнулася Марына.

— Мацней. Таму што Персефона была прыгожая, — адрэзала Анфіса.

— Ты таксама... — паспрабавала запярэчыць закранутая за жывое Марына, але, сустрэўшы суровы Анфіскін погляд, змоўкла.

— Дык вось! Персефона была настолькі прыгожай, што ў яе закахайся падземны бог і выкраў яе ў маці. Вось як ты думаеш, што адчувала Дэметра, калі яна прачнулася раніцай і не знайшла дачкі ў ложку? — прыжмурылася Анфіса.

— Напэўна, яна вельмі перажывала.

— Так. Настолькі, што ў свеце пачалася вечная зіма. І людзі пачалі мерзнуць і галадаць. А Дэметра ўсё шукала сваю дачку, шукала... — голас Анфіскі становіўся ўсё цішэй.

Марына цмокнула спячую дачку ў скроню.

Гэта ж трэба, наколькі зачэпіла дзіцёнка гісторыя Дэметры. Шкада, не ўдалося даведацца, што ж было ў канцы. Марына адкрыла ноўтбук і набрала ў пошукавым радку імя багіні. На экране замільгалі мармуровыя выявы. У ідэальна прыгожым твары каменнай Дэметры не было ні іскры пакуты або любові.

— Ідал! — прыпятала Марына, закрываючы ўкладку. Старажытная легенда перастала быць прыцягальнай — занадта вялікай здавалася розніца паміж пакутамі маці і халоднай прыгажосцю старой скульптуры.

Лютаўскія вокны ў гэтым годзе зацягнуліся. Здавалася, вясна прыйшла канчаткова, адчула сябе гаспадыняй у горадзе. Марына любіла Феадосію. Час тут цёк марудна, як свежы пчаліны мёд, які стары грэк летам наліваў у драўляную міску, каб пачаставаць Анфіску. У Феадосіі наогул лёгка было згубіць лік часу, таму што старажытная гісторыя была тут на кожным кроку. Дастаткова было прайсці ўсяго некалькі метраў, каб адчуць сябе зусім у іншай эпасе. І сёння Марына зайшла ў скверык каля магілы Айвазоўскага. «Месца сілы» — так яна

Деметра, когда она проснулась утром и не нашла дочки в кровати? — прищурилась Анфиса.

— Наверное, она очень переживала.

— Да. Настолько, что в мире началась вечная зима. И люди начали мерзнуть и голодать. А Деметра все искала свою дочку, искала... — голос Анфиски становился все тише.

Марина чмокнула спящую дочь в висок.

Надо же, насколько зацепила ребенка история Деметры. Жаль, не удалось узнать, что же было в конце. Марина открыла ноутбук и набрала в поисковой строке имя богини. На экране замелькали мраморные изображения. В идеально красивом лице каменной Деметры не было ни искры страдания или любви.

— Истукан! — припечатала Марина, закрывая вкладку. Старинная легенда перестала быть притягательной — слишком велика казалась разница между страданиями матери и холодной красотой древней скульптуры.

Февральские окна в этом году затянулись. Казалось, весна пришла окончательно, почувствовала себя хозяйкой в городе. Марина любила Феодосию. Время здесь текло медленно, как свежий пчелиный мед, который старый грек летом наливал в деревянную чашку, чтобы угостить Анфиску. В Феодосии вообще легко было потерять счет времени, потому что древняя история была здесь на каждом шагу. Иногда достаточно было пройти всего несколько метров, чтобы почувствовать себя совсем в другой эпохе. И сегодня Марина зашла в скверик возле могилы Айвазовского. «Место силы» — так она мысленно его называла. Тут царил какой-то

ў думках яго называла. Тут царыў нейкі містычны спакой, нават вецер ніколі не трывожыў спячага вечным сном мастака. У гэтым куточку хорапа думалася пра галоўнае і важныя рапэнні прыходзілі самі сабой.

Але сёння трывога не адпускала Марыну нават тут. Пахадзіўшы некалькі мінут па скверы, яна заспяшалася дамоў.

Дом сустрэў расчыненымі насцеж дзвярыма. Анфісы не было. Не было яе школьнага партфеля, любімага плюшавага мядзведзя і нават гумавых боцікаў, якія яна спецыяльна выбрала сабе, каб скакаць па вясенніх лужах.

Марына ўбегла ў двор старога грэка і замалаціла кулакамі ў дзверы. Перапалоханы стары, блытаючыся і заікаючыся, расказаў ёй, як пару гадзін таму да яе дома пад'ехала машына. Кіроўцу Анфіска сустрэла радасным крыкам: «Тата!» Стары пайшоў у дом, каб не перашкаджаць сустрэчы. Болей ён нічога не бачыў.

Стары грэк расказваў усё гэта, з апаскай гледзячы на Марыну — тая сядзела на прыступках, абхапіўшы галаву рукамі, і раскачвалася з боку на бок. Вадзім! Як жа ён іх адшукаў? Колькі сіл і нерваў было патрачана на тое, каб знікнуць назаўсёды. Як ён умудрыўся адшукаць яе? Як асмеліўся забраць дачку? Дзе зараз Анфіска? Рукі трэсліся, калі Марына набірала дачку, — тэлефон быў па-за зонай доступу. Званок Вадзіму — той жа рэзультат. Марына ўпусціла тэлефон на клумбу з петуніямі і завыла раненым зверам.

Стары грэк гладзіў яе па плячах, пырскаў у твар вадой — Марына нічога не чула. Яна разумела адно: Вадзім забраў Анфіску, ён звёз яе.

мистический покой, даже ветер никогда не тревожил спящего вечным сном художника. В этом уголке хорошо думалось о главном и важные решения иногда приходили сами собой.

Но сегодня тревога не отпускала Марину даже здесь. Побродив несколько минут по скверу, она заторопилась домой.

Дом встретил открытой настежь дверью. Анфисы не было. Не было ее школьного портфеля, любимого плюшевого медведя и даже резиновых сапожек, которые она специально выбрала себе, чтобы прыгать по весенним лужам.

Марина вбежала во двор старого грека и замолотила кулаками в дверь. Перепуганный старик, путаясь и заикаясь, рассказал ей, как пару часов назад к ее дому подъехала машина. Водителя Анфиска встретила радостным воплем: «Папа!» Старик ушел в дом, чтобы не мешать встрече. Больше он ничего не видел.

Старый грек рассказывал все это, с опаской глядя на Марину — та сидела на ступеньках, обхватив голову руками и раскачивалась из стороны в сторону. Вадим! Как же он их нашел? Сколько сил и нервов было потрачено на то, чтобы скрыться навсегда. Как он умудрился отыскать ее? Как осмелился забрать дочь? Где сейчас Анфиска? Трясущимися руками Марина набрала дочь — телефон оказался вне зоны доступа. Звонок Вадиму — тот же результат. Марина уронила телефон на клумбу с петуниями и завывала раненым зверем.

Старый грек гладил ее по плечам, брызгал в лицо водой — Марина ничего не слышала. Она понимала одно: Вадим забрал Анфиску, он увез ее.

Неба над галавой раптам зацягнулі шэрыя хмары, віхрам узвіўся над горадам ледзяны парывісты вецер, зачыняючы цёплае лютаўскае акно. Стары грэк давёў Марыну да пустога дома і застаўся ля парога, не смеючы ступіць у гэту чорную дзірку распачы.

Колькі дзён прайшло з прапавы Анфіскі, Марына не лічыла. Яна прачыналася кожную раніцу на мокрай ад слёз падушцы і з жахам усведамляла, што вось ён — яшчэ адзін дзень без дачкі. Яна механічна піла чай і жавала нешта, прынесенае старым грэкам, не адчуваючы смаку. Яна ішла на работу і працавала, як аўтамат, нічога не бачачы і не адчуваючы. Яна вярталася ў пусты і халодны дом, каб сядзець гадзінамі, гледзячы на телефон.

Некалі даўно Марына чытала легенду пра цара Мідаса, які ператвараў у золата ўсё, да чаго дакранаўся. Зараз яна ператварала ўсё наўкол у халодны шорсткі камень, шэры і змрочны, нібы пахавальны. Быццам баючыся заразіцца, ад яе шарахаліся калегі, яе абыходзілі мінакі, і толькі стары грэк прыходзіў кожны дзень да яе, прыносіў няхітрую ежу і казаў цёплыя словы надзеі, якіх яна не чула.

Аднойчы яна зірнула на сябе ў люстэрка і была ашаломлена ўбачаным. На каменным твары нельга было прачытаць ніводнага жывога пачуцця, і толькі вочы семафорылі болем. «Дэметра!» — вымавілі непаслухмяныя вусны.

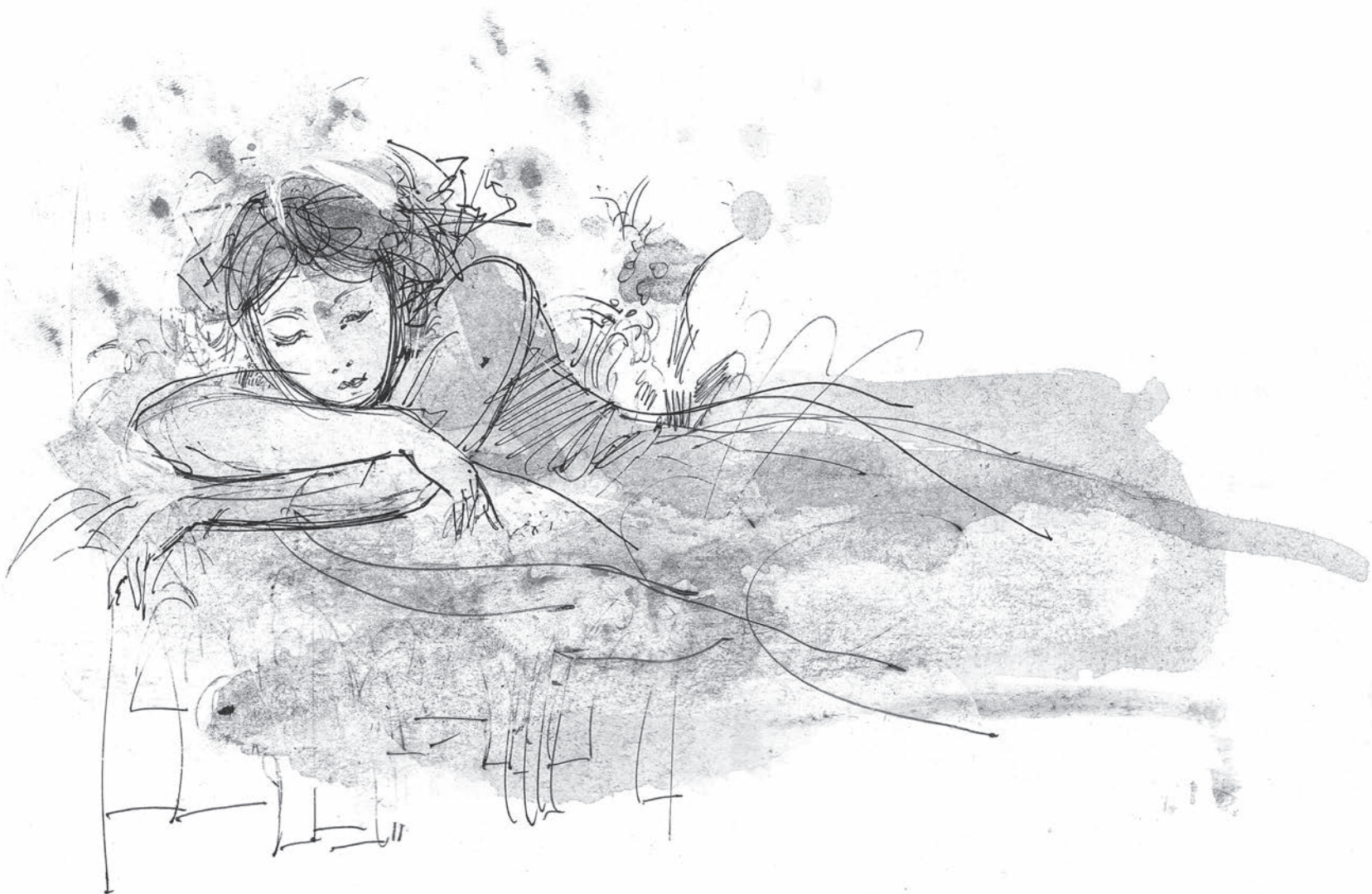
Марына кінулася да ноўтбука і адкрыла старонку з выявамі багіні. Якая ж сляная яна была раней! Як магла не заўважыць моц мяцярынскага гора і жах адчаю ў мармуровых вачах Дэметры. У гэту ноч Марыне ўпершыню з дня

Небо над головой вдруг затянули серые тучи, вихрем взвился над городом ледяной порывистый ветер, захлопывая теплое февральское окно. Старый грек довел Марину до пустого дома и остался у порога, не смея шагнуть в эту черную дыру отчаяния.

Сколько дней прошло с пропажи Анфиски, Марина не считала. Она просыпалась каждое утро на мокрой от слез подушке и с ужасом понимала, что вот он — еще один день без дочери. Она механически пила чай и жевала что-то, принесенное старым греком, не чувствуя вкуса. Она шла на работу и работала, как автомат, ничего не видя и не чувствуя. Она возвращалась в пустой и холодный дом, чтобы сидеть часами, глядя на телефон.

Когда-то давно Марина читала легенду про царя Мидаса, который обращал в золото все, к чему прикасался. Сейчас она превращала все вокруг в холодный шершавый камень, серый и мрачный, сродни погребальному. Словно боясь заразиться, от нее шарахались коллеги, ее обходили стороной прохожие, и только старый грек приходил каждый день к ней, приносил нехитрую еду и говорил теплые обнадеживающие слова, которых она не слышала.

Однажды она взглянула на себя в зеркало и была потрясена увиденным. На каменном лице нельзя было прочесть ни одного живого чувства, и лишь глаза семафорили болью. «Деметра!» — произнесли непослушные губы. Марина кинулась к ноутбуку и открыла страницу с изображениями богини. Как же слепа она была раньше! Как могла не заметить силу материнского горя и ужас отчаяния в мраморных глазах Деметры. В эту ночь

Марине впервые со дня похищения Анфиски приснился сон. Мраморная богиня сидела на песке у самой кромки моря.

— Помоги мне! — простонала Марина. — Ты же сама мать. Помоги мне! Деметра оглянулась. Мрамор начал шелухой осыпаться с ее тела, обнажая загорелую кожу. Через минуту перед Мариной стояла стройная черноволосая женщина с огромными серыми глазами. Марина окунулась в дымчатый мрак глаз олимпийки и услышала тихое:

— Она вернется. Они всегда возвращаются. Таков закон жизни.

Марина проснулась от телефонного звонка. Она нажала на кнопку и услышала голос Вадима.

— Анфиска заболела. Я везу ее к тебе.

Марина встала у зеркала и молча наблюдала, как отчаяние гаснет в ее глазах.

Анфиска действительно была больна. Причем ни Марина, ни Вадим, ни приглашенный ими детский психолог не представляли, что делать с ребенком дальше. Анфиска молчала. Если ее о чем-то спрашивали, она открывала рот и сдавленно хрипела. А потом начинала беззвучно плакать. Вадим клялся, что все было хорошо до тех пор, пока девочка не поняла, что возвращать ее к маме отец не собирается. Вот тогда Вадим и услышал с заднего сиденья тот самый страшный хрип.

Марина взяла отпуск на работе и все время проводила с дочерью. Она таскала Анфиску по врачам, водила гулять к морю, засыпала подарками — все было тщетно. И тогда в дом пришел старый грек. Он долго топтался на пороге, что-то пряча за спиной, а потом, поманив к себе девочку,

выкрадання Анфіскі прысніўся сон. Мармуровая багіня сядзела на пяску ля самага ўскрайку мора.

— Дапамажы мне! — прастагнала Марына. — Ты ж сама маці. Дапамажы мне! Дэметра азірнулася. Мармур пачаў шалупіннем асыпацца з яе цела, агаляючы загарэлую скуру. Праз мінуту перад Марынай стаяла стройная чарнавалосая жанчына з вялізнымі шэрымі вачыма. Марына акунулася ў дымчасты змрок вачэй алімпійкі і пачула ціхае:

— Яна вернецца. Яны заўсёды вяртаюцца. Такі закон жыцця.

Марына прачнулася ад тэлефоннага званка. Яна націснула на кнопку і пачула голас Вадзіма:

— Анфіска захварэла. Я вязу яе да цябе.

Марына ўстала каля люстэрка і моўчкі назірала, як адчай гасне ў яе вачах.

Анфіска сапраўды была хворая. Прычым ні Марына, ні Вадзім, ні запрошаны імі дзіцячы псіхолаг не ўяўлялі, што рабіць з дзіцем далей. Анфіска маўчала. Калі ў яе пра што-небудзь пыталіся, яна адкрывала рот і здушана хрыпела. А потым пачынала бязгучна плакаць. Вадзім кляўся, што ўсё было добра да той пары, пакуль дзяўчынка не зразумела, што вяртаць яе да маці бацька не збіраецца. Вось тады Вадзім пачуў з задняга сядзення той самы страшны хрып.

Марына ўзяла адпачынак на працы і ўвесь час праводзіла з дачкой. Яна цягала Анфіску па ўрачах, вадзіла гуляць да мора, засыпала падарункамі — усё было марна. І тады ў дом прыйшоў стары грэк. Ён доўга таптаўся на парозе, штось-

протянул ей толстого рыжего щенка. Анфиска, не веря глазам, медленно потянулась к подарку. И испуганно посмотрела на мать — та кивнула и улыбнулась. Анфиска вдруг рассмеялась — весело и звонко, совсем как раньше. И нежно прижала рыжего щенка к груди.

Этой ночью, прижимая к себе сладко посапывающую дочь, Марина думала о том, как же она счастлива. И ей снова приснился сон. Ее дочь и смешной рыжий щенок играли на пляже у моря. А недалеко от них, на песке у самой воды сидела мраморная Деметра. Марина села рядом с богиней и увидела тихую боль в каменных глазах.

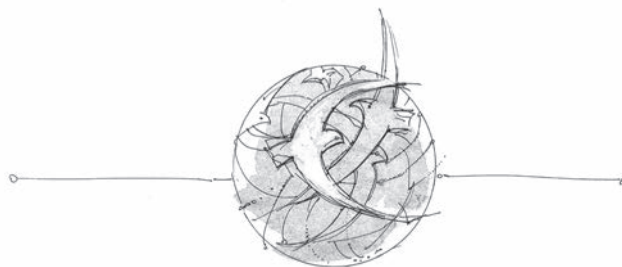
Марина уткнулась лицом в обжигающе холодный мрамор плеча Деметры и прошептала:

— Она вернется. Они всегда возвращаются...

И почувствовала, как каменная поверхность сменяется живым теплом.

Прорвавшись через мартовскую непогоду, в Феодосию окончательно и бесповоротно пришла весна. Она принесла с собой оглушительный птичий щебет, громкий детский смех и залиvistый собачий лай, одуряющий аромат сирени и жасмина и счастливое ожидание чего-то необыкновенного.

— Она вернулась к матери... — сказал старый грек, сидя на ступеньках своего дома.

ці хаваючы за спінай, а потым падазваў да сябе дзяўчынку і працягнуў ёй тоўстага рудога шчанюка. Анфіска, не верачы вачам, паволі пацягнулася да падарунка. І спужана паглядзела на маці — тая кінула і ўсміхнулася. Анфіска раптам рассмяялася — весела і звонка, зусім як раней. І пяшчотна прыціснула рудога шчанюка да грудзей.

Гэтай ноччу, прыціскаючы да сябе дачку, якая салодка пасопвала, Марына думала пра тое, якая ж яна шчаслівая. І ёй зноўку прысніўся сон. Яе дачка і смешны руды шчанюк гулялі на пляжы ля мора. А непадалёку ад іх, на пяску каля самай вады сядзела мармуровая Дэметра. Марына села побач з багіняй і ўбачыла ціхі боль у каменных вачах.

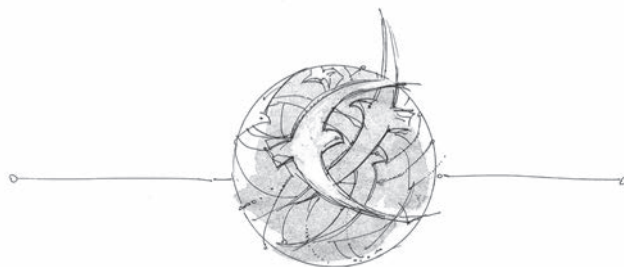
Марына ўткнулася тварам у апякаючы халодны мармур пляча Дэметры і прашаптала:

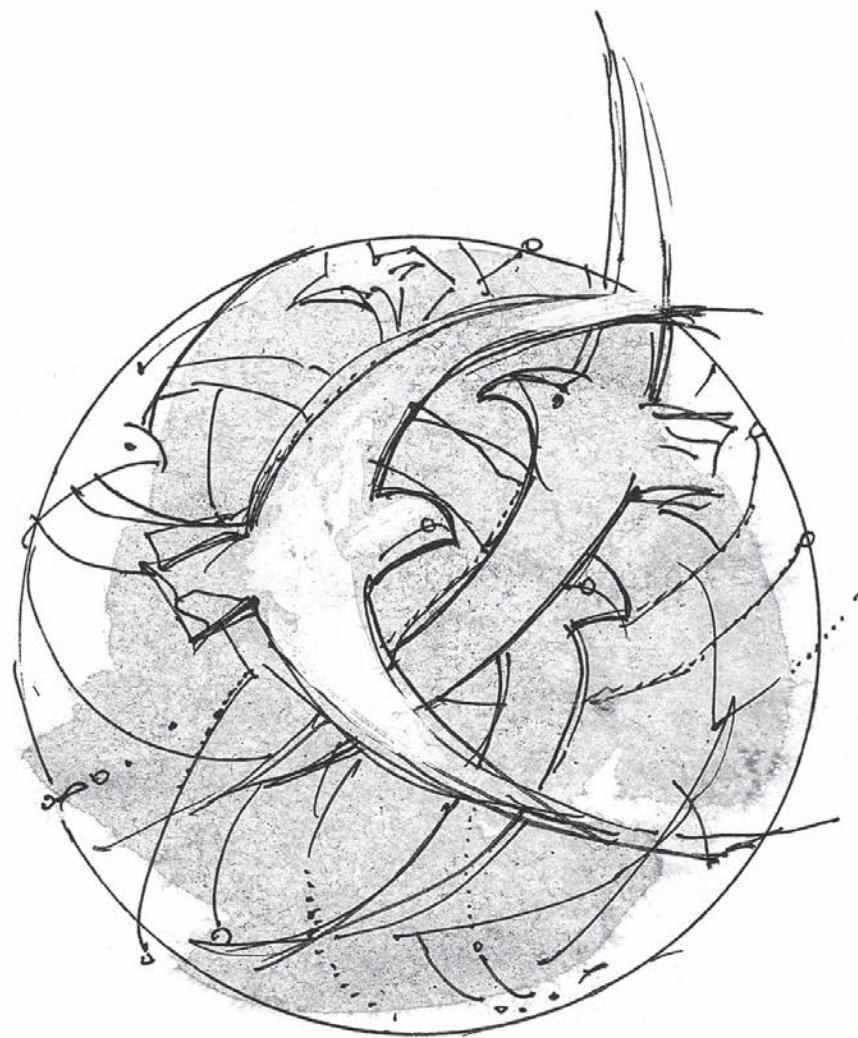
— Яна вернецца. Яны заўсёды вяртаюцца...

І адчула, як каменная паверхня змяняецца жывым цяплом.

Прарвалася праз сакавіцкую непагадзь, канчаткова і беззваротна ў Феадосію прыйшла вясна. Яна прынесла з сабою аглушальны птушыны шчэбет, громкі дзіцячы смех і залівісты сабачы лай, дурманлівы водар бэзу і змяніў і шчаслівае чаканне нечага незвычайнага.

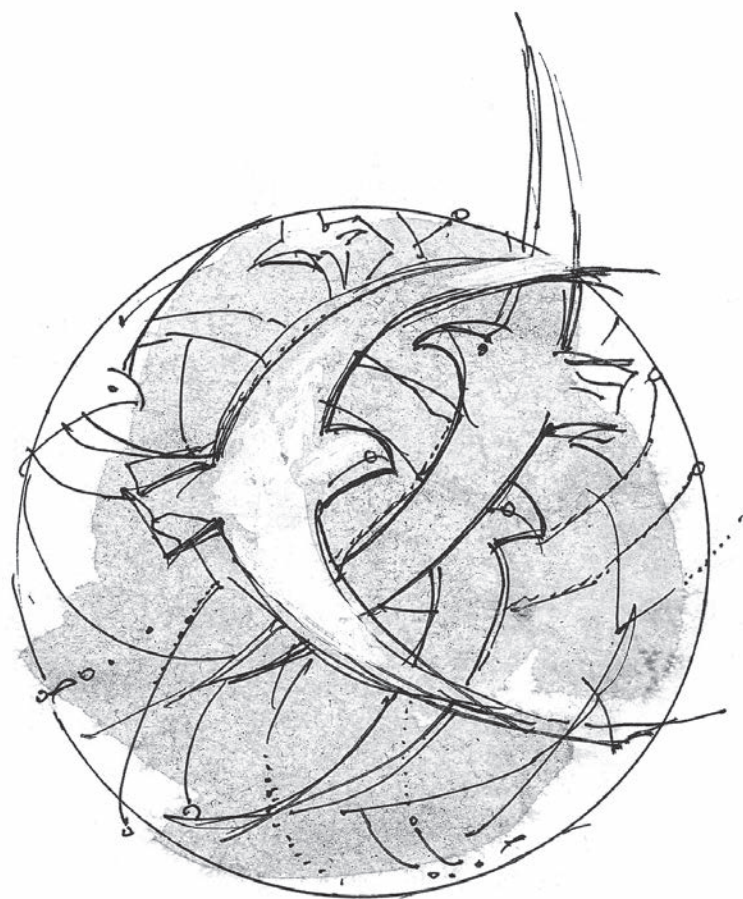
— Яна вярнулася да маці... — сказаў стары грэк, седзячы на прыступках свайго дома.

МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

Линдо Рандир	Ліндо Рандзір
Роман Козловский	Раман Казлоўскі
Юлия Макаревич	Юлія Макарэвіч
Сергей Ковалев	Сяргей Кавалёў
Максим Семенов	Максім Сямёнаў

Линдо Рандир

Родился 1 апреля 1994 г. в г. Узда. Окончил факультет международных отношений БГУ. Живет в Минске. Работает петситтером, журналистом в проекте MAKEOUT. Публиковался в газете «Чырвоная зорка». Автор сборников стихов «Meine gefallene Stadt» (Мой павший город) и «Lokis song» (Песня Локи). Участник проекта Стефании Даниловой «стихи, какими они должны быть». Лауреат («Золотая сотня») Международного фестиваля «Всемирный день поэзии» (2018), финалист Фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (2018), финалист «Бегущей строфы» (2018).

Ліндо Рандзір

Нарадзіўся 1 красавіка 1994 г. у г. Узда. Скончыў факультэт міжнародных адносін БДУ. Жыве ў Мінску. Працуе пэтсітарам, журналістам у праекце MAKEOUT. Публікаваўся ў газеце «Чырвоная зорка». Аўтар зборнікаў вершаў «Meine gefallene Stadt» (Мой паўшны горад) і «Lokis song» (Песня Локі). Удзельнік праекта Стэфаніі Данілавай «вершы, якімі яны павінны быць». Лаўрэат («Залатая сотня») Міжнароднага фестывалю «Сусветны дзень паэзіі» (2018), фіналіст Фестывалю маладых паэтаў «Мцыры» (2018), фіналіст «Бягучай страфы» (2018).

ДЕВИЦА МИРА

Здесь о том, что снег пахнет апельсинами, а зима — ночь, одна долгая ночь.

Снег пахнет апельсинами. Их привозят из дальних стран в огромных ящиках и высыпают прямо на дощатый пол. Апельсины с громким стуком ударяются о необтесанные доски и катятся, катятся под ноги оранжевыми мячами.

Фонари похожи на апельсины. Зимой их зажигают в послеобеденных сумерках. Спелые и сочные, светятся они на холоде — так солнце восходит над дальними берегами. Высятся там зеленые леса, и в прохладной глубине, укрытые мягкими листьями, зреют апельсины. Золотые плоды в венках белоснежных цветов. Флердоранж цвета снега. Фонари укрыты снегопадом, аллея посреди зимней стужи. Ветер сорвет цветы и подарит своей невесте. Поутру она найдет их на своей подушке и улыбнется, а над спящим городом небо заалееет проблеском зари.

Дождливый человек покидает город с первыми заморозками. Когда иней на рассвете не тает, он собирает с карнизов последние капли и уходит. Переждать холода. А куда — не знает никто. Дождливый человек вернется по весне, с первой грозой. И кто-то из всего города непременно позабудет закрыть окно. Когда гроза закончится, в его доме станет свежо и тихо, как бывает лишь после большого дождя. На полу останутся мокрые следы, уводящие к распахнутому окну. С возвращением, Дождливый человек.

ДЗЯЎЧЫНА МІРА

Тут пра тое, што снег пахне апельсінамі, а зіма — ноч, адна доўгая ноч.

Снег пахне апельсінамі. Іх прывозяць з далёкіх краін у вялізных скрынях і высыпаюць наўпрост на дашчаную падлогу. Апельсіны з гучным стукатам удараюцца аб неабчасаныя дошкі і коцяцца, коцяцца пад ногі аранжавымі мячамі.

Ліхтары падобныя да апельсінаў. Узімку іх запальваюць паслябедзенным прыцемкам. Спелыя і сакавітыя, свеціцца яны на холадзе — так сонца ўзыходзіць над далёкімі берагамі. Узвышаюцца там зялёныя лясы, і ў прахалоднай глыбіні, укрытыя мяккім лісцем, спеюць апельсіны. Залатыя плады у вянках беласнежных кветак. Флёрдаранж колеру снегу. Ліхтары ўкрытыя снегападам, алея пасярод зімовай сцюжы. Вецер сарве кветкі і падорыць сваёй нявесце. Ранкам яна знойдзе іх на сваёй падушцы і пасміхнецца, а над сонным горадам неба запунсавее пробліскам зары.

Дажджлівы чалавек пакідае горад з першымі прымаразкамі. Калі іней на світанні не растае, ён збірае з карнізаў апошнія кроплі і сыходзіць. Перачакаць халады. А куды — не ведае ніхто. Дажджлівы чалавек вернецца ўвесну, з першай навальніцай. І хтосьці з усяго горада абавязкова забудзецца закрыць акно. Калі навальніца скончыцца, у яго доме стане свежа і ціха, як бывае толькі пасля вялікага дажджу. На падлозе застануцца мокрыя сляды, што вядуць да расчыненага акна. З вяртаннем, Дажджлівы чалавек.

Город спит. Зимой город засыпает рано, гасит свет в окнах. Сны прячутся за тяжелыми шторами, качаются в гамаках-складках бархата и шелка, им тепло и уютно. Сны пахнут корицей из лавки продавца пряностей, той, что на углу улицы со старыми плитами вместо асфальта. Темнота дремлет у стен, подушка мягка, одеяло защитит от страстей дневных. Не следует по ночам выходить за порог: великая тьма окутывает улицы. Потеряется крошечный огонек свечи, как светлячок над болотами. Ветер ласкает снег, и фонари-апельсины роняют свои белые лепестки.

Время исчезает с наступлением сумерек. Нужно поспешить, еще немного — и исчезнет совсем. Она приходит, когда захочет, не следует заставлять ее ждать. Вдруг она не придет больше. Тогда время остановится, станет бесконечностью и, когда погаснут фонари и наступит серое утро, в стенах дома навсегда поселится долгая зимняя ночь.

В доме темно и тепло. В глубине что-то негромко и уютно потрескивает. Поскрипывают доски на чердаке, если закрыть глаза, можно представить кошек. Пушистые, теплые кошки легко касаются досок мягкими лапами. Розовые подушечки утопают в трухе и старых опилках, пыль поднимается вверх, и кошки чихают, облизывают влажные, холодные носы. Задевают хвостами балки, находят место потеплее и сворачиваются в клубки. Слышится из темных чердачных углов мерное мурлыканье, кошки засыпают, и плевать им на ветер, гуляющий по крыше.

Зажечь свет. Тени разбегаются от порога. В темноте безопаснее: бояться нечего, но древнее и глубинное требует скрыться в сумерках. Свет резок и беспощаден, темнота мягка и милосердна. Кто открыл эту истину

Горад спіць. Узімку горад засынае рана, гасіць святло ў вокнах. Сны хаваюцца за цяжкімі штораў, гушкуюцца ў гамаках-складках аксаміту і шоўку, ім цёпла і ўтульна. Сны патыхаюць карындай з крамы гандляра спецыямі, той, што на рагу вуліцы са старымі плітамі замест асфальту. Цемра дрэмле каля сцен, падушкі вабіць мяккасцю, коўдра абароніць ад дзённых жарсцей. Не варта пачах выходзіць за парог: вялікая цемра ахутвае вуліцы. Згубіцца маленечкі агеньчык свечкі, як святлячок на балотах. Вечер лапчыць снег, і ліхтары-апельсіны губляюць свае белыя плясткі.

Час знікае з надыходам змяркання. Трэба паспяшацца, яшчэ трохі — і знікне зусім. Яна прыходзіць, калі захоча, не трэба прымушаць яе чакаць. Раптам яна больш не прыйдзе. Тады час спыніцца, стане басконцасцю і, калі згаснуць ліхтары і надыхне шэрая раніца, у сценах дамоў навек паселіцца доўгая зімовая ноч.

У доме цёмна і цёпла. У глыбіні нешта нягучна і ўтульна патрыскае. Парываюць дошкі на гарышчы, калі заплываюць вочы, можна ўбачыць кошак. Пухлыя, цёплыя кошкі лёгка датыкаюцца да дошак мяккімі лапамі. Рукавыя падушчкі патанаюць у пацярсе і старых апілках, пыл узнімаецца ўверх, і кошкі чхаюць, аблізваюць вільготныя, халодныя насы. Кратаюць хвастамі бэлькі, знаходзяць цяплейшае месца і скручваюцца ў клубкі. Чуецца з цёмных паддашковых кутаў мернае варкатанне, кошкі засынаюць, і пляваць ім на вечар, што гуляе па даху.

Запаліць святло. Цені разбіваюцца ад парога. У цемры бяспечней: баяцца няма чаго, але старажытнае і глыбіннае патрабуе схавацца ў змроку. Святло

и когда? Разве весной, в пору первых гроз и мокрых следов в опустевшем доме.

Ей нравятся сумерки. Она как лунный свет, нежный и молчаливый. Появится, после того как зажгутся фонари, и исчезнет до рассвета. Ускользнет лунным лучом, и не поймать, не догнать, не стоит и пытаться. А следующей ночью придет снова, приоткроет незапертую дверь и войдет в дом. Сбросит плащ, слишком холодный для снежных зим. Стряхнет снежинки с ворота, она не знает: фонари-апельсины усыпали его лепестками флердоранжа. Они тают на полу, исходя чудным ароматом. Она пройдет в середину комнаты и посмотрит на окно, занавешенное шторами. Сны еще дремлют в складках, не беспокойся, они нас не потревожат. Поправит волосы, прикоснется холодными пальцами к щекам, чуть порозовевшим на морозе. Сложит ладони и поднесет к губам, согреет дыханием. У нее прохладные руки, странно, они никогда не бывают теплыми. Как лунный свет.

Мира. Девица Мира, кто ты и откуда пришла, из каких дальних стран и далеких земель? Какой корабль привез тебя в спящий под снегом город? Как нашла ты дом, если метель заметала следы? Черны паруса твоего корабля и несут они горестные вести, белы, как символ победы, или пурпурны, окрашены соком цветов ветвистого дуба¹? Все равно, оставайся, корабль Тесея², прибитый штормами к заснеженному берегу.

¹ Миф о Тесее и Минотавре.

² Парадокс тождества.

рэзкае і бязлітаснае, цемра мяккая і міласэрная. Хто адкрыў гэтую ісціну і калі? Хіба ўвесну, у пару першых навальніц і мокрых слядоў у апусцелым доме. Ёй падабаецца прыцемак. Яна нібы месяцовае святло, пяшчотнае і маўклівае. З’явіцца, пасля таго як запаліцца ліхтары, і знікне да світаньня. Выслізне месяцовым промнем, і не злавіць, не дагнаць, не варта нават спрабаваць. А наступнай ноччу прыйдзе зноў, прыдчыніць незамкнёныя дзверы і ўвойдзе у дом. Скіне плашч, надта халодны для снежных зім. Страсе сняжынкі з каўнера, яна не ведае: ліхтры-апельсіны ўсыпалі яго пялёсткамі флёрдаранжу. Яны растаюць на падлозе, духмяныя цудоўным водарам. Яна пройдзе на сярэдзіну пакоя і паглядзіць на акно, завешанае штораўмі. Сны яшчэ дрэмлюць у складках, не турбуйся, яны нас не патрывожаць. Паправіць валасы, дакранецца халоднымі пальцамі да шчок, крыху паружавелых на марозе. Складзе далоні і паднясе да вуснаў, сагрэе дыханнем. У яе халаднаватыя рукі, дзіўна, яны ніколі не бываюць цёплымі. Нібы месяцовае святло.

Міра. Дзяўчына Міра, хто ты і адкуль прыйшла, з якіх далёкіх краін і зямель? Які карабель прывёз цябе ў сонны пад снегам горад? Як знайшла ты дом, калі завіруха замятала сляды? Чорныя ветразі ў твайго карабля і нясуць яны гаротныя весткі, белыя, бы сімвал перамогі, ці пурпурныя, афарбаваныя сокам кветак галінастага дуба?¹ Усё роўна, заставайся, карабель Тэсея², прыбіты

¹ Міф пра Тэсея і Мінатаўра.

² Парадокс тоеснасці.

Пока спит уставший за день город, мы станем говорить и молчать, смотреть и слушать.

Сегодня ты позже, чем обычно. Но неважно, времени для нас нет, время осталось там, за догоревшей чертой раннего заката. Я бы и сам согрел твои руки, но ты не позволишь. Шторы прикрыты неплотно, свет фонарей разрезают тени. На полу — апельсиновые дольки. Если присмотреться, в одной из них видны косточки. Всего лишь гвозди в досках? Вздор, ты никогда так не скажешь. Ты не знаешь про фонари-апельсины, но промолчишь. Когда-нибудь я расскажу тебе о них и покажу цветы флердоранжа, что ты так безжалостно стряхиваешь с ворота плаща. Я закрою шторы плотнее и зажгу пару свечей. Я так и не спросил, почему ты боишься света. Все равно, ты права, так гласит древнее и глубинное: темнота мягка и милосердна.

— Мне кажется, я опоздала.

Ты совершила свой обычный маленький ритуал, и, как всегда, ни слова приветствия. Ты и не прощаешься, будто и не уходишь. Одна большая встреча, прерываемая лишь дневными часами. Забираешься в кресло напротив, прямо с ногами, сбросив изящные ботинки. Тебе не холодно в них там, за пределами стен? У тебя на лице легкая озабоченность, забавно и мило.

— Не беспокойся. Мне не пришлось ждать долго.

Я буду ждать тебя всю ночь, если понадобится.

— Ты знаешь, зимой город такой маленький. Мирный и беззащитный. Я никогда не была за городом. Иногда мне кажется, что там ничего нет.

штормамі да заснежанага берага. Пакуль спіць стомлены за дзень горад, мы будзем размаўляць і маўчаць, глядзець і слухаць.

Сёння ты пазней, чым звычайна. Але няважна, часу для нас няма, час застаўся там, за дагарэлай чарнатою ранняга захаду. Я б і сам сагрэў твае рукі, але ты не дазволіш. Шторы прыкрытыя няшчыльна, святло ліхтароў разразаюць цені. На падлозе — апельсінавыя долькі. Калі прыгледзецца, у адной з іх відаць костачкі. Усяго толькі цвікі ў дошках? Лухта, ты ніколі так не скажаш. Ты не ведаеш пра ліхтары-апельсіны, але змоўчыш. Калі-небудзь я распавяду табе пра іх і пакажу кветкі флёрдаранжу, якія ты так бязлітасна страеаш з каўнера плашча. Я зашмаргну шторы шчыльней і запалю пару свечак. Я так і не спытаў, чаму ты баішся святла. Усё роўна, ты маеш рацыю, так гаворыць старажытнае і глыбіннае: цемра мяккая і міласэрная.

— Мне здаецца, я спазнілася.

Ты здзейсніла свой звычайны маленькі рытуал, і, як заўсёды, ніводнага прывітальнага слова. Ты і не развітваемся, быццам і не сыходзіш. Адна вялікая сустрэча, што перапыняецца толькі дзённымі гадзінамі. Залазіш у фатэль насупраць, адразу з нагамі, скінуўшы зграбныя чаравікі. Табе не холадна ў іх там, за межамі сцен? У цябе на твары лёгка заклапочанасць, забаўна і міла.

— Не турбуйся. Мне не давялося чакаць доўга.

Я буду чакаць цябе ўсю ноч, калі спатрэбіцца.

— Ты ведаеш, узімку горад такі маленькі. Мірны і безабаронны. Я ніколі не была за горадам. Часам мне здаецца, што там нічога няма. Скончыцца

Закончится улица — и асфальт оборвется в пустоту. Представь, каково это — стоять и заглядывать за край мира.

— Зачем? Лучше представь, что мы живем в стеклянном шаре. Я видел такой на витрине антикварной лавки. Внутри — дом и белые кусочки бумаги. Перевернешь, встряхнешь, снова перевернешь — в шаре снегопад. Вдруг весь наш город — лишь игрушка? Мы придем в конец последней улицы и увидим стену из стекла, светлую и непрозрачную.

— Снег идет.

Шторы прикрыты, откуда ты знаешь, что творится за окнами? Но в твоем голосе столько уверенности, что я не могу усомниться.

— Наш шар встряхнули. Кто-то снял его с витрины, хочет купить или просто позабавится и поставить на место.

— Неправда!

Ты смеешься, негромко, так звенят колокольчики под лунным светом. Тебе нравятся мои фантазии. Ты готова поверить, хотя делаешь вид, что не желаешь слушать.

— Что ты делал днем?

Обхватила колени руками, наклонилась вперед — само внимание.

— Бродил по городу. Думал. Смотрел. Зимой как никогда хочется мечтать. Продавец пряностей закрывает лавку с первыми зимними холодами. Уезжает в дальние страны за своим товаром. Представь только: мы сидим и разговариваем, а он пересекает пустыню. Песок поет вечерами, миражи в воздухе, а его ведет дивный аромат пряностей. А лавка антиквара открыта. Она открыта весь год. Мне кажется, вещи там появляются

вуліца — і асфальт абарвецца ў пустэчу. Уяві, як гэта — стаяць і зазіраць за край свету.

— Навошта? Лепей уяві, што мы жывём у шкляным шары. Я бачыў такі на вітрыне антыкварнай крамы. Унутры — дом і белыя кавалачкі паперы. Перавернеш, страсянеш — і ў шары снегапад. Раптам увесь наш горад — толькі цацка? Мы прыйдзем у канец апошняй вуліцы і ўбачым сцяну са шкла, светлую і непразрыстую.

— Снег ідзе.

Шторы прыкрытыя, адкуль ты ведаеш, што робіцца за вокнамі? Але ў тваім голасе столькі ўпэўненасці, што я не магу ўсумніцца.

— Наш шар страсянулі. Хтосьці зняў яго з вітрыны, хоча купіць або проста пазабаўляцца і паставіць на месца.

— Няпраўда!

Ты смяешся, нягучна, так звіняць званочкі пад месяцовым святлом. Табе падабаюцца мае фантазіі. Ты гатова паверыць, хоць робіш выгляд, што не жадаеш слухаць.

— Што ты рабіў днём?

Абхапіла калені рукамі, нахілілася ўперад — сама ўвага.

— Бадзяўся на горадзе. Думаў. Глядзеў. Узімку як ніколі хочацца марыць. Гандляр спецыямі зачыняе краму з першымі зімовымі халадамі. З'язджае ў далёкія краіны за сваім таварам. Уяві толькі: мы сядзім і размаўляем, а ён перасякае пустыню. Пясок спявае вечарамі, міражы ў паветры, а яго вядзе

сами по себе. Состарятся в пыльных кладовых, уснут долгим вечером, а проснутся уже в лавке.

— Там ты видел стеклянный шар?

— Верно. В следующий раз я куплю его и поставлю на каминную полку. Летом, в самый жаркий полдень, когда в воздухе запахнет плавленым асфальтом, я встряхну шар — и снегопад накроет город. А еще я хочу завести кошку.

— Мне нравятся кошки.

Откидываешься на спинку кресла и потягиваешься. В редкие минуты ты сама похожа на маленького лунного котенка. Забавно, днем солнечные зайцы скользят по стенам, а ночью в моем кресле дремлет лунный котенок.

— Мягкую и пушистую, с мордой доброй и немного лукавой. Днем она станет спать, иногда просыпаясь, чтобы поесть. А вечером сворачиваться в клубок у меня на коленях и мурлыкать. Щуриться от огня и облизывать нос маленьким розовым язычком.

— Тогда я принесу ей клубок шерстяных ниток. И мы поиграем, она позволит себя гладить и чесать за ушком.

Ты улыбаешься, и неясно, всерьез ты или шутишь. Хочешь, расскажу о кошках на моем чердаке? Они уже уснули, приходи пораньше — и услышишь шаги их мягких лапок.

Ты молчишь, больше разговаривать мы не станем. Все, что нужно, сказано. Сны в складках штор зашевелились, их время близится. Ты зеваешь, еще немного — и уснешь. Я оставлю тебя в кресле и уйду к себе, а утром тебя не будет. Я не знаю, когда ты уходишь. Наверное, с рассветом.

дзівосны водар спецый. А крама антыквара адчыненая. Яна адчыненая ўвесь год. Мне здаецца, рэчы там з'яўляюцца самі па сабе. Састарэюць у пыльных каморах, заснуць доўгім вечарам, а прачнуцца ўжо ў краме.

— Там ты бачыў шклянны шар?

— Так. Наступным разам я куплю яго і пастаўлю на камінную паліцу. Летам, у самы спякотны поўдзень, калі ў паветры запахне плаўленым асфальтам, я страсяну шар — і снегапад накрыве горад. А яшчэ я хачу завесці кошку.

— Мне падабаюцца кошкі.

Адкідваешся на спінку фатэля і пацягваешся. У рэдкія хвіліны ты сама падобная да маленькага месяцовага кацяняці. Забаўна, удзень сонечныя зайцы слізгаюць па сценах, а ўначы ў маім фатэлі дрэмле месяцовае кацяня.

— Мяккую і пушыстую, з пысай добрай і хітраватай. Днём яна стане спаць, часам прачынаючыся, каб паесці. А ўвечары скручваюцца ў клубок у мяне на каленях і варкатаць. Жмурыцца ад агню і аблізваць нос маленькім ружовым язычком.

— Тады я прынясу ёй клубок ваўняных нітак. І мы пагуляем, яна дазволіць сябе гладзіць і часаць за вушкам.

Ты ўсміхаешся, і няясна, усур'ёз ты ці жартуеш. Хочаш, распавяду пра кошак на маім гарышчы? Яны ўжо заснулі, прыходзь раней — і пачуеш крокі іх мяккіх лапак.

Ты маўчыш, больш размаўляць мы не станем. Усё, што трэба, сказана. Сны ў складках штора заварушыліся, іх час набліжаецца. Ты пазяхаеш,

В час, когда ветер приносит своей невесте венок из флердоранжа и она улыбается, выпуская в небо алый отсвет зари. Ты уходишь бесшумно, тихо прикрыв дверь. Идешь мимо фонарей, и апельсины роняют тебе на плечи белоснежные лепестки. Пойдет метель, укроет твои следы, и покажется, что в городе нет ни единого человека. Все исчезли прямо из теплых домов в одну долгую зимнюю ночь. Девица Мира, что ты и откуда, зачем приходишь ко мне, ничего не требуя взамен? Кто дал тебе имя, какие паруса подняты на твоём корабле? Шторм прибил тебя к спящему под снегом городу. Море заледенело, и тебе не уплыть. Ожидать тебе в нашей гавани, пока льды растают, а там, кто знает, вдруг ты захочешь остаться.

Никс вышел из дому и посмотрел под ноги. Так и есть, дорожка к крыльцу замерзла. Никс почистил ее вчера, а за ночь остатки снега покрылись тонкой ледяной коркой. Полдень. Бледное солнце скоро склонится к закату. Всего пара часов — и серые сумерки опустятся на город. Разольются по узким улицам, окутают фонари на перекрестках. Зима — ночь, одна долгая ночь, прерываемая редкими часами света. Время сна. Зимой ничего не происходит. То, что случается за окнами, — остается за окнами. Никса не касается. Лабиринт улиц застывает, и некуда спешить за полночь вслед за коротким стуком.

Холодно. Надеть перчатки, пока кончики пальцев не потеряли чувствительность. Неприятное покалывание и волна тепла. Хайгер говорит, что руки лучше всего греть о стекло бокала. Или чашку кофе. Что бы он предпочел зимним вечером? Хайгер не любит ходить в гости

яшчэ трошкі — і заснеш. Я пакіну цябе ў фатэлі і пайду да сябе, а раніцай цябе не будзе. Я не ведаю, калі ты сыходзіш. Мабыць, на досвітку. У час, калі вецер прыносіць сваёй нявесце вянок з флёрдаранжу і яна ўсміхаецца, выпускаючы ў неба пунсовы водбліск зары. Ты сыходзіш бязгучна, ціха прычыніўшы дзверы. Крочыш міма ліхтароў, і апельсіны кідаюць табе на плечы беласнежныя пялёсткі. Пачнецца завіруха, схавасць твае сляды, і падасца, нібыта ў горадзе няма ніводнага чалавека. Усе зніклі з цёплых дамоў у адну доўгую зімовую ноч. Дзяўчына Міра, хто ты і адкуль, навошта прыходзіш да мяне, нічога не патрабуючы наўзамен? Хто даў табе імя, якія ветразі ўзнятыя на тваім караблі? Шторм прыбіў цябе да горада, што спіць пад снегам. Мора заледзянела, і табе не адплыць. Чакаць табе ў нашай гавані, пакуль ільды не растануць, а там, хто ведае, раптам ты захочаш застацца.

Нікс выйшаў з дому і паглядзеў пад ногі. Так і ёсць, дарожка да ганка замерзла. Нікс пачысціў яе ўчора, а за ноч рэшткі снегу пакрыліся тонкай ледзяной коркай. Поўдзень. Бледнае сонца хутка схіліцца да захаду. Усяго пара гадзін — і шэры змрок апусціцца на горад. Разальецца па вузкіх вуліцах, ахутае ліхтары на скрыжаваннях. Зіма — ноч, адна доўгая ноч, што перарываецца рэдкімі гадзінамі святла. Час сну. Узімку нічога не адбываецца. Тое, што дзеецца за вокнамі, — застаецца за вокнамі. Нікса не датычыцца. Лабірынт вуліц застывае, і няма куды спяшацца пасля поўначы ўслед за кароткім стукам.

Холадна. Абрануць пальчаткі, пакуль кончыкі пальцаў не страцілі адчувальнасць. Непрыемнае паколванне і хваля цяпла. Хайгер кажа, што рукі

зимой. Застать его на улице — редкость. Зимой Хайгер неуловим не меньше тварей ночных. Жаль. С ним хорошо молчать. Молчать можно и в одиночестве, но у разделенной тишины совсем иной вкус.

Лед на дорожке шероховатый, тускло блестит под солнцем. Если пойдет снег, дорожку заметет снова. Снегопады каждую ночь. За окнами в темноте медленно падают крупные белые хлопья. Если прислушаться, можно расслышать легкий, почти неуловимый шорох. Снежинки касаются заснеженной земли. Скоро город заметет по самые крыши. А он не проснется. Он смирится с белым пленом, убаюканный нескончаемой колыбельной. Сумерки ласкают фонарный свет, и не видно снегам ни конца ни края. Зимой негоже вспоминать о весне.

Зимой на улицах мало людей. Тихо, только снег поскрипывает под ногами. Лавка продавца пряностей закрыта. Как всегда, он вернется весной, пропитанный солнцем и диковинными ароматами. На его улице вместо асфальта — старые плиты. А дальше — антикварная лавка, она открыта весь год. Никто не знает, откуда в ней появляются вещи. Хозяин лавки чует их, запертые в тесных кладовых домов? Они находятся сами, появляются из ниоткуда прямо в куче хлама? Ночь, долгая ночь, что творится в ней — неведомо.

Хайгер?

Продавец пряностей, лавка антиквара. Вот шар, стоит на витрине, как и вечность назад. Отражается в нем полуденное солнце, ласкает его выпавший снег. Шар некому встряхнуть, стекло тоскует по теплым рукам. Подожди, город. У той, кому ты предназначен, руки нежны и прохладны,

лепш за ўсё грэць аб шкло келіха. Ці кубак кавы. Чаму б ён аддаў перавагу зімовым вечарам? Хайгер не любіць хадзіць у госці зімой. Заспець яго на вуліцы — рэдкасць. Узімку Хайгер такі ж няўлоўны, як стварэнні начныя. Шкада. З ім добра маўчаць. Маўчаць можна і ў адзіноце, але ў падзеленай цішыні зусім іншы смак.

Лёд на дарожцы шурпаты, цьмяна блішчыць пад сонцам. Калі пойдзе снег, дарожку замяце зноў. Снегапады кожную ноч. За вокнамі ў цемры павольна падаюць буйныя белыя камякі. Калі прыслухацца, можна пачуць лёгкі, амаль няўлоўны шоргат. Сняжынкі датыкаюцца да заснежанай зямлі. Хутка горад замяце па самыя дахі. А ён не працнецца. Ён не скорыцца белаю палону, залюляны бяскондай калыханкай. Прыцемак лапчыць ліхтарнае святло, і не бачна снягам ні канца ні краю. Зімой не варта ўспамінаць пра вясну.

Узімку на вуліцах няшмат людзей. Ціха, толькі снег парывае пад нагамі. Крама гандляра спецыямі зачыненая. Як заўсёды, ён вернецца вясной, прасякнуты сонцам і дзіўнымі водарамі. На яго вуліцы замест асфальту — старыя пліты. А далей — антыкварная крама, яна адчыненая ўвесь год. Ніхто не ведае, адкуль у ёй з'яўляюцца рэчы. Гаспадар крамы чуе іх, зачыненыя ў цесных каморах дамоў? Яны знаходзяцца самі, узнікаюць з ніадкуль проста ў кучы хламу? Ноч, доўгая ноч, што робіцца ў ёй — невядома.

Хайгер?

Гандляр спецыямі, крама антыквара. Вось шар, стаіць на вітрыне, як і вечнасць таму. Адбіваецца ў ім паўдзённае сонца, лапчыць яго снег. Шар няма каму

легки ее прикосновения, как снежинки в полете. Она бредила краем мира, а я покажу ей предел, за которым ничто не заканчивается. Позволю дотронуться до стекла и вызвать снегопад. Одним движением, мой демиург, мой хаос и мое спасение, мир и ярость, свет и покой. Кто заслужил свет, девица Мира, коль даже мастер заслужил лишь покой³? Еще пара шагов — и откроется дверь, впустит в крошечную лавку, пропахшую древностью. Продавец пряностей отправился в путешествие за своим ароматным товаром, но антиквара вещи находят сами. Бредут на ощущение, знают: здесь живет тот, кто позаботится об их мирной и беззаботной старости. Латунные решетки и бронзовые подсвечники, мраморные плиты и светильники из потускневшего серебра — все нашли приют в стенах, изъеденных сыростью и жуками-точильщиками, чья работа напоминает зловещее тиканье часов в полуночную пору. Зловещее тиканье, предвестник недоброго. Как козодой, что влетает в приотворенную дверь и садится на перила лестницы. Как собака, что воет под окнами ночь напролет. Кто-то в доме должен умереть⁴. Не верь глупым приметам, мой дивный цветок флердоранжа, благоухающий апельсинами. Прими лучше город в подарок, встряхни и порадуйся снегопаду. Пара минут — и шар исчезнет с витрины, поселится в уютном кармане. Вечером ты придешь, дотронешься холодными пальцами до

³ М. Булгаков. «Мастер и Маргарита».

⁴ «Антихрист» Ларса фон Триера.

страсянуць, шкло сумуе па цёпрых руках. Пачакай, горад. У той, каму ты прызначаны, рукі пяшчотныя і прахалодныя, дотыкі яе лёгкія, нібы сняжынкі ў палёце. Яна трызніла аб краі свету, а я пакажу ёй мяжу, за якой нішто не заканчваецца. Дазволю дакрануцца да шкла і выклікаць снегапад. Адным рухам, мой дэміург, мой хаос і маё выратаванне, мір і лютасць, святло і спакой. Хто заслужыў святло, дзяўчына Міра, калі нават майстар заслужыў толькі спакой³? Яшчэ пара крокаў — і адчыняцца дзверы, упусцяць у маленечкую краму, што прапахла старажытнасцю. Гандляр спецыямі выправіўся ў падарожжа за сваім духмяным таварам, але антыквара рэчы знаходзяць самі. Брыдуць на адчуванне, ведаюць: тут жыве той, хто паклапоціцца пра іх мірную і бестурботную старасць. Масянжовыя рапшоткі і бронзавыя падсвечнікі, мармуровыя пліты і свяцільні з пацьмянелага срэбра — усе знайшлі прытулак у сценах, раз'едзеных сырасцю і жукамі-тачыльшчыкамі, чыя праца нагадвае злавеснае ціканне гадзініка ў паўночную пару. Злавеснае ціканне, прадвеснік нядобрага. Нібы ляляк, які залятае ў прыадчыненыя дзверы і сядзе на парэнчы лесвіцы. Нібы сабака, які вые пад вокнамі ноч напяралёт. Хтосьці ў доме павінен памерці⁴. Не вер дурным прыкметам, мая дзівосная кветка флёрдаранжу з водарам апельсінаў. Прымі лепш горад у падарунак, страсяні і пацешся са снегу. Пара хвілін — і шар знікне з вітрыны, паселіцца

³ М. Булгакаў. «Майстар і Маргарыта».

⁴ «Антыхрыст» Ларса фон Трыера.

порозовевших щек и усядешься в кресло. А я подарю тебе город, что никогда и нигде не заканчивается.

— Здравствуй.

Кто-то еще бродит полуднем по городу? Кто-то знает и помнит его? Кто он, незнакомец, чудом оказавшийся на улице, выложенной старинными неровными плитами?

— Мы виделись раньше, я уверен. Но у меня плохая память на лица.

У меня тоже, вот совпадение. Только не стоит смотреть так пристально, так изучающе, так холодно. словно ждешь от меня чего-то, что я не смогу дать. Я не загадка, не одна из странных вещей антикварной лавки, я всего лишь жалкий нищий, что стоит у порога богатого дома и выпрашивает скудное подаяние. Когда приходят трое нищих, кто-то должен умереть. Откуда оно, еще одно старое суеверие? Из толстых запыленных книг с пожелтевшими страницами или тонких карт звездного неба, покрытых сетью созвездий, которых не существует. Я всего лишь романтик, выходящий из дому ближе к закату, в свете фонарей-апельсинов, собирать в ладони летящие цветы флердоранжа и вдыхать их свежий аромат. Я всего лишь мечтатель, бредущий по мягкому снегу, не оставляя следов. Я поэт, не написавший ни одной поэмы, утративший музу темной грозовой ночью в начале весны. И нашедший ее снова мглистыми зимними сумерками.

— Неважно. На что ты смотришь? Хочешь найти нечто особенное?

Словно мы знакомы давным-давно, друзья, потерявшие друг друга и отыскивавшиеся тихим зимним полднем на безлюдной улице, у витрины,

ва ўтульнай кішэні. Увечары ты прыйдзеш, дакранешся халоднымі пальцамі да паружавелых шчок і ўсядзешся ў фатэль. А я падарую табе горад, які ніколі і нідзё не заканчваецца.

— Вітаю.

Хтосьці яшчэ блукае ў поўдзень па горадзе? Хтосьці ведае і памятае яго? Хто ён, незнаёмец, што цудам апынуўся на вуліцы, вымашчанай старадаўнімі няроўнымі плітамі?

— Мы бачыліся раней, я ўпэўнены. Але ў мяне дрэнная памяць на твары.

У мяне таксама, вось супадзенне. Толькі не трэба глядзець так пранізліва, так вывучальна, так холадна. Быццам чакаеш ад мяне чагосьці, што я не здолею даць. Я не загадка, не адна з дзіўных рэчаў антыкварнай крамы, я ўсяго толькі ўбогі жабрак, што стаіць каля парога багатага дома і выпрошвае мізэрную міласціну. Калі прыходзяць трое жабракоў, хтосьці павінен памерці. Адкуль яна, яшчэ адна старая прымха? З тоўстых запыленых кніг з пажаўцелымі старонкамі ці тонкіх карт зорнага неба, пакрытых сеткай сузор'яў, якіх не існуе. Я ўсяго толькі рамантык, што выходзіць з дому бліжэй да захаду, у святле ліхтароў-апельсінаў, збіраць у далоні кветкі флёрдаранжу і ўдыхаць іх свежы водар. Я ўсяго толькі летуценнік, што брыдзе па мяккім снезе, не пакідаючы слядоў. Я паэт, які не напісаў ніводнай паэмы, страціў музу цёмнай навальнічнай ноччу ў пачатку вясны. І знайшоў яе зноў імглістым зімовым прыцемкам.

— Няважна. На што ты глядзіш? Хочаш знайсці нешта асаблівае?

скрывающей чудеса древности. Стекло потрескалось, раньше я не замечал. Заиндевело. Внезапно ли? Мир мой скроется за белой пеленой, исчезнет прежде, чем руки твои коснутся обещанного дара. Шар размером с апельсин. Лепестки белого, усыпающие мирно спящий внутри город, город под слоем хрупкого гладкого стекла. А ты, такой знакомый незнакомец, что знаешь ты о ночных апельсиновых аллеях, сияющих теплым оранжевым, о невесомости тающих цветов на влажном воротнике плаща?

— Я хочу подарить целый мир. Со всеми домами и улицами, светом из окон, кошками у очагов. Снегом, что припорошил палубу ее корабля, и льдом, сковавшим прилив ее гавани.

— Море далеко.

— Море рядом. Оно повсюду, послушай, волны шелестят и лижут стеклянный берег, разбиваются о прозрачно-белую стену зелеными брызгами. Море приносит дыхание дальних стран, стран по другую сторону горизонта. Вода беспокойна, и лишь в одной тихой гавани дремлет она подо льдом, надежным и крепким, и сложены весла, укрытые пушистым ином. Что ты знаешь, мой немногословный и нечаянный собеседник, о море, щедром на негаданные подношения? Оно скрывает вещи, как лавка антиквара, только не выставляет на витрину. Таит в глубине сокровища, бесценные и редкие, и никому не ведомо, чем заслужить его милость. Как дожидаться того, что отворится дверь в синеватых сумерках и снег с лисьей повадкой заметет неглубокие следы у крыльца.

Быццам мы знаёмыя даўным-даўно, сябры, якія страцілі адзін аднаго і знайшліся ціхім зімовым поўднем на бязлюднай вуліцы, каля вітрыны, што хавае дзівосы даўніны. Шкло патрэскалася, раней я не заўважаў. Заінела. Ці раптам? Свет мой схавецца за белай заслонай, знікне перш, чым рукі твае дакрануцца да абяцанага дару. Шар памерам з апельсін. Пялёсткі белага, што ўсыпаюць горад, які мірна спіць унутры, горад пад слоём крохкага гладкага шкла. А ты, такі знаёмы незнаёмец, што ведаеш ты пра начныя апельсінавыя алеі, якія ззяюць цёплым аранжавым, пра бязважкасць кветак, якія растуць на вільготным каўнеры плашча?

— Я хачу падарыць цэлы свет. З усімі дамамі і вуліцамі, святлом з акон, кошкамі каля ачагоў. Снегам, што прыцерушыў палубу яе карабля, і льдом, які скаваў прыліў яе гавані.

— Мора далёка. Яно паўсюль, паслухай, хвалі шапацяць і ліжуць шкляны бераг, разбіваюцца аб празрыста-белую сцяну зялёнымі пырскамі. Мора прыносіць подых далёкіх краін, краін па іншы бок гарызонту. Вада неспакойная, і толькі у адной ціхай гавані дрэмле яна пад ільдом, надзейным і моцным, і складзены вёслы, укрытыя пухкім інеем.

Што ты ведаеш, мой немнагаслоўны і нечаканы субяседнік, пра мора, шчодрае на неспадзяваныя дарункі? Яно ўтойвае рэчы, як крама антыквара, толькі не выстаўляе на вітрыну. Хавае ў глыбіні скарбы, бясцэнныя і рэдкія, і нікому не вядома, чым заслужыць яго ласку. Як дачакацца таго, што адчыняцца дзверы і снег з лісінай звычайкай замяце неглыбокія сляды каля ганка.

— Ты пришел не за морем. Город-мир, город-дар. Город — пустыня, зимой он мертв. Кто сумеет его оживить?

— Она сумеет.

Что в тебе такого, незнакомец, что заставляет говорить о водах, ближних и дальних, кораблях со спущенными парусами, апельсиновых цветах и девице с вечно прохладными руками? Смотришь без любопытства, но отчего спрашиваешь, о чем хочешь узнать у одинокого путника, стоящего на перекрестье великих шелковых путей? Нищего путника, желающего купить целый мир и унести его домой в кармане, оберегая от чужих взглядов и жестоких прикосновений. Отчего я не могу вспомнить тебя? Где мы встречались, на каких перепутьях, в каких местах? Шел ли там снег, палило ли солнце, пахло ли восточными пряностями? Или, может, дождь лил за распахнутым окном?

— Она приходит каждые сумерки и исчезает с рассветом. Сворачивается в кресле еще одной кошкой, одной из тех, спящих на чердаке. Она верит в край мира, а я верю в снег, что упадет на город в ее ладонях.

Мира, девица Мира, произносить имя твое, и на устах оно будет сладко, как мед⁵. А существует ли оно вне стен дома, где уютные сны качаются в складках штор, плотно задернутых и все равно разрезанных надвое тонкой апельсиновой долькой с двумя просвечивающими сквозь полупрозрачную мякоть косточками? Холодным кисло-горьковатым соком оно на сомкнутых губах, скованных выдуманным запретом. «Мира» тает

⁵ Умберто Эко. «Имя розы».

— Ты прыйшоў не за морам. Горад-свет, горад-дар. Горад — пустыня, узімку ён мёртвы. Хто здолее яго ажывіць?

— Яна здолее.

Што ў табе такога, незнаёмец, што прымушае гаварыць пра воды, блізкія і далёкія, караблі са спущанымі ветразямі, апельсінавыя кветкі і дзяўчыну з вечна прахалоднымі рукамі? Глядзіш без цікаўнасці, але чаму пытаешся, пра што хочаш даведацца ў самотнага вандроўніка, які стаіць на скрыжаванні вялікіх шаўковых шляхоў? Жабрака, што жадае купіць цэлы сусвет і знесці яго дадому ў кішэні, ахоўваючы ад чужых паглядаў і бязлітасных дотыкаў. Чаму я не магу ўспомніць цябе? Дзе мы сустрэкаліся, на якіх раздарожжах, у якіх месцах? Ці ішоў там снег, ці паліла сонца, ці пахла ўсходнімі спецыямі? Альбо, можа, дождж ліў за расчыненым акном?

— Яна прыходзіць на кожным змярканні і знікае на досвітку. Уладкоўваецца ў фатэлі яшчэ адной кошкай, адной з тых, што спяць на гарышчы. Яна верыць у край свету, а я веру ў снег, што ўпадзе на горад у яе далонях.

Міра, дзяўчына Міра, прамаўляць імя тваё, і на вуснах яно будзе салодкае, нібы мёд⁵. А ці існуе яно па-за сценамі дома, дзе ўтульныя сны гушкаюцца ў складках штораў, шчыльна зашморгнутых і ўсё роўна разрэзаных напалам тонкай апельсінавай долькай з дзвюма бачнымі праз паўпразрыстую мякаць косткамі? Халодным кісла-гаркавым сокам яно на стуленых вуснах, скаваных

⁵ Умберта Эка. «Імя ружы».

во рту горстью свежего, чистого снега. «Мира», — шепчет легкий ветер там, где на желтом закате собирают плоды в корзины. Мира.

— Во что еще ты веришь? Кроме моря, кошек и девушки, созданной быть твоей иллюзией. Твоим призраком, исчезающим с рассветом.

Мира. В далекой гавани первая трещина расколола льды. Тихий треск в неподвижном воздухе, на грани сумерек. Трещина на побелевшей и продрогшей витрине антикварной лавки. Ветер поднимается, надуваются повисшие паруса. Ветер рвет флердоранж и кружит над беззащитными крышами. Кошки шипят, выгибая спины, царапают когтями дерево.

Зачем ты так жесток, незнакомец, к лишенным солнца и зелени, к брошенным на старинные плиты, под ноги застывшему под стеклом миру? Плиты, такие уютные по весне, такие теплые бархатным летом, обласканные солнцем и расцелованные ветром. Тянется, извиваясь вдоль трещин, тонкая дорожка пряностей, изгибается восточной змеей, повторяя узор на чужеземной, расписанной киноварью посуде. Льется цвет драконьей крови по мостовой, падают в него легкие белоснежные лепестки. Окрашиваются алым, тяжелеют и опускаются на дно текучего потока, что берет начало у порога лавки торговца пряностями и обретает конец у двери антиквара. Кожа перчаток пахнет дымом и железом. Сними их, незнакомец, протяни руки и позволь лепесткам-снежинкам упасть в ладони. Что знаешь ты о невесомых касаниях, прохладных и мимолетных?

Моя иллюзия. Мой призрак. Мой край мира. Я вернусь вечером в свой маленький дом, отопру дверь и найду тебя там. Ты уснешь в кресле,

выдуманай забаронай. «Міра» растае ў роце жменькай свежага, чыстага снегу. «Міра», — шэпча лёгка вецер там, дзе на жоўтым захадзе збіраюць плады ў кашы. Міра.

— У што яшчэ ты верыш? Акрамя мора, кошак і дзяўчыны, створанай дзеля таго, каб быць тваёй ілюзіяй. Тваім прывідам, што знікае на золку.

Міра. У далёкай гавані першая расколіна перарэзала ільды. Ціхі трэск у нерухомым паветры, на мяжы прыцемку. Расколіна на пабялелай і праяблай вітрыне антыкварнай крамы. Вецер узнімаецца, надзмуваюцца абвіслыя ветразі. Вецер ірве флёрдаранж кружляе над безабароннымі дахамі. Кошкі пыпяць, выгінаючы спіны, драпаюць кіпцюрамі дрэва.

Чаму ты такі бязлітасны, незнаёмец, да пазбаўленых сонца і зелені, да кінутых на старадаўнія пліты, пад ногі застыламу пад шклом свету? Пліты, такія ўтульныя вясной, такія цёплыя аксамітным летам, аблапчаныя сонцам і распалаваныя ветрам. Цягнецца, уючыся ўздоўж расколін, тонкая дарожка спецый, выгінаецца ўсходняй змяёй, паўтараючы ўзор на чужаземным, распісаным кінавар'ю посудзе. Ліецца колер цмачынай крыві па брукаванцы, падаюць у яго лёгка беласнежныя пялёсткі. Афарбоўваюцца пунсовым, цяжэюць і апускаюцца на дно цякучага струменя, што бярэ пачатак каля парога крамы гандляра спецыямі і знаходзіць канец каля дзвярэй антыквара. Скура пальчатак патыхае дымам і жалезам. Здымі іх, незнаёмец, працягні рукі і дазволь пялёсткам-сняжынкам упасці у далоні. Што вядома табе пра бязважкія дотыкі, прахалодныя і мімалётныя?

а сны в складках штор сплут колыбельную, тихую и дремотную. Кошка, пушистая, теплая кошка свернется клубком на коленях, коснется влажным носом руки и замурлычет в такт неслышной музыке. Я не стану тебя тревожить, лишь укурю одеялом, зеленым, как листья апельсинового дерева. Я достану их, в середине зимы, отыщу в толще снегов и под колючими льдами. А когда ты проснешься, почувствуешь запах, его ни с чем нельзя спутать — запах свежести и ветра, живущего в дивных заморских садах. Откроешь глаза — и увидишь оранжевые солнца в сияющих белоснежных коронах. И никогда больше не уйдешь.

Никсу оставалось сделать пару шагов. Пару шагов по скользким плитам, темным и неровным. Помнят ли они древность? Сколько им лет, десятилетий, веков? Чем измерить древность, что значит время для камня под ногами и помнит ли он тысячи тысяч прикосновений? Лед укрыл его предательски прозрачным слоем замерзшей воды. Нескоро ей растаять и смешаться с рухнувшим на истосковавшийся по теплу город всеочищающим дождем.

Пара шагов занимает меньше минуты, гораздо меньше. Двое у витрины молчат, смотрят на застывшую змеей в ледяном плену трещину. Трещину в стекле антикварной лавки, раньше он ее не замечал. Или она появилась, как все вещи, достигшие порога старости. Порога лавки, их нового дома, приюта и укрытия. Появилась из ниоткуда, в одно мгновение и заняла свое место уверенно и тихо, словно была здесь с начала времен. Двое смотрят и молчат, и одному неведомо, что для другого трещина в холодном стекле — мост от края до края мира.

Мая ілюзія. Мой прывід. Мой край свету. Я вярнуся ўвечары ў свой маленькі дом, адчыню дзверы і знайду цябе там Ты заснеш у фатэлі, а сны ў складках шторм праспяваюць калыханку, ціхую і дрымотную. Кошка, пушыстая, цёплая кошка скруціцца клубком на каленях, даткнецца вільготным носам да рукі і завуроча ў такт нячутнай музыцы. Я не стану цябе трывожыць, толькі ўкрыю коўдрай, зялёнай, як лісце апельсінавага дрэва. Я дастану іх пасярод зімы, адшукаю ў тоўшчы снягоў і пад калючымі льдамі. А калі ты прачнешся, адчуеш пах, яго ні з чым нельга зблытаць — водар прахалоды і ветру, што жыве ў дзівосных заморскіх садах. Расплюшчыш вочы — і ўбачыш аранжавыя сонцы ў зіхатлівых беласнежных каронах. І ніколі больш не сыдзеш.

Ніксу заставалася зрабіць пару крокаў. Пару крокаў па коўзкіх плітах, цёмных і няроўных. Ці памятаюць яны даўніну? Колькі ім гадоў, дзесяцігоддзяў, вякоў? Чым змераць старажытнасць, што значыць час для каменя пад нагамі і ці памятае ён тысячы тысяч дотыкаў? Лёд накрыў яго па-зdraдніцку празрыстым пластом замёрзлай вады. Няхутка яна растане і змяшаецца з усёачышчальным дажджом, што абрынецца на змуджаны па цяпле горад.

Пара крокаў займае менш за хвіліну, значна менш. Двое каля вітрыны маўчаць, глядзяць на застылую змяй у ледзяным палоне расколіну. Расколіну ў шкле антыкварнай крамы, раней ён яе не заўважаў. Ці яна з'явілася, як усе рэчы, што дасягнулі парога старасці. Парога крамы, іх новага дома, прытулку і сховішча. З'явілася з нікуль, у адно імгненне і заняла сваё месца ўпэўнена і ціха, нібыта была тут спрадвеку. Двое глядзяць і маўчаць, і аднаму невядома, што для другога расколіна у халодным шкле — мост ад краю да краю свету.

Один провожает другого долгим взглядом. Лед не хранит следов, плиты безучастны и молчаливы. Уходящий ступает по трещинам, и все тоньше становится мост.

— Что ты ему сказал?

Хайгер не обернулся. Изо рта вырвалось облачко пара, светлого и густого. Повисло в застывшем воздухе и растаяло, неохотно и медленно. Холод сквозь перчатки гладит пальцы. Холод проникает внутрь с каждым вдохом. Холод с запахом снега, металла и вечера. Никс знал, сейчас лишь за полдень, но запах вечера становился все сильнее.

— Он рассказывал о девице, приходящей в сумерках и исчезающей с рассветом. Никто не придет в чужой дом в зимних сумерках, никто не уйдет с рассветом. Я сказал, ее не существует.

Никс знал, что Хайгер ответит после пары медленных, тягучих минут. Чуть хриловатый голос, таящий стекло и железо, голос на страже долгого молчания. Хайгер не любит выходить из дому зимой, не желает говорить на виду лежащего в руинах города, разрушенного беспощадным снегом.

— Я знаю его, но не помню откуда.

У тебя плохая память на лица. А если бы помнил, сказал бы то, что произнес несколько бесконечно долгих минут назад?

Никс не смог ответить.

— Прошлой весной Дождливый человек вернулся. Одна девушка забыла закрыть окно на ночь. Ты ведь знаешь, кого уводит с собой Дождливый человек. Неосторожных. Девушку звали Элиза, и она позабыла закрыть окно.

Адзін праводзіць другога доўгім паглядам. Лёд не захоўвае слядоў, пліты абьякавыя і маўклівыя. Той, што сыходзіць, ступае па расколінах, і ўсё танчэй робіцца мост.

— Што ты яму сказаў?

Хайгер не абярнуўся. З рота вырвалася аблачынка пары, светлай і густой. Павісла ў застылым паветры і растала, неахвотна і павольна. Холад праз пальчаткі гладзіць пальцы. Холад пранікае ўнутр з кожным удыхам. Холад з пахам снегу, метала і вечара. Нікс ведаў, зараз толькі поўдзень, але пах вечара станаўіцца ўсё мацней.

— Ён распавядаў пра дзяўчыну, што прыходзіць на змярканні і знікае са світаннем. Ніхто не прыйдзе ў чужы дом у зімовым змроку, ніхто не сыдзе на досвітку. Я сказаў, яе не існуе.

Нікс ведаў, што Хайгер адкажа пасля пары марудных, цягучых хвілін. Крыху хрыплаваты голас з прыхаванымі шклом і жалезам, голас на варце доўгага маўчання. Хайгер не любіць выходзіць з дому зімой, не жадае гаварыць перад разбураным бялітасным снегам горадам, што ляжыць у руінах.

— Я ведаю яго, але не памятаю адкуль.

У цябе дрэнная памяць на твары. А калі б памятаў, ці сказаў бы тое, што прамовіў некалькі бясконца доўгіх хвілін таму?

Нікс не змог адказаць.

— Мінулай вясной Дажджлівы чалавек вярнуўся. Адна дзяўчына забыла зачыніць акно на ноч. Ты ж ведаеш, каго забірае Дажджлівы чалавек. Неасцярожных. Дзяўчыну звалі Эліза, і яна не закрыла акно.

— Он любил ее?

Хайгер, мой бесстрастный друг, порой я опасаюсь, что долгой осенней ночью в мою дверь постучат за полночь. Я выйду, пройду по спящему городу и на одной из мокрых, дождливых улиц найду тебя.

— Он был там, когда мы пришли. Там ты его видел, у открытого окна, перед не успевшими высохнуть следами на подоконнике. Он искал ее до самой зимы. А зимой вода замерзает, пустеют гавани и корабли заковывают льды. Он нашел ее, девицу Миру. Призрак, приплывший на корабле с белыми парусами и грузом в сотни апельсинов. Она подарила ему сны в шторах, кошек на чердаке и флердоранж на вороте плаща. Великий дар, не имеющий цены. Дар, который ты отнял.

— Нельзя отнять то, чего нет. Она иллюзия, девица Мира, фантазия, как море, окружившее город.

Наконец ты обернулся. Смотришь прямо в глаза, какая редкость. Улыбаешься, чуть заметно, кончиками губ, побелевших на холоде. Ты понимаешь все, но предпочитаешь делать вид, будто ни о чем не догадываешься. Ты знаешь, что сделал. Только жаль ли тебе несчастного нищего, чьи грезы ты втоптал в покрытые льдом старинные плиты⁶? Вспомнишь ли ты о нем еще, позже, в серых сумерках под желтыми фонарями?

Никс не смог ответить.

Спит город. Спят апельсиновые аллеи, спит море у берегов, видимое лишь одиноким путникам, спят замерзшие улицы, спит заиндевевшее стекло.

⁶ W. B. Yeats.

— Ён любіў яе?

Хайгер, мой бясстрасны сябра, часам я апасаюся, што доўгай восеньскай ноччу ў маі дзверы пагрукаюць пасля поўначы. Я выйду, прайду па сонным горадзе і на адной з мокрых, даджлівых вуліц знайду цябе.

— Ён быў там, калі мы прыйшлі. Там ты яго бачыў, каля расчыненага акна, перад слядамі на падаконніку, якія не паспелі высахнуць. Ён шукаў яе да самай зімы. А ўзімку вада замярзае, пусцеюць гавані і караблі закоўваюцца льдамі. Ён знайшоў яе, дзяўчыну Міру. Здань, што прыплыла на караблі з белымі ветразямі і грузам у сотні апельсінаў. Яна падарыла яму сны ў пгторах, кошак на гарышчы і флёрдаранж на каўнеры плашча. Вялікі дар, які не мае цаны. Дар, які ты адняў.

— Нельга адняць тое, чаго няма. Яна ілюзія, дзяўчына Міра, фантазія, як мора, што атачыла горад.

Нарэшце ты абярнуўся. Глядзіш прама ў вочы, якая рэдкасць. Усміхаешся, ледзь заўважна, кончыкамі вуснаў, пабялелых на холадзе. Ты ўсё разумееш, але вырашаеш рабіць выгляд, быццам ні пра што не здагадваешся. Ты ведаеш, што зрабіў. Але ці шкада табе няшчаснага жабрака, чые мроі ты ўтаптаў у пакрытыя льдом старажытныя пліты⁶? Ці ўспомніш ты пра яго яшчэ, пазней, у шэрым змроку пад жоўтымі ліхтарамі?

Нікс не змог адказаць.

⁶ W. B. Yeats.

Спят грезы под ногами, спят плиты, усыпанные лепестками снега. Спит город под прозрачным куполом, спит среди старых вещей, что пришли в лавку дремать весь остаток своего долгого века. Зимой город засыпает рано.

В доме тепло и тихо. Тишина окутывает все мягким покрывалом. Обнимает нежно и бережно, и хочется уснуть, забыться и не спастись, не вырваться из уютных, крепких объятий. Волны тепла разливаются широко и ровно. Растекаются по углам и щелям, неслышно потрескивают, пахнут сухим и горьковатым. Кошки утихли на чердаке. Ни звука, ни шороха, маленькие пушистые создания не пришли, не пожелали спать среди старых балок и опилок. Ветер тоскует над крышей молча и искренне, тоскует в одиночестве. Сны качаются в складках штор, сумрачные и печальные. Им не хватает свежести, что тонкой струйкой вползала в дом и превращалась в бушующий ураган, беззвучный и стремительный. Свежести и аромата апельсинов, пахнущих снегом. Или снег приносил аромат апельсинов. Их выращивают далеко, там, где бесконечным днем светит горячее солнце и полдень длится вечность.

Она не пришла. Слышится треск, далекий и негромкий, там расходятся льды в безымянной гавани. Волны поднимаются, и мчится ветер над морем, спешит на помощь древнему кораблю. Черны паруса твоего корабля и несут они горестные вести, белы, как символ победы, или пурпурны, окрашены соком цветов ветвистого дуба? Сколько досок заменили в тебе прохладные руки, так и не согретые легким дыханием? Прохладные и нежные, как лунный свет над апельсиновой рощей. Ты отплывешь ли

Спіць горад. Спяць апельсінавыя алеі, спіць мора каля берагоў, бачнае толькі самотным вандроўнікам, спяць замёрзлыя вуліцы, спіць заінелае шкло.

Спяць летуценні пад нагамі, спяць пліты, усыпаныя пялёсткамі снегу. Спіць горад пад празрыстым купалам, спіць сярод старых рэчаў, што прыйшлі ў краму драмаць увесь астатак свайго доўгага веку. Узімку горад засынае рана. У доме цёпла і ціха. Цішыня ахутвае ўсё мяккім покрывам. Абдымае пяшчотна і клапатліва, і хочацца заснуць, забыцца і не выратавацца, не вырвацца з утульных, моцных абдымкаў. Хвалі цяпла разліваюцца шырока і роўна. Расцякаюцца па вуглах і шчылінах, нячутна патрэскаюць, пахнуць сухім і гаркавым. Кошкі сціхлі на гарышчы. Ні гуку, ні шоргату, маленькія пухыстыя істоты не прыйшлі, не пажадалі спаць сярод старых бэлек і апілак. Вецер тужыць над дахам маўкліва і пчыра, тужыць у адзіноце. Сны гушкаюцца ў складках штор, змрочныя і журботныя. Ім не хапае прахалоды, што тонкім струменьчыкам упаўзала ў дом і ператваралася ў бурлівы ўраган, бязгучны і імклівы. Свежасці і водару апельсінаў, што пахнуць снегам. Ці снег прыносіў водар апельсінаў. Іх вырошчваюць далёка, там, дзе бясконцым днём свеціць гарачае сонца і поўдзень доўжыцца вечнасць.

Яна не прыйшла. Чуецца трэск, далёкі і нягучны, там разыходзяцца льды ў безыменнай гавані. Хвалі ўздымаюцца, імчыцца вецер над морам, спяшаецца на дапамогу старажытнаму караблю. Чорныя ветразі ў твайго карабля і нясуць яны гаротныя весткі, белыя, нібы сімвал перамогі, ці пурпурныя, афарбаваныя сокам кветак галінастага дуба? Колькі дошак замянілі ў табе прахалодныя рукі,

в края, где всегда тепло, и снега неведомы, и флердоранж падает на обнаженные плечи, не знающие прикосновений тяжелых мехов? Или к суровым зимам, таким суровым, что заснеженные улицы утонувшего в белом города кажутся тебе жаркими, но не способными согреть. Нашла ли ты край, девица Мира? Край земли, а за ним ничего нет. Вдруг ты вглядываешься в пустоту, стоишь, и асфальт обрывается перед тобой. Что ты видишь, когда смотришь в ничто?

Ты не пришла, девица Мира. Никто не отворил дверь, не сбросил плащ, слишком холодный для зим, не усыпал пол цветами флердоранжа, тающими с чудным ароматом. Кресло пусто, полумрак молчалив. Погасить свечи, инстинкты приказывают избегать темноты, но древнее и глубинное говорит: темнота мягка и милосердна. Ты чувствуешь плиты под ногами? Слышен ли стук каблучков изящных ботинок, когда ты ступаешь по ним? Ступай легко, путник, ты топчешь грезы несчастного нищего. Может, одного из трех, чей приход неизменно означает смерть. Или четвертого, отставшего, потерявшегося среди незнакомых созвездий, позабытого, так и не отыскавшего дорогу домой. Трескается, раскалываясь, витрина лавки антиквара, и трескаются льды, высвобождая твой корабль из плена. Корабль Тесея. Прежний или утративший свою суть? Сменивший доски, но сменивший паруса ли? Что несут они теперь: победу ли или воды бесстрастного моря?

Ты не пришла, и не нужен никому крошечный город в стеклянном шаре. Он не узнает касания тонких пальцев, никто не встряхнет его и не засыплет бумажным снегом. Я не подарю тебе мир, девица. Мой призрак,

так і не стрэтыя лёгкім дыханнем? Прахалодныя і пяшчотныя, нібы месяцовыя святло над апельсінавым гаем. Ці адплываеш ты ў краі, дзе заўсёды цёпла, і снягоў не бывае, і флёрдаранж падае на аголеныя плечы, якія не спазналі дотыкаў цяжкіх футраў? Або да суровых зім, такіх суровых, што заснежаныя вуліцы патанулага ў белым горада здаюцца табе спякотнымі, але не здольнымі сагрэць. Ці знайшла ты край, дзяўчына Міра? Край зямлі, а за ім нічога няма. Раптам ты ўзіраешся ў пустэчу, стаіш, і асфальт абрываецца перад табой. Што ты бачыш, калі глядзіш у нішто?

Ты не прыйшла, дзяўчына Міра. Ніхто не адчыніў дзверы, не скінуў плашч, надта халодны для зім, не ўсыпаў падлогу кветкамі флёрдаранжу, што таюць з цудоўным водарам. Фатэль пусты, паўзмрок маўклівы. Патупыць свечкі, інстынкты загадваюць пазбягаць цемры, але старажытнае і глыбіннае кажа: цемра мяккая і міласэрная. Ты адчуваеш пліты пад нагамі? Ці чуецца стук абцасікаў зграбных чаравічкаў, калі ты ступаеш па іх? Ступай лёгка, падарожнік, ты топчаш мроі няпчаснага жабрака. Можа, аднаго з трох, чый прыход азначае смерць. Ці чацвёртага, адсталлага, згубленага сярод незнаёмых сузор'яў, забытага, у бессэнсоўных пошуках дарогі дадому. Трэскаецца, расколваючыся, вітрына крамы антыквара, і трэскаюцца льды, вызваляючы твой карабель з палону. Карабель Тэсея. Застаўся ён ранейшым ці страціў сваю сутнасць? Змяніў дошкі, але ці змяніў ветразі? Што нясуць яны цяпер: перамогу або воды бяспаснага мора?

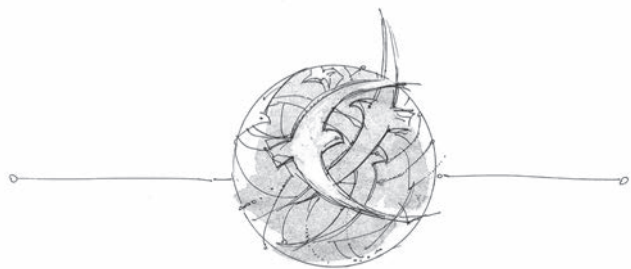
Ты не прыйшла, і не патрэбны нікому маленькі горад у шкляным шары. Ён не зведае дотыку тонкіх пальцаў, ніхто не страсяне яго і не засыпле папяровым

мой сон. Зимний сон, тягучий и долгий. Не подарю клубок шерсти. Кто еще тебя видел, мой прекрасный призрак, моя отчаянная иллюзия? Шаги твои так легки, что не оставляют следов. Мокрых следов на подоконнике у окна, неосторожно и широко распахнутого по весне. Ты уплыла, не попрощавшись, и, стань я ждать тысячи ночей, ты не вернешься. Как не возвращаются те, другие, ушедшие за Дождливим человеком. Мы сможем встретиться там, девица Мира? Там, за светлой непрозрачной стеной, или границей оборванного в никуда асфальта. Кто дал тебе имя, кто направил к моему порогу? Наш шар встряхнули, наш фонарь-апельсин с лепестками флердоранжа вместо снега. Апельсинами пахнет все сильнее. Если мы встретимся, девица Мира, я расскажу об апельсиновых дольках с гвоздями-косточками на моем полу, о белых цветах, что ты так безжалостно стряхивала с ворота плаща. И, может быть, там мы узнаем, что есть наш город.

Никса не разбудят стуком за полночь. Зимой ничего не происходит. То, что случается за окнами, — остается за окнами. Сны в тяжелых складках штор надежно охраняют покой и сон тех, кто внутри. Он придет сам на рассвете, в тяжелых, темных сумерках. Поднимется по трем скользким ступенькам. Толкнет незапертую дверь и войдет. Посмотрит на погасшие свечи, на два кресла напротив друг друга. Преодолеет желание прикоснуться к пустоте над мягкой обивкой. Не полюбопытствует, как удалось лишиться себя жизни романтику, выходящему из дому ближе к закату под свет фонарей-апельсинов собирать в ладони летящие цветы флердоранжа и вдыхать их свежий аромат. Мечтателю, бредущему по мягкому снегу,

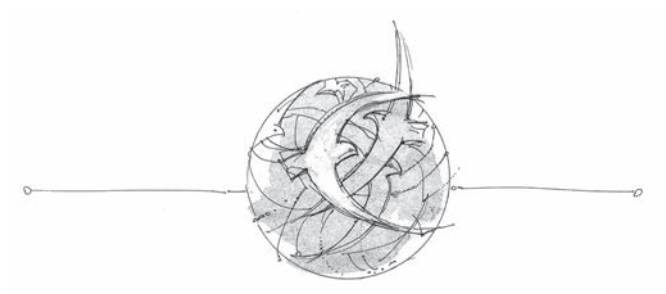
снегам. Я не падару табе свет, дзяўчына. Мой прывід, мой сон. Зімні сон, цягучы і доўгі. Не падару клубок воўны. Хто яшчэ цябе бачыў, мая прыўкрасная здань, мая адчайная ілюзія? Крокі твае такія лёгкія, што не пакідаюць слядоў. Мокрых слядоў на падаконніку каля акна, неасцярожна і шырока расчыненага ўвесну. Ты адплыла, не развітаўшыся, і, колькі б я ні чакаў, хоць тысячу начэй, ты не вернешся. Як не вяртаюцца тыя, іншыя, што сышлі за Дажджлівым чалавекам. Ці зможам мы сустрэцца там, дзяўчына Міра? Там, за светлай непразрыстай сцяной, ці мяжой абарванага ў нікуды асфальта. Хто даў табе імя, хто накіраваў да майго парога? Наш шар скаланулі, наш ліхтар-апельсін з пялёсткамі флёрдаранжу замест снегу. Апельсінамі пахне ўсё мацней. Калі мы сустрэнемся, дзяўчына Міра, я распавяду пра апельсінавыя долькі з цвікамі-костачкамі на маёй падлозе, пра белыя кветкі, што ты так бязлітасна страсала з каўнера плашча. І, магчыма, там мы даведаемся, што ёсць наш горад. Нікса не пабудзяць стукам пасля поўначы. Узімку нічога не адбываецца. Тое, што дзееца за вокнамі, — застаецца за вокнамі. Сны ў глыбокіх складках штор надзейна ахоўваюць спакой і сон тых, хто ўнутры. Ён прыйдзе сам на святанні, у цяжкім, панурым зроку. Узнімецца па трох коўзкіх прыступках. Штурхне незачыненыя дзверы і ўвойдзе. Паглядзіць на пагаслыя свечкі, на два фатэлі насупраць адзін аднаго. Пераадолее жаданне дакрануцца да пустэчы над мяккай абіўкай. Не пацікавіцца, як удалося пазбавіць сябе жыцця рамантыку, што выходзіў з дому бліжэй да захаду ў святле ліхтароў-апельсінаў збіраць у далоні лёгкія кветкі флёрдаранжу і ўдыхаць іх свежы водар. Летупенніку,

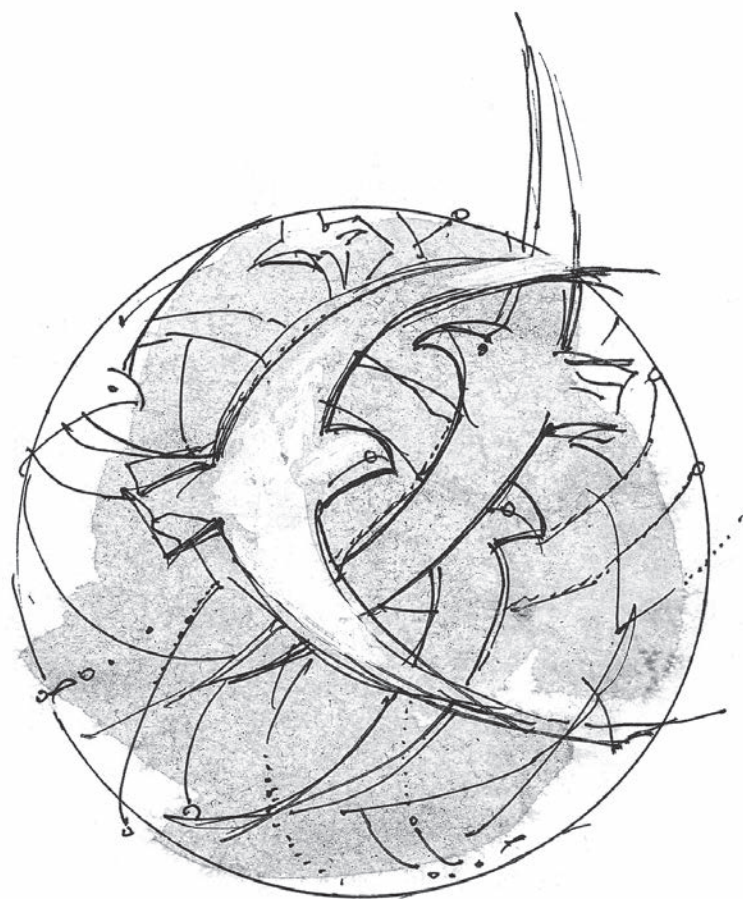
не оставляя следов. Поэту, не написавшему ни одной поэмы, утратившему музу темной грозовой ночью в начале весны и потом снова мглистыми зимними сумерками. Никс уйдет, оставив все как есть: мертвеца и пустоту, тонущих в густой полутьме. Уйдет, вдохнув напоследок еле уловимый тонкий и свежий запах апельсинов.
Зима — ночь, одна долгая ночь.

што крочыць па мяккім снезе, не пакідаючы слядоў. Паэту, які не напісаў
ніводнай паэмы, страціўшы музу цёмнай навальнічнай ноччу ў пачатку вясны
і потым зноў імглістым зімовым прыцемкам. Нікс сыдзе, пакінуўшы ўсё як
ёсць: мерцвяка і пустэчу, якія тонуць у густым паўзмроку. Сыдзе, удыхнуўшы
напаследак ледзь улоўны і свежы пах апельсінаў.

Зіма — ноч, адна доўгая ноч.

Роман Козловский

Родился 24 мая 1997 г. в г. Гродно. В 2019 г. окончил физико-технический факультет Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Работает учителем физики в ГУО «Средняя школа № 32 г. Гродно». Победитель областного конкурса стихов, посвященного 130-летию со дня рождения Янки Купалы и Якуба Коласа (диплом 1-й степени, 2012), литературно-художественного конкурса «Лишь слову жизнь дана...» (диплом 2-й степени, 2014; диплом 1-й степени, 2015) и др. Произведения публиковались на сайте Гродненского областного отделения Союза писателей Беларуси.

Раман Казлоўскі

Нарадзіўся 24 мая 1997 г. у г. Гродна. У 2019 г. скончыў фізіка-тэхнічны факультэт Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Працуе настаўнікам фізікі ў ДУА «Сярэдняя школа № 32 г. Гродна». Пераможца абласнога конкурсу вершаў, прысвечанага 130-годдзю з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа (дыплом 1-й ступені, 2012), літаратурна-мастацкага конкурсу «Лишь слову жизнь дана...» (дыплом 2-й ступені, 2014; дыплом 1-й ступені, 2015) і інш. Творы публікаваліся на сайце Гродзенскага абласнога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі.

ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ: РЕФЛЕКСИЯ ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ВАСИЛЯ БЫКОВА

Эссе

В детстве все мальчики играют в войну. И неважно, это обычные пластмассовые солдатики или компьютерная игра очень реалистичного плана последнего поколения. Взрывы, выстрелы, раненые, убитые, кровь... Сильный звериный инстинкт принуждает драться до последнего солдата, адреналин застилает глаза — сражаешься насмерть... Покидая поле битвы, не задумываешься: «А что, если бы это была реальная жизнь и события происходили на самом деле...» Обуревают лишь радость победы и разочарование от поражения.

Стыдно признаться, но долгое время я и не задумывался, что стоит за такими солдатами. Первое серьезное сомнение зародилось еще в школе, на уроках белорусской литературы, когда читали «Васильки» Михася Лынькова, «Сладкие яблоки» Вячеслава Адамчика, «Реквием по каждому четвертому» Анатолия Вертинского и многих других авторов. Но самым настоящим открытием стал Василь Быков. «Незаживающая рана», «Альпийская баллада», «Сотников», «Журавлиный крик» надолго запали в память, перевернули мир — показали, что за каждым «солдатиком» стоит конкретная личность, характер, жизнь.

В школьные годы, в далеком девятом классе, в ноябре месяце, мне предложили принять участие в «Вахте памяти», стать часовым Почетного

ЗАСТАЦЦА ЧАЛАВЕКАМ: РЭФЛЕКСІЯ ПАСЛЯ ПРАЧЫТАННЯ ВАСІЛЯ БЫКАВА

Эсэ

У дзяцінстве ўсе хлопчыкі гуляюць у вайну. І няважна, гэта звычайныя пластмасавыя салдацікі ці камп'ютарная гульня вельмі рэалістычнага плана апошняга пакалення. Выбухі, стрэлы, параненыя, забітыя, кроў... Моцны звярыны інстынкт прымушае біцца да апошняга салдата, адрэналін засцілае вочы — змагаешся насмерць... Адыходзячы з поля бітвы, не задумваешся: «А што, калі б гэта было рэальным жыццём і падзеі адбываліся насамрэч...» Апаноўваюць толькі радасць ад перамогі або расчараванне ад паражэння. Сорамна прызнацца, але доўгі час і я не задумваўся, што стаіць за такімі салдацікамі. Першае сур'ёзнае сумненне было закінута яшчэ ў школе на ўроках беларускай літаратуры, калі чыталі «Васількі» Міхася Лынькова, «Салодкія яблыкі» Вячаслава Адамчыка, «Рэквіем па кожным чацвёртым» Анатоля Вярцінскага і многіх іншых аўтараў. Але сапраўдным адкрыццём стаў Васіль Быкаў. «Незагойная рана», «Альпійская балада», «Сотнікаў», «Жураўліны крык» надоўга запалі ў памяць, перавярнулі свет — паказалі, што за кожным «салдацікам» стаіць канкрэтная асоба, характар, жыццё...

У школьныя гады, у далёкім дзявятым класе, у лістападзе месяцы, мне прапанавалі прыняць удзел у «Вахце памяці», стаць каравульным Ганаровай

караула Поста № 1 г. Гродно около могилы воинов-освободителей в центральном парке. Честно говоря, я не сразу согласился, но желание походить в настоящей военной форме и, более того, познакомиться с разными видами оружия взяло верх. Я согласился и не один раз уже сказал спасибо судьбе за то, что дала такой шанс попробовать себя в роли военного.

Все оказалось гораздо интереснее, чем можно себе представить. Это была самая настоящая школа подготовки караульных: сначала нас научили маршировать, принимать пост и сдавать его другим часовым. А потом мы торжественно давали присягу. И только тогда, после всех этих испытаний, нам разрешили наконец заступить на пост около памятника воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. К слову, девчата и парни очень ответственно подходили к поставленной задаче, каждый шаг выполнялся серьезно и осознанно. Даже появилось ощущение, что все мы вместе как-то подросли и повзрослели. Каждый раз пятнадцать минут молчания на вахте побуждали задуматься о том, что мы несем ответственность за этот светлый день, а своей жизнью обязаны тем людям, что лежат вот здесь, в этой братской могиле. А желто-красное пламя Вечного огня символизировало жизнь, за которую пришлось бороться. К моему удивлению, несмотря на морозную погоду, к огню часто подходили люди разных возрастов, всматривались в пятиконечную звезду: одни просто молча стояли, иные тихонько шептали что-то. Но один случай запомнился мне особенно.

Был морозный январский день. К Вечному огню подошел мужчина с мальчиком лет десяти. Высокий, статный, интеллигентного вида, он

варты Паста №1 г. Гродна ля магілы воінаў-вызвалальнікаў у цэнтральным парку. Шчыра сказаць, я не адразу пагадзіўся, але жаданне пахадзіць у сапраўднай вайсковай форме і, больш за тое, пазнаёміцца з рознымі відамі зброі ўзяло верх. Я згадзіўся і не адзін раз ужо сказаў дзякуй лёсу за тое, што даў такі шанец паспрабаваць сябе ў ролі вайскоўца.

Усё аказалася значна цікавей, чым можна сабе ўявіць. Гэта была самая сапраўдная школа падрыхтоўкі каракульных: спачатку нас навучылі маршыраваць, прымаць пост і здаваць яго іншым каракульным. А потым мы ўрачыста давалі прысягу. І толькі тады, пасля ўсіх гэтых іспытаў, нам дазволілі нарэшце заступіць на пост каля помніка воінам, загінулым у часы Вялікай Айчыннай вайны. Дарэчы, дзяўчаты і хлопцы вельмі адказна падыходзілі да пастаўленай задачы, кожны крок выконваўся сур'ёзна і ўсвядомлена. Нават з'явілася адчуванне, што ўсе мы разам неяк падраслі і пасталелі. Кожны раз пятнаццаць хвілін маўчання на вахце прымушалі задумацца пра тое, што мы нясём адказнасць за гэты светлы дзень, а сваім жыццём абавязаны тым людзям, што ляжаць вось тут, у гэтай брацкай магіле. А жоўта-чырвонае полымя Вечнага агню сімвалізавала жыццё, за якое прыйшлося змагацца. На маё здзіўленне, нягледзячы на марознае надвор'е, да агню часта падыходзілі людзі розных узростаў, углядаліся ў пяціканцовую зорку: нехта проста моўчкі стаяў, хтосьці ціхенька шаптаў сабе нешта. Аднак адзін выпадак мне запомніўся асабліва.

Быў марозны студзенскі дзень. Да Вечнага агню падышоў мужчына з хлопчыкам гадоў дзесяці. Высокі, статны, інтэлігентнага выгляду, ён быў

был облачен в военную форму, которая ему очень шла. А сын стоял с игрушкой, детским автоматом Калашникова, и внимал рассказу отца. Мне стало интересно наблюдать за такими хорошими отношениями между папой и сыном, и я стал прислушиваться к их разговору. Оказалось, отец объяснял, что памятник стоит в центре парка как напоминание, чтобы никто не позабыл свою историю; рассказывал о конкретных героях, перечислял подвиги. Затем военный начал приводить примеры из своей службы говорил много и эмоционально. Сложилось впечатление, что отец долго ждал этого момента, чтобы выговориться. После паузы он многозначительно добавил: «Главное, сынок, — в любой жизненной ситуации остаться человеком...»

Слова «остаться человеком» молниеносно перенесли меня в другой день — накануне 9 мая, когда мы с бабушкой рассматривали ее семейный альбом. Толстый, в бархатном червленом переплете, с пожелтевшими страницами, альбом старательно хранил отражения жизней моих предков. Бабушка тем вечером полностью погрузилась в воспоминания и подробно рассказывала о каждой снимке. И именно здесь я в полной мере ощутил связь поколений, когда незнакомые лица становились родными и близкими, а судьбы этих людей так волновали душу и сердце. Впечатляло все: одежда XIX века, извилистость жизненных путей, лица, которые, несмотря на обстоятельства и трудности, излучали любовь к семье. Фотографии, словно листки календаря, неумолимо свидетельствовали о главных жизненных моментах: рождении и смерти, радости и горе... Я с интересом всматривался в каждую из них. Вот мой дедушка Шумский Леонид

апануты ў вайсковую форму, якая ідэальна пасавала яму. А сын стаяў з цацкаю, дзіцячым аўтаматам Калашнікава, і ўважліва слухаў аповед бацькі. Мне стала цікава назіраць за такімі добрымі адносінамі паміж татам і сынам, і я стаў прыслухоўвацца да іх гаворкі. Аказалася, бацька тлумачыў, што помнік стаіць у цэнтры парка як напамін, каб ніхто і ніколі не забыўся сваю гісторыю; апавядаў пра канкрэтных герояў, пералічваў подзвігі. Пасля вайсковец пачаў прыводзіць прыклады са сваёй службы, гаварыў шмат і эмацыянальна. Склалася ўражанне, што бацька доўга чакаў гэтага моманту, каб выгаварыцца. Пасля паўзы ён шматзначна дадаў: «Галоўнае, сыноч — у любой жыццёвай сітуацыі застацца чалавекам...»

Словы «застацца чалавекам» маланкава перанеслі мяне ў іншы дзень — напярэдадні 9 Мая, калі мы з бабуляй разглядалі яе сямейны альбом. Тоўсты, у аксамітнай барвовай вокладцы і з моцна пажаўцелымі старонкамі, альбом старанна захоўваў адбіткі жыцця маіх продкаў. Бабуля ў той вечар цалкам аддалася ўспамінам і падрабязна расказвала пра кожны фотаздымак. І менавіта тут у мяне з'явілася моцнае адчуванне яднання пакаленняў, калі незнаёмыя твары станавіліся роднымі і блізкімі, а лёсы гэтых людзей так хвалявалі душу і сэрца. Уражвала ўсё: і вопратка XIX стагоддзя, і пакручастасць жыццёвых шляхоў, і твары, якія, нягледзячы на абставіны і цяжкасці, выпраменьвалі любоў да сям'і. Фотаздымкі, як каляндарныя лісткі, няўмольна сведчылі пра галоўныя моманты жыцця: нараджэнне і смерць, радасць і гора... Я з цікавасцю ўглядаўся ў кожны з іх. Вось мой прадзядуля Шумскі Леанід Іосіфавіч — зусім

Иосифович — совсем маленьких двухлетний светлоголовый мальчик рядом с мамой и папой, на другом фото он идет в армию (призыв 1927 года), на следующем — женится. Далее — мой прадедущка с сыновьями Борисом и Георгием (братьями бабушки Тамары). Еще страница — и похороны... совсем юных, еще детей, сыновей.

В ту ночь я так и не смог уснуть: настенные часы громко отмеряли каждую секунду. Кровь гулко стучала в висках, ныла голова, а недавно услышанные слова бабушки: «Главное, внучек, остаться человеком...» — прокручивались в мыслях снова и снова.

Это случилось 7 марта 1944 года. Постепенно приближалась Победа, и каждый пережитый день уже сам по себе являлся победой. Семья Шумских до этого момента считала себя счастливой, как бы жестко это ни звучало во время войны, когда вокруг разрушения, голод и смерть. Татьяна и Леонид каждый день благодарили Бога за жизнь, за то, что все вместе — они, родители, и двое ребят (восьми и двенадцати лет). Леонид работал на железной дороге. Таня занималась домашним хозяйством, и дети даже начали ходить в школу в Боровцах. Младший, Георгий любил учиться, хоть и не был отличником, а после школы бежал к отцу — помогать рабочим-путейцам.

Тот день выдался удивительно теплым. Минула лишь первая неделя весны, и зима не спешила еще уходить. Однако тёплые солнечные лучики старались растопить высокие снежные сугробы. Небо заметно посветлело, добродушно улыбаясь новому дню. Все вокруг просыпалось от звонкого

маленькі двухгадовы светлагаловы хлопчык побач з мамай і татам, на другой фатаграфіі ён ідзе ў армію (прызыў 1927 года), на наступнай — жэніцца. Далей — мой прадзядуля з сынамі Барысам і Георгіем (братамі бабулі Тамары). Яшчэ старонка — і пахаванні... зусім юных, яшчэ дзяцей, сыноў... У тую ноч я так і не змог заснуць: насценны гадзіннік гучна адмерваў кожную секунду. Кроў гулка стукала ў скронях, ныла галава, а нядаўна пачутыя словы бабулі: «Галоўнае, унучак, застацца чалавекам...» — пракручваліся ў думках зноў і зноў.

Гэта адбылося 7 сакавіка 1944 года. Паступова набліжалася Перамога, і кожны перажыты дзень ужо сам па сабе з'яўляўся перамогай. Сям'я Шумскіх да гэтага моманту лічыла сябе пгчаслівай, як бы жорстка гэта ні гучала ў час вайны, калі вакол разбурэнні, голад і смерць. Таццяна і Леанід кожны дзень дзякавалі Богу за жыццё, за тое, што ўсе разам — яны, бацькі, і двое хлопцаў (васьмі і дванаццаці гадоў). Леанід працаваў на чыгунцы, Таня займалася хатняй гаспадаркай, і дзеці нават пачалі хадзіць у школу ў Бараўцах. Малодшы, Георгій, любіў вучыцца, хоць і не быў выдатнікам, а пасля школы бег да бацькі — дапамагаць рабочым-пуцейцам.

Той дзень выдаўся надзвычай цёплым. Прайшоў толькі першы тыдзень вясны, і зіма не спяпалася яшчэ адыходзіць. Аднак цёплыя сонечныя праменьчыкі стараліся растапіць высокія снегавыя гурбы. Неба прыкметна пасвятлела, лагодна ўсміхаючыся новаму дню. Прыемны птушыны спеў будзіў наваколле.

птичьего пения. Последние три дня не слышать было ни выстрелов, ни взрывов, и люди с недоверием относились к этой продолжительной тишине.

Леня работал уже вторую смену подряд — сначала свою, потом — за напарника, который накануне попросил подменить. Вышел на вокзал, осмотрелся и поднял уставшие за бессонную ночь глаза к приветливому солнышку. Губы, как молитву, шептали вопросы, что давно стали чем-то вроде заклинания: «Господи! Ну когда же это закончится?.. Когда уже не будет войны?..» Хотя было тихо, а сейчас еще и двухчасовой перерыв давал возможность немного отдохнуть, мозг не успокаивался. Немецкие поезда регулярно проходили через станцию, постоянно напоминая об оккупационном режиме. А тело мечтало об отдыхе, ныло от хронической усталости. Душу грела лишь надежда: «Вот еще несколько часов работы, сын придет со школы — и вместе домой. Так и еще один день переживем...» Второклассник Георгий привычным шагом направлялся к отцу по железнодорожному полотну. В руках у мальчика был воздушный змей, который сегодня мастерили всем классом. Учитель сказал, что он приносит удачу, прогоняет ненастья и охраняет своего хозяина, поэтому готовый воздушный чудо-охранник достался самому младшему в классе. Ребенок просто светился от счастья... С ним переливчатым щебетанием говорили птицы, играло в прятки весеннее солнце, а ветерок-задира препирался с самим змеем-оберегом, который, словно птица, рассекал воздушное пространство... Музыка жизни фантастическими фанфарами уверенно заявляла о себе вокруг... И вдруг... оглушительная тишина... Почему?

Апошнія тры дні не чуваць было ні стрэлаў, ні выбухаў, і людзі з недаверам ставіліся да гэтай працяглай цішыні.

Лёня працаваў ужо другую змену запар — спярша сваю, потым — за напарніка, які напярэдадні папрасіў падмяніць. Выйшаў на вакзал, агледзеўся і падняў стомленыя за бяссонную ноч вочы да ветлівага сонца. Вусны, як малітву, шапталі пытанні, што даўно сталі чымсьці накіштам замовы: «Божухна!.. Ну калі ж гэта скончыцца?.. Калі ж ужо не будзе вайны?..» Хоць было ціха, а зараз яшчэ і двухгадзінны перапынак даваў магчымасць трохі адпачыць, мозг не супакойваўся. Нямецкія цягнікі рэгулярна праходзілі праз станцыю, пастаянна нагадваючы пра акупацыйны рэжым. А цэла марыла пра адпачынак, ныла ад хранічнай стомленасці. Душу грэла толькі спадзяванне: «Вось яшчэ некалькі гадзін працы, сын прыйдзе са школы — і разам дамоў. Так і яшчэ адзін дзень перажывём...»

Другакласнік Георгій звыклым поступам ішоў да бацькі па чыгуначным палатне. У руках хлопчыка быў паветраны змей, які сёння майстравалі ўсім класам. Настаўнік сказаў, што ён прыносіць удачу, разганяе непагадзь і ахоўвае свайго гаспадара, таму гатовы паветраны цуд-ахоўнік дастаўся самаму малодшаму з класа. Дзіця проста свяцілася ад шчасця... З ім пералівістым шчабятаннем гаварылі птушкі, гуляла ў хованкі веснавое сонца, а задзірысты ветрык спрачаўся з самім змеем-абярэгам, які, нібы птушка, рассякаў паветраныя прасторы. Музыка жыцця фантастычнымі фанфарамі ўпэўнена сцвярджала сябе ў наваколлі... І раптам... аглушальная цішыня... Чаму?..

Безмолвие нарушили длинный гудок паровоза и крик Павла, одного из рабочих-путейцев.

— Леня! Ле-е-еня-я-я!.. Скорее... беги... Там... там твой сын!..

Люди гурьбой кинулись к поезду, крича что-то невразумительное, женщины голосили. Отцовское сердце судорожно молилось: «Только не это!.. Только не сын!..»

— Сынок! Сыночек... Маленький мой... — тихо шептал отец над телом ребенка.

Крепкий мужчина склонился над мальчиком. Глаза отказывались верить увиденному, руки почему-то чужими, непослушными пальцами касались родного личика, пересохшие губы старались уловить дыхание... А его не было... По пропитанным машинным маслом досках и гравийке стремительно растекалась кровь... Из паровоза выскочил испуганный немец. Бледный, растерянный, он стоял на коленях перед осунувшимся Леонидом, со слезами на глазах, крестясь и путаясь в словах, старался сказать, что не виноват. Из нагрудного кармана куртки достал какие-то желтые листки и дрожащими руками протягивал их Леониду, повторяя: «Я сигналил... Я сигналил... Он не слышал... Не слышал... не слышал... не слышал...»

На следующий день, в среду под вечер, это немец подошел к калитке семьи Шумских. На глазах его были слезы, в руках — все те же желтые бумажки, — фотографии детей в Германии. Еле передвигая ноги, он зашел во двор, тяжело опустился на колени. Леонид тесал гроб для своего ангелочка (так часто называл Георгия отец, желая спокойной ночи). Они

Цішыню парушылі працяглы гудок паравоза і крык Паўла, аднаго з рабочых-пуцейцаў.

— Лёня! Лё-ё-ёня-я-я!.. Хутчэй... бяжы... Там... там твой сын!..

Людзі натоўпам кінуліся да цягніка, крычучы нешта незразумелае, жанчыны лямантавалі. А бацькоўскае сэрца сутаргава малілася: «Толькі не гэта!.. Толькі не сын!..»

— Сыноч! Сы-но-чак... Маленечкі мой... — ціха шаптаў бацька над цэлам дзіцяці.

Мажная постаць мужчыны схілілася над хлопчыкам. Вочы адмаўляліся верыць убачанаму, рукі чамусьці чужымі, непаслухмянымі пальцамі дакраналіся да роднага тварыка, перасохлыя вусны стараліся адчуць дыханне... А яго не было... Па прасякнутых машынным маслам дошках і гравійцы імкліва расцякалася кроў... З паравоза выскачыў спалоханы немец. Бледны, разгублены, ён стаяў на каленях перад змарнелым Леанідам, са слязьмі на вачах, жагнаючыся і блытаючыся ў словах, стараўся сказаць, што не вінаваты. З нагруднай кішэні курткі дастаў нейкія жоўтыя лісточкі і дрыготкімі рукамі працягваў іх Леаніду, паўтараючы: «Я сігналіў... Я сігналіў... Ён не чуў... не чуў... не чуў...»

На наступны дзень, у сераду пад вечар, гэты немец падышоў да веснічак сям'і Шумскіх. На вачах яго былі слёзы, у руках — усё тыя ж жоўтыя паперкі — фотаздымкі ўласных дзяцей у Нямеччыне. Ледзь перастаўляючы ногі, ён зайшоў у двор, цяжка апусціўся на калені. Леанід часаў дамавіну для свайго анёлачка (так часта называў Георгія бацька, жадаючы дабранацы). Яны моўчкі

молча смотрели друг на друга: выцветшие глаза тридцатилетнего убитого горем отца и готовые принять возмездие покрасневшие от слез глаза Ганса. Первым прервал молчание немец. Он многократно просил прощения, повторял, что «гудел», но мальчик не слышал. Из глаз его текли слезы. Потом Ганс поцеловал пожелтевшие снимки своих двоих детей и покорно опустил руки и голову в ожидании приговора. Ненависть к оккупантам, к войне, отчаяние от гибели своего ребенка непроизвольно подтолкнули Леню к действию... Все так же молча он тяжелой поступью направился в дом, а через минуту вышел с револьвером. Каждый из мужчин был поглощен своими мыслями: Немец перекрестился, по-прежнему стоя на коленях, беззвучно шепча себе что-то под нос, а Леонид твердой рукой приставил оружие к голове Ганса. Как в тумане, увидел своего мальчика... Он улыбался отцу, показывал змея-защитника, который почему-то лежал на посеревшем снегу... По-детски лепеча, беспрестанно что-то говорил, но, как Леня ни напрягался, ничего не мог разобрать... По щекам полились горячие слезы. Они обожгли лицо, но еще сильнее обжигали душу. Жена Таня со старшим сыном через окно видели эту сцену и то, как мужчина опустил револьвер и брезгливо отвернулся от немца, глухо бросив: «Иди отсюда... от греха...» Вошел в дом и долго-долго целовал своего малыша, осознав, что навсегда с ним прощается... Никто больше не видел этого немца. Леонид потом год воевал против фашистской Германии, совершил много героических поступков, дошел до Берлина (все награды и сейчас хранятся в местном музее). Потом война закончилась, и люди учились жить без взрывов, бомбежек. В январе

1946 года родилась в семье девочка Тамара. А через полтора года, 3 октября 1947 года, идя со школы, под колесами грузовика трагически погиб старший сын Борис. И снова револьвер оказался в руках Леонида. На этот раз безутешный отец приставил его к виску: тогда на мгновение показалось, что жизнь не имеет смысла. И только маленькая дочурка, случайно зашедшая в комнату, стала спасением от необдуманного поступка... Это была моя бабушка Тамара...

Вспоминается около обелиска:

— Стой! Раз-два! Кругом!

— Ритуальным шагом марш!

Эти команды вывели меня из оцепенения. Доведенным до автоматизма шагом я дошел до разводящего. Оттуда я оглянулся: военный с сыном неторопливо пошли в парк, сын держал отца за руку и по-детски счастливо смеялся. На мгновение мне почудилось, что это Леонид с Георгием, а может, такие же, как они. Сколько людей погибло!.. В народе говорят: время лечит. А нет!.. Не лечит... Можно лишь научиться с этой болью жить... сосуществовать... Но не вылечиться!.. Сколько лет прошло после войны, а боль не проходит...

Я не знал своего прадедушку, он умер в 1991 году в возрасте 83 лет, на 19 лет пережив жену. Вырастил двоих дочерей (вторая, Екатерина, родилась в 1948 году), нянчил четырех внуков (три девочки и один мальчик). Мама рассказывала, что, пока не родился мальчик (а он был самым младшим), не считал себя настоящим дедом. Бабушка, выйдя

глядзелі адзін на аднаго: выцвілыя вочы трыццаціпасцігадовага спакутаванага бацькі і гатовыя прыняць пакаранне пачырванелыя ад слёз шэрыя вочы Ганса. Першым парушыў цішыню немец. Ён шматкроць прасіў прабачэння, паўтараў, што «гудзеў», але хлопчык не чуў. Слёзы цяклі з яго вачэй. Пасля Ганс пацалаваў пажаўцелыя фотаздымкі сваіх дваіх дзяцей і скорана апусціў рукі і галаву, чакаючы прысуду. Нянавісць да акупантаў, да вайны, адчай ад пагібелі свайго дзіцяці мижвольна падштурхнулі да Лёню ўчынку... Усё так жа моўчкі ён цяжкім крокам накіраваўся ў хату, а праз хвіліну выйшаў з рэвальверам. Кожны з мужчын быў у сваіх думках: Немец перахрысціўся, па-ранейшаму стоячы на каленях, бязгучна шэпчучы сабе нешта пад нос, а Леанід цвёрдай рукою прыставіў зброю да галавы Ганса. Як у тумане, убачыў свайго хлопчыка... Ён усміхаўся бацьку, паказваў змея-абаронцу, які чамусьці ляжаў на пашарэлым снезе... Па-дзіцячы лапочучы, няспынна нешта гаварыў, але, як Лёня ні напружваўся, нічога не мог разабраць... Па шчоках паліліся гарачыя слёзы. Яны апяклі твар, але яшчэ больш апякалі душу. Жонка Таня са старэйшым сынам праз акно бачылі гэтую сцэну і тое, як мужчына апусціў рэвальвер і грэбліва адварнуўся ад немца, глуха кінуўшы: «Ідзі адсюль... ад граху...» Увайшоў у хату і доўга-доўга цалаваў сваё дзіцятка, нарэшце ўсвядоміўшы, што назаўсёды з ім развітваецца... Ніхто больш не бачыў таго немца. Леанід пасля год ваяваў супраць фашысцкай Германіі, здзейсніў шмат геройскіх учынкаў, дайшоў да Берліна (усё ўзнагароды і зараз захоўваюцца ў мясцовым музеі). Пасля вайны скончылася,

замуж, не сменила свою фамилию, зная, как об этом мечтал прадед (сыновьям не довелось продолжить род). Он много лет хранил тот самый револьвер... Символ мужества или слабости?.. Где граница между этими понятиями? Между подвигом и предательством, жестокостью и добротой, осуждением и милосердием, самоотверженностью и неразумностью?.. Какой универсальный критерий здесь можно применить, чтобы отличить одно от другого?

Так и писатель Василь Быков являлся непосредственно участником и очевидцем этой войны. И его герои в жестких условиях военного времени попадают в такие ситуации, когда необходимо проявить мужество, непокорность. Для них понятия человеческой честности, справедливости, ответственности перед людьми важнее жизни. Обычным рядовым, которые ценой своих жизней, собственной кровью приближали Победу, противопоставляются различные приспособленцы и трусы. Быков изобличает психологию изменничества таких, как Овсеев и Пшеничный из «Журавлиного крика», Рыбак из «Сотникова» и другие. Всех их автор судит бескомпромиссно и безжалостно. И подчеркивает, как важно остаться человеком в бесчеловечных условиях, как Сотников, который приходит к выводу, что «смерть ничего не решает и ничего не объясняет. Только жизнь дает людям определенные возможности, которые ими осуществляются или пропадают напрасно; только жизнь может противостоять злу и несправедливости. Смерть — ничто». Василь Быков каждого из героев возводил на голгофу, с высоты которой человек понимал, что только от него зависит, как он использует возможности, предоставляемые жизнью.

і людзі вучыліся жыць без выбухаў, бамбёжкі. У студзені 1946 года нарадзілася ў сям’і дзяўчынка Тамара. А праз паўтара года, 3 кастрычніка 1947 года, ідучы са школы, пад коламі грузавіка трагічна загінуў старэйшы сын Барыс. І зноў рэвальвер аказаўся ў руках Леаніда. Гэтым разам няўцешны бацька прыставіў яго да скроні: тады на імгненне падалося, што жыццё не мае сэнсу. І толькі маленькая дачушка, якая выпадкова зайшла ў пакой, стала выратаваннем ад неабдуманых ўчынку... Гэта была мая бабуля Тамара...

Успамінаецца каля абеліска:

— Стой! Раз-два! Кругом!

— Рытуальным крокам марш!

Гэтыя каманды вывелі мяне з анямення. Даведзеным да аўтаматызму крокам я дайшоў да развадзяшчага. Адтуль азірнуўся: вайсковец з сынамі нетаропка пайшлі ў парк, сын трымаў бацьку за руку і па-дзіцячы шчасліва смяяўся. На імгненне мне падалося, што гэта Леанід з Георгіем, а можа, такія ж, як яны. Колькі людзей загінула!.. У народзе кажуць: час лечыць. А не!.. Не лечыць... Можна толькі навучыцца з гэтым болей жыць... суіснаваць... Але не вылечыцца!.. Колькі гадоў прайшло пасля вайны, а боль не праходзіць...

Я не ведаў свайго прадзядулю, ён памёр ў 1991 годзе ва ўзросце 83 гадоў, на 19 гадоў перажыўшы жонку. Выгадаваў дзвюх дачок (другая, Кацярына, нарадзілася ў 1948 годзе), няньчыў чатырох унукаў (тры дзяўчынкі і адзін хлопчык). Мама расказвала, што, пакуль не нарадзіўся хлопчык (а ён быў

У каждого своя голгофа. И мой прадед прошел ее. У меня нет морального права оценивать его выбор, но я четко понял следующее: главное в жизни при любых обстоятельствах — остаться человеком, это значит в первую очередь не изменить себе, своей совести и своим идеалам. Мои собственные выводы легли на бумагу поэтическими строками:

Дай бог не знать вовек нам этой боли,
Что пережил измученный народ,
Когда в венце терновом шел он к воле,
Сражаясь за Отчизну и за род.

Не выбирать меж будущим и смертью,
Не замечать, что впереди — беда,
А журавлиной песни звон, поверьте, —
Счастливый знак на долгие года.

Нам дай терпенье, мужества и силы,
Чтоб пережили этот черный век,
Чтобы на крыльях веры воспарили,
Не посрамив прозванья — ЧЕЛОВЕК.

самым малодшым), не лічыў сябе сапраўдным дзедам. Бабуля, выйшаўшы замуж, не змяніла сваё прозвішча, ведаючы, як пра гэта марыў прадзед (сынам не давялося працягнуць род). Ён доўгія гады захоўваў той самы рэвальвер... Сімвал мужнасці ці слабасці?.. Дзе мяжа паміж гэтымі паняццямі? Паміж подзвігам і здрадай, жорсткасцю і дабрынёй, асуджэннем і міласэрнасцю, самаахвярнасцю і бязглуздасцю?.. Які ўніверсальны крытэрыі тут можна ўжыць, каб адрозніць адно ад другога?

Так і пісьменнік Васіль Быкаў з'яўляўся непасрэдна ўдзельнікам і сведкам гэтай вайны. І яго героі ў жорсткіх умовах ваявання часу трапляюць у такія сітуацыі, калі неабходна праявіць мужнасць, непакорнасць. Для іх паняцці чалавечай сумленнасці, справядлівасці, адказнасці перад людзьмі вышэй за жыццё. І тым не менш не ўсе з гонарам праходзяць выпрабаванні. Звычайным радавым, якія цаной сваіх жыццяў, уласнай крывёй набліжалі Перамогу, супрацьпастаўляюцца розныя прыстасаванцы і палахліўцы. Быкаў выкрывае псіхалогію здрадніцтва такіх, як Аўсееў і Пшанічны з «Жураўлінага крыку», Рыбак з «Сотнікава» і іншыя. Усіх іх аўтар судзіць бескампрамісна і бязлітасна. І падкрэслівае, як важна застацца чалавекам у бесчалавечных абставінах, як Сотнікаў, які прыходзіць да высновы, што «смерць нічога не вырашае і нічога не растлумачвае. Толькі жыццё дае людзям пэўныя магчымасці, якія здзяйсняюцца імі або прападаюць марна; толькі жыццё можа процістаяць злу і несправядлівасці. Смерць — нішто». Васіль Быкаў кожнага з герояў узводзіў на галгофу, з вышыні якой чалавек разумеў, што толькі ад яго залежыць, як ён скарыстае магчымасці, што даюцца жыццём.

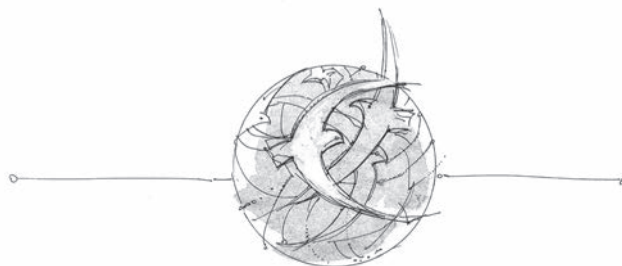

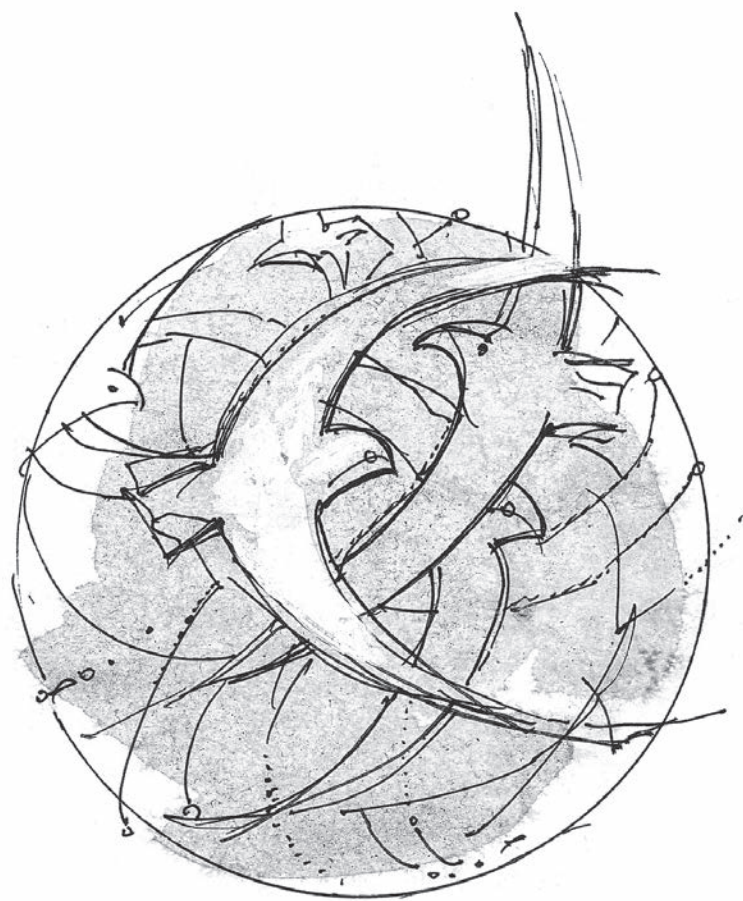
У кожнага свая галгофа. І мой прадзед прайшоў яе. Я не маю маральнага права даваць ацэнку яго выбару, але для мяне стала дакладна зразумелым наступнае: галоўнае ў жыцці пры любых абставінах — застацца чалавекам, гэта значыць у першую чаргу не здрадзіць сабе, свайму сумленню і сваім ідэалам. Мае ўласныя высновы ляглі на паперу паэтычнымі радкамі:

Дай бог не ведаць больш ніколі
Пакутаў тых, што перажыў народ,
Калі з вянком цярновым ішоў да волі,
Змагаўся за Радзіму і свой род.

Не выбіраць паміж жыццём і смерцю,
Не бачыць знакі хуткае бяды,
А жураўлёў пачуць, то гэта ж, верце,
Прыкмета шчасця доўгія гады.

Дай нам цярпення, мужнасці і сілы
Падняцца над праклятым чорным векам,
Каб надалей расправіць веры крылы...
Дай бог застацца ЧАЛАВЕКАМ...

Юлия Макаревич

Родилась 13 июля 1999 г. в г. Минске. Окончила Лингвогуманитарный колледж МГЛУ. Студентка Минского государственного лингвистического университета. Работала учителем английского языка в школе. Живет в Минске.

Юлія Макарэвіч

Нарадзілася 13 ліпеня 1999 г. у г. Мінску. Скончыла Лінгвагуманітарны каледж МДЛУ. Студэнтка Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Працавала настаўнікам англійскай мовы ў школе. Жыве ў Мінску.

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

В ночь, когда костры освещают землю, словно новое солнце, происходят самые неожиданные события. Звезды на небе становятся бледнее любого земного огонька, и все превращается в цветастый ковер, сотканный из песен и слов.

К этой ночи Веста готовилась загодя: она не только разложила на пороге своего домика крапиву, но и вшила во внутренний карман платья плакун-траву (на случай, если нечисть решит устроить проказу). Накануне она сплела венок, который по праву мог быть назван самым красивым в округе, да иначе и быть не могло, ведь предназначался он самому завидному жениху. Веста долго собирала травы для этого венка: нашла и папоротник, и базилик, даже смогла добыть дикую розу.

Дня Ивана Купалы ждала вся деревня. Молодые люди натаскали хвороста к берегу реки да собрали с каждого двора ненужную деревянную утварь, дабы развести самый большой костер из всех, когда-либо существовавших. И правда, Веста никогда раньше не видела, чтобы пламя вздымалось так высоко. Весь берег утопал в оранжевых отблесках и белых пятнах, кружащихся в хороводе, который потянул ее за собой. Постепенно наступило время прыгать через жарник, и Веста почувствовала теплое прикосновение к своей руке — то был Микола, ее суженый. Огонь, казалось, пылал до неба, а то и был самым небосводом, и это заставило Весту почувствовать легкую дрожь во всем теле и отступить назад. Микола нежно ей улыбнулся, сжал тонкую кисть покрепче, и Весте на секунду стало

ЗАПАВЕТНАЕ ЖАДАННЕ

У ноч, калі вогнішчы асвятляюць зямлю, нібыта новае сонца, адбываюцца самыя нечаканыя здарэнні. Зоркі ў небе робяцца бляднейшыя за любы зямны агеньчык, і ўсё ператвараецца ў квяцісты дыван, сатканы з песень і слоў.

Да гэтай ночы Веста рыхтавалася загадзя: яна не толькі расклала на парогу сваёй хаткі крапіву, але і ўшыла ва ўнутраную кішэню плакун-траву (на той выпадак, калі нечысьць вырашыць учыніць штучку). Напярэдадні яна спляла вянок, які па праве мог быць названы самым прыгожым у акрузе, ды іначай і быць не магло, ён жа прызначаўся самаму зайдроснаму жаніху. Веста доўга збірала травы для гэтага вянка: знайшла і папараць, і базілік, нават здабыла дзікую ружу.

Дня Івана Купалы чакала ўся вёска. Маладыя людзі нацягалі галля да берага ракі ды сабралі з кожнага двара непатрэбнае драўлянае начынне, каб распаліць самае вялікае вогнішча з усіх, што калі-небудзь існавалі. Сапраўды, Веста ніколі раней не бачыла, каб полымя ўзнімалася так высока. Увесь бераг патанаў у аранжавых водблісках і белых плямах, якія кружыліся ў карагодзе, што пацягнуў яе за сабой. Паступова надышоў час скакаць цераз вогнішча, і Веста адчула цёплы дотык да сваёй рукі — то быў Мікола, яе нарачоны. Агонь, здавалася, палаў да неба ці нават быў самім небасхілам, і гэта прымусіла Весту адчуць лёгкаю дрыготку ва ўсім целе і адступіць назад. Мікола пяшчотна ёй усміхнуўся, сціснуў тонкую кісьць мацней, і Весте на секунду стала спакойней.

спокойней. Они оттолкнулись от холодной земли и пролетели над ярким пламенем, не размыкая рук.

«Осталось дожидаться сватов», — подумала Веста, но как-то совсем безрадостно.

Наконец девушки отправились к реке, чтобы пустить венки в плавание. Мокрая темнота засияла сотнями цветов, ароматов и несмелых ожиданий. Веста, как заколдованная, пошла по берегу реки, следуя за своим круглым проводником мимо высоких трав и хмурых деревьев.

Она долго бродила, а венок будто и не собирался останавливаться. Вдруг в стороне она услышала тихие голоса и почему-то решила, что это цветок папоротника прячется за одним из кустов. Людям тут взяться неоткуда, слишком далеко она отошла от костров, а папоротник, говорят, может звать к себе. Веста тихо отодвинула ветку и увидела совсем не то, что ожидала: на поляне ее Миколка целовал какую-то женщину, чье лицо никак не удавалось рассмотреть.

«Вот почему он не словил венок», — единственное, что промелькнуло в голове, так быстро, словно белка перескочила с одной ветки на другую. Веста вновь пробиралась по влажной траве куда-то, где не было цветов и звуков. Лес, с его ночной сыростью и прохладой, казался бесконечным лабиринтом. Река, бессменный спутник, петляла и путалась вокруг девушки, пока вдали не замерцало что-то: то светлячок опустился на ее венок. Она шла за ним, как за давно знакомым ориентиром, который обязательно должен вывести к чему-то хорошему, но желтый огонек погас, и Веста почувствовала дорожки слез на щеках.

Яны адпштурхнуліся ад халоднай зямлі і працяцелі над зыркiм полымем, не разнімаючы рук

«Засталосся дачакацца сватоў»,— падумала Веста, але неяк зусiм нявесела.

Нарэшце дзяўчыны пайшлі да ракі, каб пусціць вянкi ў плаванне. Мокрая цемра зазьяла сотнямі колераў, водараў і нясмелых чаканняў. Веста, нiбы зачараваная, пайшла па беразе ракі за сваім круглым правадніком уздоўж высокіх траў і панурых дрэў.

Яна доўга блукала. А вянок быццам і не збіраўся прыпыняцца. Раптам убаку яна пачула ціхія галасы і чамусьці вырашыла, што гэта папараць-кветка хаваецца за адным з кустоў. Людзям тут узяцца няма адкуль, надта далёка яна адышла ад вогнішчаў, а папараць, кажуць, можа клікаць да сябе. Веста ціха адсунула галіну і ўбачыла зусiм не тое, што чакала: на паляне яе Міколка цалаваў нейкую жанчыну, чый твар нiяк не ўдавалася разгледзець.

«Вось чаму ён не злавiў вянок», — адзінае, што прамiльгнула ў галаве, так хутка, быццам вавёрка пераскочыла з адной галіны на другую. Веста зноў прабіралася па вiльготнай траве кудысьці, дзе не было кветак і гукаў. Лес, з яго сырасцю і прахалодай, здаваўся бясконцым лабірынтам. Рака, нязменны спадарожнік, пятляла і блыталася вакол дзяўчыны, пакуль воддаль штосьці не замігцела: гэта светлячок апусціўся на яе вянок.

Яна ішла за ім, як за даўно знаёмым арыенцірам, які абавязкова павiнен вывесці да чагосьці добрага, але жоўты агенчык згас, і Веста адчула вiльготныя дарожкі слёз на шчоках.

— Мілая, няўжо праз вянок засмуцілася? — разрэзаў цішыню аксамітны мужчынскі голас.

— Не, — яна хутка змахнула рукой сляды сваёй раптоўнай слабасці.

— Бачу, ты чакала, што злаўлю яго не я, — уладальнік голасу схіліў галаву набок, нібы спрабуючы пачуць думкі Весты.

Яна здолела толькі хутка кінуць, перш чым слёзы пакаціліся яшчэ хутчэй, а незнаёмец расхінуў ёй свае прахалодныя абдымкі з пахам мяты і прэлага лісця.

Ён пяшчотна, ледзь дакранаючыся, правёў рукою па яе валасах, і Веста хутка адхілілася, дакараючы сябе за нястрыманасць.

— Я — Лорыс. Нетутэйшы, праездам. Так што можаш смела распавесці мне пра ўсе журботы, я нікому не скажу, — Лорыс узяў правую далонь, даючы абет маўчання.

Да свайго здзіўлення, Веста расказала яму абсалютна ўсё. Яна змоўчала толькі пра тое, што валасы Лорыса былі не горшыя за кудзеры Міколы, а твар новага знаёмага зачароўваў яе сваёй прыгажосцю, чаго не адбывалася, калі дзяўчына глядзела на жаніха.

— Здаецца мне, што ты плачаш ад палёгкі, — прамармытаў Лорыс.

Веста хацела растлумачыць, што гэта зусім не так, але ён не даў ёй шансу.

— Няўжо табе хацелася растраціць сваё жыццё, нараджаючы дзетак? Нідзе не пабываць? Памерці, не знайшоўшы разумення?

Яна адмоўна пакруціла галавой, дзівячыся, адкуль Лорыс мог даведацца пра тое, у чым яна сама сабе баялася прызнацца. Мікола ставіўся да яе з ласкай

— Милая, неужто из-за венка расстроилась? — разрезал тишину бархатный мужской голос.

— Нет, — она быстро смахнула рукой следы своей неожиданной слабости.

— Вижу, ты ждала, что его поймаю не я, — обладатель голоса склонил голову набок, будто пытаюсь услышать мысли Весты.

Она смогла только быстро кивнуть, прежде чем слезы покатались еще быстрее, а незнакомец раскрыл ей свои прохладные объятия с запахом мяты и прелой листвы.

Он нежно, едва касаясь, провел рукой по ее волосам, и Веста быстро отстранилась, коря себя за несдержанность.

— Я — Лорис. Нездешний, проездом. Так что можешь смело рассказать мне обо всех печалях, я никому не скажу, — Лорис поднял правую ладонь, принося обет молчания.

К своему удивлению, Веста поведала ему совершенно все. Она умолчала только о том, что волосы Лориса были ничуть не хуже кудрей Миколы, а лицо нового знакомого зачаровывало ее своей красотой, чего не случилось, когда девушка смотрела на жениха.

— Сдается мне, что ты плачешь от облегчения, — пробормотал Лорис.

Веста хотела объяснить, что это вовсе не так, но он не дал ей шанса.

— Неужели тебе хотелось растратить свою жизнь, рожая детишек? Не побывать нигде? Умереть, не найдя понимания?

Она отрицательно pokrutila головой, недоумевая, откуда Лорис мог узнать то, в чем она сама себе боялась признаться. Микола был добр и мил

і пяшчотай, хай нават не ўсё разумеючы з таго, што яна яму казалася. І Веста запэўніла сябе, што гэтага дастаткова.

— Па ўласным жаданні я б тут і хвіліны не прабыў, — злавесна ўсміхнуўся Лорыс, і па спіне Весты забегалі мурашкі.

Ён глядзеў кудысьці ўдалячынь, на спакойны месяц, які адбіваўся яркім святлом на яго змярцвела-бледнай скуры. Лорыс стаяў каля аднаго з цёмных дрэў, акружаны тонкім туманам, у якім раставалі ўсе страшныя начныя здані. Веста схаладнела і схпілася за ўшыты ў падол карэньчык.

— Нябожчык, — прапаштала яна.

— Якое глупства. Яж сказаў — я тут праездам.

Лорыс бесклапотна паціснуў плячыма, і Веста зразумела, што яго вытанчаны ўбор не падыходзіць да ліпеньскай ночы.

— Ад паселішчаў далёка. Твая вопратка адрозніваецца ад той, што тутносяць, — яна смела зірнула ў худы твар, і ёй падалося, што шэрыя вочы пасвятлелі.

— Дапусцім, я раскажу табе ўсё. Але ці жадаеш ты пра гэта даведацца?

Ёй падумалася, што нечысць не змагла б яе абняць — плакун-трава была надзейным сродкам. Лорыс глядзеў на яе адкрыта і шчыра, быццам зусім не здольны на нешта дрэннае. Такі пагляд яна не магла адхіліць.

Ён загаварыў значна складней і спакойней, чым Веста. Словы ліліся мілагучным горным ручаём, зусім не падобным да мясцовай гаворкі. Уся ягоная гісторыя падавалася казкай, поўнай прыгод і падзей, якія ёй не суджана было калі-небудзь перажыць.

с ней, пусть даже не все понимая из того, что она ему говорила. И Веста убедила себя, что этого достаточно.

— Будь моя воля, я бы здесь и минуты не провел, — зловеще усмехнулся Лорис, и по спине Весты забегали мурашки.

Он смотрел куда-то вдаль, на спокойную луну, которая отражалась ярким светом на его мертвенно-бледной коже. Лорис стоял у одного из темных деревьев, окруженный тонким туманом, в котором растворялись все страшные ночные видения. Веста похолодела и схватилась за вшитый в подол корешок.

— Покойник, — прошептала она.

— Какая глупость. Я же сказал — я тут проездом.

Лорис беспечно пожал плечами, и Веста поняла, что его изящный наряд не подходит для июльской ночи.

— От селений далече. Твоя одежда отличается от той, что тут носят, — она смело взглянула в худое лицо, и ей показалось, что серые глаза стали светлее.

— Предположим, я расскажу тебе все. Но хочется ли тебе это узнать?

Ей подумалось, что нечисть не смогла бы ее обнять — плакун-трава была проверенным средством. Лорис смотрел на нее открыто и искренне, будто вовсе не способен на что-то плохое. Такой взгляд она не могла отвергнуть. Он заговорил куда более складно и спокойно, чем Веста. Речь лилась благозвучным горным ручьем, совсем не похожим на говор местных. Вся его история казалась сказкой, полной приключений и событий, которые ей не суждено было когда-нибудь пережить.

— Справа ў тым, — пракашляўшыся, працягнуў ён, — што колькі часу таму мяне праклялі. І сысці я змагу, толькі калі ў летнюю ноч атрымаю адзін з вянокў, так што...

— Добрых людзей не праклінаюць, — ціха перапыніла Веста.

— А хто табе сказаў, што я чалавек? — Лорыс дзелавіта паправіў папярпаныя манжэты. — Такіх, як я, у кожнай вёсцы праклясці гатовы. Быццам адзінае, чаго мы хочам — абакрасці вас і загубіць.

— Няўжо? Дык цябе, вядзьмак, хоць у вуха кладзі.

— Лорыс, — мякка паправіў ён. — Ты верыш у тое, што нехта нараджаецца з жаданнем шкодзіць іншым?

Веста нават у цемры заўважыла, як высока ўзнялося яго левае брыво. Ёй падалося, што за рэбрамі штосьці разбілася, выдаўшы аглушальны звон, які адазваўся ў галаве.

— Не, я так не думаю.

Лорыс паглядзеў на яе, прыўзняўшы куток рота, і аднекуль дастаў мігатлівую кветку, якая не магла быць нічым іншым, як папараць-кветкай. Яна спалучала ў сабе ўсе фарбы лесу, пералівалася і ззяла, быццам была напоўненая часцінкамі агню. Веста хутка захітала галавой.

— Бяры, ты сумленна яго знайшла.

Яна працягнула руку і схпілася за зялёнае сцябло. Хадзіла чутка, што гэтая расліна спраўджае ўсе жаданні таго, хто яе знайшоў, але ў галаве ў Весты запанавала аглушальная пустэча.

— Дело в том, — прокашлявшись, продолжил он, — что некоторое время назад меня проклинали. И уйти я смогу, только если в летнюю ночь получу один из венков, так что...

— Добрых людей не проклиняют, — тихо перебила Веста.

— А кто тебе сказал, что я человек? — Лорис деловито поправил потрепанные манжеты. — Таких, как я, в каждой деревне проклясть готовы. Будто мы только того и хотим, что обокрасть вас и погубить.

— Ужель ты, колдун, и воды не замутишь?

— Лорис, — мягко поправил он. — Ты веришь в то, что кто-то рождается с желанием вредить другим?

Веста даже в темноте заметила, как высоко поднялась его левая бровь. Ей показалось, что за ребрами что-то разбилось, издав оглушительный звон, который отозвался в голове.

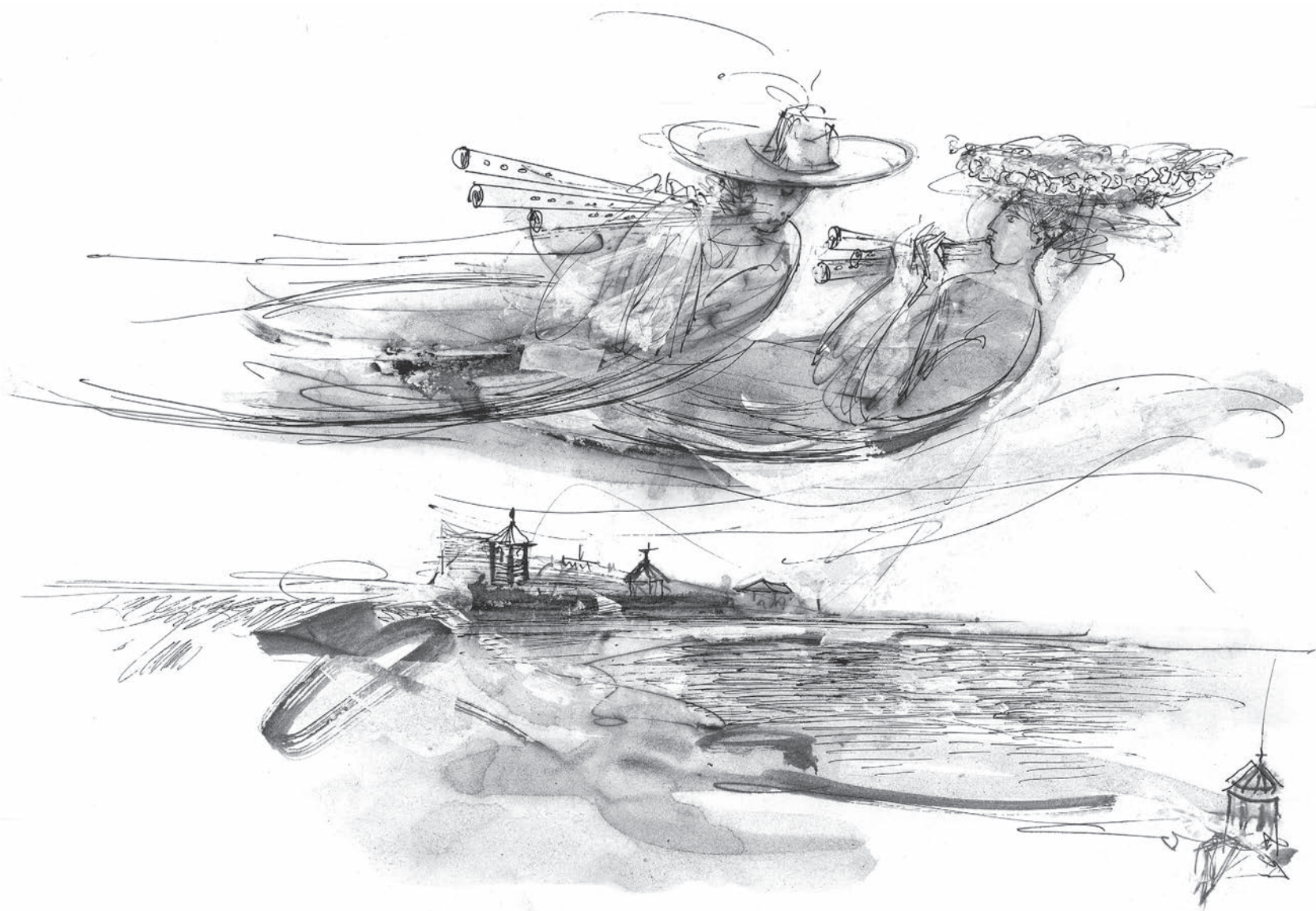
— Нет, я так не думаю.

Лорис посмотрел на нее, приподняв уголок рта, и откуда-то достал мерцающий цветок, который не мог быть ничем иным, как цветком папоротника. Он вмещал в себя все краски леса, переливался и сиял, будто наполненный частичками огня. Веста быстро замотала головой.

— Бери, ты его нашла честно.

Она протянула руку и схватилась за зеленый стебель. Ходила молва, что это растение исполняет все желания нашедшего, но в голове у Весты воцарилась оглушительная пустота.

Небо посветлело, солнце медленно поднималось из-за горизонта, постепенно озаряя один кусочек земли за другим, и Веста увидела, как теплый луч осветил улыбку Лориса.

— Куда ты теперь? — почему-то ей было важно это узнать.

— Буду путешествовать. Ты в некотором роде меня освободила. Дело не только в венке, я ведь столько ловил их, а все без толку.

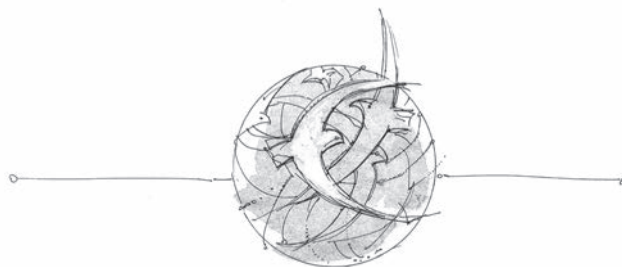
Он уловил вопрос в ее взгляде и спешно пояснил:

— Я чувствую, что сейчас что-то изменилось, только сказать не могу что именно.

Такое же чувство испытывала и она сама: где-то за сердцем в ней разгоралось тепло, похожее на купальский огонь, через который Веста прыгала накануне. Сейчас ей совсем не хотелось возвращаться домой, а мечталось отправиться куда-то далеко — в страны, о которых говорил Лорис. Она никак не могла набраться смелости, чтобы спросить, может ли он взять ее с собой, но мужчина, будто прочитав ее мысли, кивнул, а потом надел себе на голову венки.

Розовые тучи слились с синими оттенками раннего утра, превращаясь в спокойный и тихий день, который вскоре наполнился еле слышным пением проснувшихся птиц.

Веста знала, что теперь все так, как должно быть. Она еще раз взглянула на переливающийся цветок и спрятала его в подшитый карман. Ей нечего было загадывать.

Неба пасвятлела, сонца павольна падымалася з-за гарызонту, паступова асвятляючы адзін кавалачак зямлі за другім, і Веста ўбачыла, як цёплы прамень асвятліў усмешку Лорыса.

— Куды ты цяпер? — чамусьці ёй было важна пра гэта даведацца.

— Буду падарожнічаць. Ты ў пэўным сэнсе мяне вызваліла. Справа не толькі ў вянку, я ж столькі лавіў іх, але без толку.

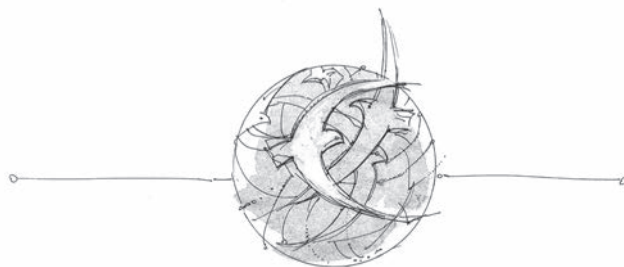
Ён заўважыў пытанне ў яе паглядзе і спешна патлумачыў:

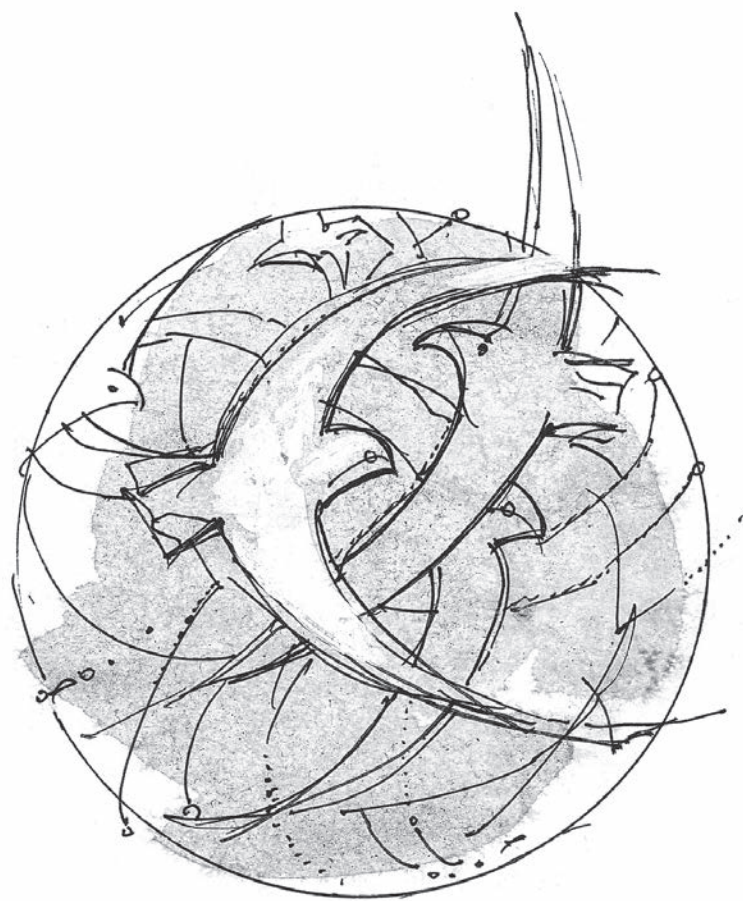
— Я адчуваю, што нешта змянілася, але не магу сказаць што менавіта.

Тое ж самае адчувала і яна сама: дзесьці паз-за сэрцам у ёй распальвалася цяпло, падобнае да купальскага агню, цераз які Веста скакала напярэдадні. Зараз ёй не хацелася вяртацца дадому, а марылася выправіцца кудысьці далёка — у краіны, пра якія распавядаў Лорыс. Яна ніяк не магла набрацца смеласці, каб запытацца, ці зможа ён узяць яе з сабою, але мужчына, быццам прачытаўшы яе думкі, кіўнуў, а потым надзеў сабе на галаву вянок.

Ружовыя хмары зліліся з сінімі адценнямі раніцы, ператвараючыся ў спакойны і ціхі дзень, які неўзабаве напоўніўся ледзь чутным спевам птушак, што ўжо прачнуліся.

Веста ведала, што цяпер усё так, як павінна быць. Яна яшчэ раз зірнула на пералівістую кветку і схавала яе ў падшытай кішэні. Ёй не было чаго загадваць.

Сергей Ковалев

Сергей Ковалев (псевдоним Константин Джиулия) родился в 1990 г. в г. Лельчицы. Закончил Гомельский торгово-экономический университет потребительской кооперации. В детские годы печатался в газете «Раніца» («Утро»). Работал лесником, в настоящее время — начальник пожарно-химической службы в Лельчицком лесхозе. Ранее в творческих конкурсах не участвовал, «Мост дружбы» стал дебютом.

Сяргей Кавалёў

Сяргей Кавалёў (псеўданім Канстанцін Джыіулія) нарадзіўся ў 1990 г. у г. Лельчыцы. Скончыў Гомельскі гандлёва-эканамічны ўніверсітэт спажывецкай кааперацыі. У дзіцячыя гады друкаваўся ў газеце «Раніца». Працаваў лесніком, у цяперашні час — начальнік пажарна-хімічнай службы ў Лельчыцкім лясгасе. Раней у творчых конкурсах не ўдзельнічаў, «Мост дружбы» стаў дэбютам.

АРОМАТ СИРЕНИ. ПОЛЕССКИЙ ПОЛОНЕЗ

Посвящается самым лучшим женщинам в мире — женщинам-матерям...

Белая. Белая она, светлая, как Беларусь, — красивая.

Белая рубашка, белые кроссовки, даже носки белые были на нем. Такой уж у него образ и стиль жизни, что воспитала столица. Каждый день был в новых рубашке и носках.

Уснов снял крышку с контейнера с творогом, таким же белым, и попробовал словить рассыпчатые белесые кусочки маленькой вилкой, которую купил еще год назад в столице. Насадить. Такая вилка десертная. Но есть до конца не стал.

Откусил, немного пошевелил, прижал к нёбу языком. Отпало. Наложил на зубы, надавил ими, мягко так — и почувствовал, как легко дробятся капельки творога. Они налипли на зубы, как клей, и оставались там.

Уснов сидел на берегу реки, но был так утомлен за неделю, что сразу даже не обратил внимания на окружающую красоту. Он еле доехал сюда. И замечал лишь голоса детей, плюхающихся неподалеку в реке.

— Мама, мама! — кричали они, бултыхаясь, — мы купаемся, смотри на нас!

— Хорошо, только осторожно мне, — приговаривала встревоженная мать. Был конец недели, пятница. Уснов приехал на берег реки немного отдохнуть от кабинета, побыть ближе к природе. Он много времени проводил за компьютером. И собирался привести мысли в порядок.

ВОДАР БЭЗУ. ПАЛЕСКІ ПАЛАНЭЗ

Прысвячаецца самым лепшым жанчынам у свеце — жанчынам-маці...

Белая. Белая яна, светлая, як Беларусь, — прыгожая.

Белая кашуля, белыя красоўкі, нават шкарпэткі белыя былі на ім. Такі ўжо ў яго вобраз і стыль жыцця, які выхавала сталіца. Кожны дзень быў у новых кашулі і шкарпэтках.

Вуснаў зняў накрывку з кантэйнера з тварагом, такім жа белым, і паспрабаваў злавіць рассыпстыя бялёсыя кавалкі маленькім відэльцам, які купіў яшчэ год таму ў сталіцы. Нажывіць. Такі відэлец дэсертны. Але ж есці не стаў да канца. Адкусіў, крышачку паварушыў, прыціснуў да нёба языком. Адпала. Налажыў на зубы, націснуў імі, мягка так, — і адчуў, як лёгка дробяцца кропелькі тварагу. Яны наліплі на зубах, як клей, і заставаліся там.

Вуснаў сядзеў на беразе ракі, але быў такі стомлены за тыдзень, што адразу нават не звярнуў увагі на прыгажосць навокал. Ён ледзьве даехаў сюды. І заўважаў толькі галасы дзяцей, якія плюхаліся непадалёк у рацэ.

— Мама, мама! — крычалі яны, боўтаючыся, — мы купаемся, глядзі на нас!

— Добра, толькі асцярожна мне, — прыгаворвала занепакоеная матуля.

Быў канец тыдня, пятніца. Вуснаў прыехаў на бераг ракі крыху адпачыць ад кабінета, пабыць бліжэй да прыроды. Ён шмат часу праводзіў за камп'ютарам. І збіраўся прывесці ў парадак думкі.

Река Вулейка, или, как он любил ее называть еще, Амазонка, переливалась синеватым оттенком небес. Но все же не такого цвета, как ее глаза. Немного темнее была сейчас. Она же давно стала воплощением всего самого светлого, трепетного.

Солнце уже потихоньку садилось, и это вызывало умиление. Вулейка никуда не спешила, ее течение было таким легким, а где-то далеко мягко гудел самосвал. По трассе на Словечно. И было в этом гуле что-то такое родное, знакомое с детства.

Вчера они вместе ездили в Вильготь — но она даже не захотела пройтись до его любимой церкви. Между прочим, самого древнего здания в районе. Да и деревня — место, где прошло его детство. Еще пятилетним он бегал здесь, мечтал.

Уснов хорошо помнит всех тётушек и дядюшек еще молодыми. А теперь они состарились. Постарела Галина, мамина сестра. А некоторых уже вообще нет в это мире. Нет даже дяди, заместителя губернатора, который умер от цирроза.

И самому губернатору становится все хуже. Уже даже выбрали место на кладбище. Что поделаешь, рак — болезнь коварная и в этих местах нередкая. Сколько из-за нее людей отошло в мир иной...

Помнил Уснов, как свадьбу в этой деревне играли. Они с мамой тогда в церковь Покрова Пресвятой Богородицы ходили (ту самую, которую он хотел показать Джулии). Ему тогда было всего пять лет. Как он тогда мечтал! В Вильготи Уснову приснилось, что его высоко в небеса подбросили какие-то парни. Необычный сон.

Рака Вулейка, ці, як ён любіў яе называць яшчэ, Амазонка, пералівалася сіняватым адценнем нябёс. Але ж не такога колеру, як яе вочы. Крыху цямнейшая была зараз. Яна ж стала даўно ўжо ўвасабленнем усяго самага светлага, трапяткога.

Сонца ўжо паціху садзілася, і гэта выклікала замілаванне. Вулейка нікуды не спяшалася, яе плынь была такая лёгка, а недзе далёка мякка гудзеў самазвал. Па трасе на Славечна. І было ў гэтым гуле нешта такое свойскае, знаёмае з дзяцінства.

Учора яны разам ездзілі ў Вільгоць — але ж яна нават не захацела прайсціся да ягонай любімай царквы. Між іншым, самага старажытнага будынка ў раёне. Ды і вёска — мясціны яго дзяцінства. Яшчэ пяцігадовым ён бегаў тут, марыў. Вуснаў добра памятае ўсіх цёткаў і дзядзькаў яшчэ маладымі. А зараз яны састарэлі. Састарэла Галіна, матчына сястра. А некаторых ужо наогул няма на гэтым свеце. Няма нават дзядзькі, намесніка губернатара, які памёр ад цырозу. І самому губернатару робіцца ўсё горш. Ужо нават выбралі месца на могілках. Што зробіш, рак — хвароба падступная і ў гэтых мясцінах нярэдка. Колькі праз яе чалавек адышло ў іншы свет...

Памятаў Вуснаў, як вяселле ў гэтай вёсцы гулялі. Яны з матуляй тады ў царкву Покрыва Найсвятой Багародзіцы хадзілі (тую самую, якую ён хацеў паказаць Джуліі). Яму тады было ўсяго пяць гадоў. Як ён тады марыў! У Вільгоці Вуснаву прыснілася, што яго высока ў нябёсы падкінулі нейкія хлопцы. Незвычайны сон.

И он этот сон хорошо помнил сейчас. Старшие говорили, что это хороший знак. Что свершится нечто великое в его жизни. Уснoв действительно был счастливым человеком. Но в последнее время его здоровье что-то пошатнулось и стало подводить.

Он мечтал — и одно из его мечтаний сбылось. Полесье. Великореченск. Амазонка. И главное — она. Здесь встретил ее и влюбился. И, хоть любовь оказалась безответной, всё равно был счастлив. Потому что мог видеть ее. Самую лучшую в мире девушку.

Уснoв ощутил запах сенокоса. А до этого какой-то шмель прилетал. Видимо, привлекла рубашка. И такой настырный. Что-то все выводывал.

— Блин, так тепло, — сказал кто-то из шпаны, шагающей по тропинке мимо Уснова.

— Не прыгай! — где-то вдалеке кричала чья-то мать.

Приближался вечер. Уснoв встал и подошел к обрыву. Потянулся и посмотрел на реку. Красивая, как настоящая Амазонка. Такая же глубокая и тонкая. Своеобразная, непохожая на других. Джулия.

Вписывается в этот пейзаж мягким и замедленным своим ходом. Тихим течением.

Похолодало. Стал поддувать ветерок. Вдали кто-то взболтал воду в реке — плюх-плюх-плюх, — нагоняя волны.

До него доносились детские голоса:

— Я боюсь!

— Скажи, она теплая!

— Холодная! А-а-а-а! Bay!

І ён гэты сон добра памятаў зараз. Старэйшыя казалі, што гэта добры знак. Што збудзецца нешта вялікае ў ягоным жыцці. Вуснаў і напраўду быў шчаслівым чалавекам. Але ж у апошні час здароўе ягонае нешта пахіснулася і пачало падводзіць.

Ён марыў — і адна з ягоных мар збылася. Палессе. Вялікарэчанск. Амазонка. І галоўнае — яна. Тут стрэў яе і закахаўся. І, хоць каханне аказалася безадказным, усё роўна быў шчаслівым. Бо мог бачыць яе. Самую лепшую ў свеце дзяўчыну.

Вуснаў адчуў пах сенажаці. А да гэтага нейкі чмель прылятаў. Зачапіўся за кашулю позірам, відаць. Але ж такі настырны. Нешта ўсё выводваў.

— Блін, так цёпла, — мовіў хтосьці са шпаны, якая крочыла па дарожцы мима Вуснава.

— Не скачы! — недзе далёка крычала чыясыці матуля.

Набліжаўся вечар. Вуснаў устаў і падышоў да абрыву. Пацягнуўся і паглядзеў на раку. Прыгожая, нібы сапраўдная Амазонка. Такая ж глыбокая і тонкая. Своеасаблівая, непадобная да іншых. Джулія.

Упісваецца ў гэты пейзаж мяккай і зававоленай сваёй хадой. Ціхай плынню. Пахаладала. Стаў паддзімаць вецярок. Удалечы нехта ўзбоўтаў ваду ў рацэ — плюх-плюх- плюх, — наганяючы хвалі.

Да яго даносіліся дзіцячыя галасы:

— Я баюся!

— Скажы, яна цёплая!

Уснов еще не оправился от сегодняшнего, но понимал: день удался. Однако счастья не ощущал. Оно забилося куда-то в темный угол. Так как болело все тело. Что-то слегка поднывало. Ему никак не удавалось расслабиться.

Пел соловей. Он так щебетал здесь! Уснов сидел в своей белой рубашке, вытянув одну ногу вперед, а другую подбрав под себя. Хотел написать ей сообщение в соцсети, но передумал.

Пусть побудет один на один со своими делами. С сыночком дома. Ей тоже нужен покой. Она же именно поэтому и оборвала прошлые отношения. Такая девичья душа. Может, если бы полюбила, то ни на минуту не смогла бы оторваться. И они бы почаще проводили время вместе.

Получается, что он, наверное, был героем не ее сериала или романа.

С берега Амазонки снова неслись писклявые детские голоса:

— Владик, ты куда?

— Пожар!

— Э-э-э!

И такой еще детский, звонкий девичий смех. Потом он уподобился рыку.

— Эй, смотрите, Леша!

Дети забавлялись как могли.

Брызги от водных танцев долетали даже до обрыва, около которого сидел Уснов. Он посмотрел вверх, на зеленый куст. Немного правее было видно, как в реке утопает солнце. Садится. Комары, вслед за шмелем, который до сих пор здесь летал, словно проводя контрольную проверку, начали свое танго. Вечернее танго. Или вечерний полесский полонез.

— Халодная! А-а-а-а! Ваў!

Вуснаў яшчэ не ачуўся ад сennяшняга, але разумеў: дзень удаўся. Аднак пчасця не адчуваў. Яно забілася некуды ў цёмны кут. Бо балела ўсё цёла. Нешта крыху паднывала. Ён ніяк не мог расслабіцца.

Спяваў салавей. Так ён пчабятаў тут! Вуснаў сядзеў у сваёй белай кашулі, выпцягнуўшы адну нагу ўперад, а другую падабраўшы пад сябе. Хацеў напісаць ёй паведамленне ў сацсетцы, але перадумаў.

Няхай пбудзе сам-насам са сваімі справамі. З сыночкам дома. Ёй таксама патрэбны спакой. Бо яна ж дзеля гэтага і абарвала мінулыя адносіны. Такая дзявочая душа. Мо калі б палюбіла, то ні на хвіліну не змагла б адарвацца. І яны былі б часцей разам.

Атрымліваецца, што ён, мабыць, быў героем не ейнага серыяла ці рамана.

З берага Амазонкі зноўку несліся пісклявыя дзіцячыя галасы:

— Уладзік, ты куды?

— Пажар!

— Э-э-э!

І такі яшчэ дзіцячы, звонкі дзявочы смех. Потым ён стаў падобны да рыку.

— Эй, глядзіце, Лёша!

Дзеці забаўляліся як маглі.

Пырскі ад водных скокаў даляталі нават да абрыву, ля якога сядзеў Вуснаў. Ён паглядзеў уверх, на зялёны куст. Крыху правей відаць было, як у рацэ патанае сонца. Садзіцца. Камары ўслед за чмялём, які дагэтуль тут лётаў, нібы робячы

За то время, что Уснов находился здесь, комары еще не успели надоесть. Они кружили тут и там. Звенели около ушей. Так тонюсенько. И приходилось постоянно хлопать по лицу, хорошо хлопать, чтобы не мешали мечтать.

Лезли даже в брови. Вот правда — не в одну бровь, так в другую.

Их становилось слишком много. Проникали в нос, глаза, рот, бакенбарды. Как и муравьи, что ползали по его вещам. А чуть левее, ближе к Амазонке, летала стрекоза. Он хотел сфотографировать ее и отправить в соцсети Джулии.

Но почему же она именно вечером прилетела?

Он стал вспоминать сегодняшний день. Где-то вдалеке куковала кукушка. Уснову не хотелось мысленно возвращаться к прошлому и думать, сколько кому предначертано.

— Все будет хорошо, — сказала она напоследок, когда Уснов запирает дверь и собирался домой.

Она тоже тогда собирала свою маленькую сумочку.

Уснов был оптимистом, поэтому не хотел думать ничего дурного. Но понимал: так говорят, когда не знают, что сказать, чтобы успокоить человека. Соловьи пели все громче. Комары снова заплясали над его ухом, и один примостился-таки около брови. Вот негодник, нашел место...

Ужас! Лупанул по нему Уснов и не оставил никаких шансов. Растер то, что осталось, — по пальцу. А соловьиные трели не прекращались, летели со всех сторон. Казалось, что здесь уже собрался целый ансамбль певцов. И кому это они так напевают?

кантрольную праверку, пачалі сваё танга. Вячэрняе танга. Або вячэрні палескі паланэз.

За той час, што Вуснаў знаходзіўся тут, камары яшчэ не паспелі надакучыць. Яны кружылі і тут і там. Звінелі каля вушэй. Так танюсёнька. І трэба было ўвечь час ляскаць па твары, добра ляскаць, каб не першкаджалі марыць.

Лезлі нават у бровы. Вось сапраўды — не ў адно брыво, дык у іншае.

Іх становілася ўжо зашмат. Пранікалі ў нос, вочы, вусны, бакенбарды. Як і мурашкі, якія поўзалі па ягоных рэчах. А крыху лявей, бліжэй да Амазонкі, лягала страказа. Ён хацеў сфатаграфавачь яе і пераслаць у сацсетцы Джуліі.

Але чаму ж гэта яна менавіта вечерам прыляцела?

Ён пачаў успамінаць сённяшні дзень. Недзе ўдалечыні кукавала зязюля. Вуснаву не хацелася вяртацца думкамі ў мінулыя гады і разважаць, колькі каму наканавана.

— Усё будзе добра, — сказала яна напаследак, калі Вуснаў зачыняў дзверы і збіраўся дадому.

Яна таксама тады збірала сваю маленькую сумачку.

Вуснаў быў аптымістам, таму не хацеў думаць нічога дрэннага. Але разумеў: так кажуць, калі не ведаюць, што сказаць, каб супакоіць чалавека.

Салаўі спявалі ўсё гучней. Камары зноў затанчылі пад ягоным вухам, і адзін прымасціўся-такі каля брыва. Вось нягоднік, знайшоў месца...

Жах! Лупануў па ім Вуснаў і не пакінуў ніякіх шанцаў. Расцёр тое, што засталася, — па пальцы. А салаўіныя попчакі не спыняліся, ляцелі з усіх бакоў.

«Вот бы Джулия сейчас была здесь», — подумал Уснов. Она же любит природу и была бы очень довольна. Но с ним ли она бы хотела этого... Наверное, нет.

С Джулией они встретились еще около входа. Чуть не столкнулись лбами. Уснов скорее сделал шаг в сторону, чтобы не наскочить на нее. Боялся. Стеснялся. Ибо не привык.

— Привет.

Потом он задержался в коридоре — и снова так случилось, что уже на проходной они оказались рядом. Проходная была без автоматики, приходилось записываться лично. Самообслуживание.

И тут их взгляды снова встретились. Вот как бывает. День начинался с Джулии. Разумеется, настроение поднялось. Такой легкий день. Полесский. И рядом стояло его самое нежное и ласковое счастье. Смысл жизни. — Теперь распишемся... — сказал он шутя и тут же уточнил: — В журнале прибытия.

Вдвоем подошли к канцелярскому столу и по очереди поставили подписи под своими фамилиями. Так необычно получилось. Она расписалась ручкой и, слегка улыбаясь, вышла.

После Джулии к журналу подошла другая коллега. Постарше и опытнее, работавшая здесь с 60-х. И так все расписывались и расходились по своим местам. Слышались только приветствия. Конвейер. Место не для любви.

Уснову на своем стуле не сиделось, и он решил снова подойти к Джулии. — Можно?

Здавался, што тут ужо сабраўся цэлы ансамбль спевакоў. Гэта каму яны напяваюць так?

«Вось бы Джулія зараз была тут», — падумаў Вуснаў. Яна ж любіць прыроду і вельмі была б задаволеная. Але ці з ім яна хацела б гэтага... Мабыць, не.

З Джуліяй яны сустрэліся яшчэ каля ўвахода. Ледзь не сутыкнуліся ілбамі. Вуснаў хутчэй зрабіў крок убок, каб не натрапіць на яе. Баяўся. Саромеўся. Бо не прывык.

— Прывітанне!

Яна адказала з усмешкай, лёгка і спакойна:

— Прывітанне.

Потым ён затрымаўся ў калідоры — і зноў так сталася, што ўжо на прахадной яны апынуліся побач. Прахадная была без аўтаматыкі, даводзілася запісвацца асабіста. Самаабслугоўванне.

І тут іх погляды зноў сустрэліся. Вось як бывае. Дзень пачынаўся з Джуліі. Канечне, уздымаўся настрой. Такі лёгкі дзень. Палескі. І побач стаяла ягонае самае пяшчотнае і ласкавае шчасце. Сэнс жыцця.

— Цяпер распішамся... — сказаў ён жартам і тут жа ўдакладніў: — У журнале прыбыцця.

Абое падышлі да канцылярскага стала і па чарзе паставілі подпісы пад сваімі прозвішчамі. Так незвычайна атрымался. Яна распісалася ручкай і, крыху ўсміхаючыся, выйшла.

— Да, заходи.

Было несколько свободных минуток, и хорошо, что они могли поговорить. Она ответила согласием — словно настоящий ангел спустился с небес на землю, чтобы его спасти.

Уснов был очень доволен, но не подавал виду. Джулия тоже. Было заметно, что она в хорошем настроении. Да и как иначе. Такой ангел не мог грустить. Просто потому, что ей это не шло. А Уснову было позволительно погрустить немножко.

Вчера он признался Джулии, что, когда они вместе, он словно лечится, что она будто бальзам для его души. Хорошо, что девушка поняла и разрешила заходить в гости. Уснов присел на стул рядом с ней. Сама же Джулия сидела в мягком кресле спиной к окну.

Ее золотистые волосы походили на водопад. Такие нежные. Она могла заложить их за ушко, закрутить в узел или попробовать какую-нибудь еще неизвестную ему прическу. Но что бы Джулия ни творила со своими волосами, Уснову нравилось.

Благодаря этой полесской красавице он был на седьмом небе от счастья. Их взгляды встретились. Они сидели близко. Так близко, что у Унова стало что-то разгораться внутри. Словно кто-то чиркнул спичкой и долго держал ее. Огонек был маленький. Однако единственный во мраке. Вспышка!

Интересно, а что думала она?

Так не хотелось отрываться от этих глаз, что были ориентиром для Унова. Словно маяк на берегу моря, одинокий и белый, к которому спешат

Пасля Джуліі да журнала падышла іншая калега. Больш сталая і вопытная, якая тут працуе з 60-х. І так усе распісваліся і разыходзіліся па сваіх месцах. Чуліся толькі вітанні. Канвеер. Месца не для кахання.

Вуснаву на сваім стуле не сядзелася, і ён вырашыў ізноў падысці да Джуліі.

— Можна?

— Так, заходзь.

Было некалькі вольных хвілінак, і добра, што яны маглі пагаварыць. Яна адказала згодай — нібыта сапраўдны анёл спусціўся з нябёс на зямлю, каб яго выратаваць.

Вуснаў быў вельмі задаволены, але не падаваў выгляду. Джулія таксама. Было відаць, што яна ў добрым настроі. Ды і як іначай. Такі анёл не мог сумаваць. Проста таму, што ёй гэта не пасавала. А Вуснаву дазвалялася пасумаваць крышачку. Учора ён прызнаўся Джуліі, што, калі яны разам, ён нібыта лечыцца, што яна быццам бальзам для яго душы. Добра, што дзяўчына зразумела і дазволіла заходзіць у госці. Вуснаў прысеў на стул каля яе. Сама ж яна сядзела ў мяккім крэсле спінаю да акна.

Яе залацістыя валасы былі як вадапад. Такія пяшчотныя. Яна магла іх заклаці за вушка, закруціць у вузел альбо паспрабаваць нейкую яшчэ невядомую яму прычоску. Але ж што б Джулія ні рабіла са сваімі валасамі, Вуснаву падабалася. Дзякуючы гэтай палескай прыгажуні ён быў на сёмым небе ад шчасця.

Іх позіркі сустрэліся. Яны сядзелі блізка. Так блізка, што ў Вуснава пачало нешта разгарацца ўнутры. Нібыта хтосьці чыркнуў запалкай і доўга трымаў яе. Агеньчык быў маленькі. Але ж ён адзіны ў цемры. Успышка!

или неторопливо плывут суда. Такие он видел на Черном море — в Крыму, когда путешествовал в нулевых и еще раньше.

Но то были стальные маяки, а Джулия — она не стальная. По крайней мере, он хотел так думать. И сомневался. Ведь однажды она сама призналась, что есть какой-то холод в душе. Неужели вконец заглодела и стала равнодушна ко всему?

Но взгляд ее все так же гипнотичен, улыбчив и притягателен.

Ее глаза. Большие, голубые, бесконечные и чистые, пытливые и немного порочные (в хорошем смысле), подкорректированные жизнью. Однако это не смогло склонить ее на темную сторону. Наоборот, Джулия смогла удержаться и пережить всё. Хотя очень обижена.

Уснoв спросил какую-то мелочь, что — потом и сам не вспомнил. Он искал темы для разговора и поэтому скакал с одной на другую. Решил, что следует вернуться к их вчерашнему разговору. Найти там, где потерял.

— Как тебе сегодня спалось?

— Хорошо, спасибо.

— Ты же легла в два часа?

— Однако я хорошо спала. Обычно мне снятся плохие сны, о том, как мы с ним ругаемся, но на этот раз я чуть не проспала. Не хотелось открывать глаза. В половине восьмого проснулась — и ну быстренько собираться. Ведь нужно было успеть.

Джулия вставала рано. Ибо она сама была как утро. Утро не могло проспать само себя... Она была словно начало дня, общее начало чистой и светлой, необъятной и бесконечной жизни.

Цікава, а што думала яна?

Так не хацелася адрывацца ад гэтых вачэй, якія былі арыенцірам для Вуснава. Як маяк на беразе мора, адзінокі і белы, да якога спяшаюцца ці павольна плывуць судны. Такія ён бачыў на Чорным моры — у Крыме, калі вандраваў у нулявых і яшчэ раней.

Але ж то былі сталёвыя маякі, а Джулія — яна не сталёвая. Прынамсі, ён так мроіў. І сумняваўся. Бо аднойчы яна сама прызналася, што ёсць нейкі холад у душы. Няўжо захаладзела зусім і зрабілася абыякавай да ўсяго?

Але ўсё такі ж гіпнатычны, усмешлівы і прыцягальны яе позірк.

Яе вочы. Блакітныя і вялікія, бясконцыя і чыстыя, дапытлівыя і крышачку сапсаваныя (у добрым сэнсе), падкарэктаваныя жыццём. Але ж гэта не змагло схіліць яе на цёмны бок. Наадварот, Джулія здолела ўтрымацца і перажыць усё. Праўда, вельмі крыўдуе.

Вуснаў спытаў нейкую дробязь, што — потым і сам забыўся. Ён шукаў тэмы для размовы і таму скакаў з аднае на другую. Вырашыў, што трэба вярнуцца да іх учарашняй гутаркі. Знайсці там, дзе згубіў.

— Як табе спалася сёння?

— Добра, дзякуй.

— Ты ж лягла ў дзве гадзіны?

— Але ж я добра спала. Звычайна мне сняцца кепскія сны, пра тое, як мы з ім сварымся, але ж у гэты раз я ледзь не праспала. Не хацелася расплюшчваць вочы. А палове на восьмую прачнулася — і хуценька давай збірацца. Трэба ж было паспець.

Доброго утра, пробуждающего хорошее в каждом из нас!

Утра, которое возникает с первым лучом солнца, лесными птицами и перетекает в день. Прекрасный день! Рядом с Джулией ощущалась такая легкость, что Уснову казалось: он мог бы провести с ней всю оставшуюся жизнь. И ничего бы не потерял.

Потому что с другими женщинами он уже многое потерял, найдя что-то непостижимое.

Интересно, что она часто думает о нем, своем бывшем. Когда они ссорились, прожив почти пять лет вместе (и ребенок же был), гудел весь поселок. Это был скандал десятилетия. Случилась измена. Бывацкий, ее бывший муж, разгулялся не на шутку. С какой-то особой, дочерью бизнесмена — одного из богатейших людей не только в Великореченске, но и в Беларуси. Девушка Бывацкому приглянулась, даже очень. Однажды они остались наедине, пили вино...

А потом расстелили на полу одеяло.

Ну и кобель же он всё-таки, этот Бывацкий. В собственном доме на такое осмелиться! В доме, который вместе строили. Вкладывали столько сил. Джулия лично выбирала дизайн, материалы. Хоть бы отвез свою любовницу в гостиницу или агроусадьбу. Или еще куда.

Как говорится, без тормозов. Есть мужики тормознутые. А этот наоборот. Псих, или это вино так в голову ударило. Вино без вины. Ибо сейчас, спустя столько лет, он себя виноватым не считал, стал уже за ней приударять. Это были нападки не только на саму Джулию, но и на ее отца.

Джулія ўставала рана. Бо яна была сама як раніца. Раніца не магла праспаць сябе самау... Яна была як пачатак дня, агульны пачатак чыстага і светлага, неабдымнага і бясконцага жыцця.

Добрай раніцы, якая абуджае добрае ў кожным з нас!

Раніцы, якая з'яўляецца з першым промнем сонца, ляснымі птушкамі і перацякае ў дзень. Цудоўны дзень! Побач з Джуліяй адчувалася такая лёгкасць, што Вуснаву здавалася: ён мог бы правесці з ёй ўсё астатняе жыццё. І нічога б не згубіў.

Бо з іншымі жанчынамі ён ужо багата згубіў, штосьці незразумелае знайшоўшы.

Цікава, што яна часта думае пра яго, свайго былога. Калі яны сварыліся, пражыўшы амаль пяць гадоў разам (і дзіця ж было), гудзеў увесь пасёлак. Гэта была сварка дзесяцігоддзя. Здарылася здрада. Бывацкі, яе былы муж, разгуляўся не на жарт. З нейкай асобай, дачкой бізнесоўца — аднаго з багацейшых людзей не толькі ў Вялікарэчанску, але і ў Беларусі. Дзяўчына Бывацкаму прыйшлася даспадобы, вельмі даспадобы. Адноўчы яны засталіся сам-насам, пілі віно...

А потым разаслалі коўдру на падлозе.

Ну і распуснік ён усё ж такі, гэты Бывацкі. Ва ўласным доме — на такое адважыцца! У хаце, якую разам будавалі. Укладалі столькі сіл. Джулія асабіста выбірала дызайн, матэрыялы. Хаця б адвёз сваю палюбоўніцу ў гасцініцу ці аграсядзібу. Альбо куды яшчэ.

«Кому ты нужна, кто тебя возьмет!» — недавно кричал Бывацкий у нее во дворе, приехав, чтобы то ли помириться, то ли, наоборот, затеять еще большую ссору. И все это из-за того, что увидел около ее двора неместный БМВ, стоявший там уже неделю. Приревновал. На самом деле оказалось, что это к соседу гости приехали. А Бывацкий не знал. Поэтому были опасения, что станет нападать, кидаться. Случится драка.

Но до этого не дошло. Относительно мирно разошлись. И почему так совпало, что Уснoв и Бывацкий появились в ее жизни одновременно? А до этого спали как жито продавши. Один в столице, другой неподалёку — на соседней улице.

Или это биологические ритмы у мужчин такие?

Надолго пропадать, а потом, попытавшись с другой, возвращаться к истокам? Уснoв тоже вернулся домой после жизни с другой женщиной. И не так уж сладко с ней было. Потому и вернулся. И сразу же Джулию заприметил.

После визита Бывацкого Джулию еле успокоили родители. Мать очень беспокоилась за дочку. Звонила часто и спрашивала что и как. В прошлую среду девушка была очень растеряна. Уснoв отправил ей фотографии природы, его Амазонки.

Боже мой! Ей только 25! Какая же молоденькая! Как роза, как тюльпан, как ландыш — именно так, — который только что распустился и тянется к солнцу. Именно ландыш. В своем белом платье она была бесподобна, словно этот цветок. Так и хотелось взять на руки.

Як той казаў, без тармазоў. Ёсць мужыкі тармазнутыя. А гэты наадварот. Псіх, ці гэта тое віно так у галаву дало. Віно без віны. Бо зараз, праз столькі год, ён сябе вінаватым не адчуваў, пачынаў ужо да Джуліі заляцацца. А раней былі нападки не толькі на яе саму, але ж і на ейнага бацьку.

«Каму ты патрэбна, хто цябе возьме!» — нядаўна крычаў Бывацкі ў яе двары, калі прыехаў, каб ці то памірыцца, ці то, наадварот, усчаць яшчэ большую сварку. І гэта ўсё праз тое, што ўбачыў каля яе двара немясцовы БМВ, які там тыдзень стаяў. Прыраўнаваў. Насамрэч аказалася, што гэта да суседа госці прыехалі. А Бывацкі не ведаў. Таму асцерагаліся, што стане нападаць, кідацца. Выйдзе бойка.

Але ж да гэтага не дайшло. Адносна мірна разышліся. І чаму так супала, што Вуснаў і Бывацкі з'явіліся ў яе жыцці адначасова? А да гэтага спалі нібы муку прадаўшы. Адзін у сталіцы, другі непадалёк — на суседняй вуліцы.

Ці гэта біялагічныя рытмы ў мужчын такія?

Надоўга прападаць, а потым, паспрабаваўшы з іншай, вяртацца да вытокаў? Вуснаў таксама вярнуўся дадому пасля жыцця з іншай жанчынай. І не так салодка з ёй было. Таму і вярнуўся. І адразу Джулію запыркмеціў. І бачыў, што на яе мужчыны, як мухі на самы салодкі ў свеце мёд, ляцелі. Ізноў канкурэнцыя. У сталіцы за месца пад сонцам, за квадартны метр, на Палессі — за жанчын. Такі, відаць, закон жыцця, што за ўсё трэба змагацца.

Пасля візіту Бывацкага Джулію ледзь супакоілі бацькі. Маці вельмі непакоілася за дачку. Тэлефанавала часта і пыталася што і як. У мінулую сераду

И он вспомнил, как она сказала, что ее часто поднимали, но однажды уронили... Улыбнулся сам себе. Хочется верить, что хоть не на бетонный пол уронили.

А Джулия никак не могла позабыть об измене. И это было заметно по ее взгляду, который то устремлялся к Уснову, то опускался вниз.

— Что, он до сих пор не оставляет тебя в покое? — спросил Уснов.

— Я сильная, справлюсь... — ответила девушка.

Как все случилось, он точно не знал, и Джулия начала рассказывать, почему так сильно изменилась ее жизнь, а вместе с ней — фамилия и судьба.

— Когда подъехала к дому, жалюзи были опущены, забор еще не ставили.

Я увидела автомобиль дочери предпринимателя, — начала вспоминать красавица. — Представляешь, есть гараж, а он даже не спрятал машину.

Она его настолько опоила, что он не ориентировался во времени.

Хорошо, что родители были. Неизвестно, чем все могло закончиться.

— Сразу открыл?

— Нет, не хотел впускать. Моего отца, который относился к нему как к сыну, оскорбил: «Ты кто такой? Зачем сюда пришел?» Я взяла кирпич, поскольку он не открывал, и разбила окно.

Вот такая она была решительная, Джулия. Уверенно шла к любви. Так хотела знать правду о своем человеке. А могла бы развернуться и поехать к родителям. Показать гордость. Но она собственница. Или дело в желании добраться до истины и сделать себе больно?

Уснов так подумал, но не сказал вслух, потому что очень любил ее.

— Так ты попала в дом?

дзяўчына была вельмі збянтэжаная. Вуснаў даслаў ёй фотаздымкі прыроды, яго Амазонкі.

Божа мой! Ёй толькі 25! Якая ж маладзенькая! Як ружа, як цюльпан, як ландыш, што толькі распусціўся і цягнецца да сонца. Менавіта ландыш. У сваёй белай сукенцы яна была непараўнаная, нібы гэтая кветка. Так і хацелася ўзяць на рукі. І ён успомніў, як яна сказала, што яе часта падымалі, але ж аднойчы ўпусцілі... Усміхнуўся сам сабе. Хоць не на бетонную падлогу, хочацца верыць, што ўпусцілі.

А Джулія ніяк не магла забыцца на здраду. І гэта было відаць па яе позірку, які то скіроўваўся на Вуснава, то апускаўся долу.

— Што, ён дагэтуль не пакідае цябе ў спакоі? — запытаў Вуснаў.

— Я моцная, спраўлюся... — адказала дзяўчына.

Як усё здарылася, ён не ведаў дакладна, і Джулія пачала распавядаць, чаму так моцна змянілася яе жыццё, а разам з ім — прозвішча і лёс.

— Калі пад'ехала да дома, жалюзі былі апушчаныя, агароджу яшчэ не ставілі. Я ўбачыла аўтамабіль дачкі прадпрымальніка, — пачала ўспамінаць прыгажуня. — Уяўляеш, ёсць гараж, а ён нават не схаваў машыну. Яна яго настолькі апаіла, што ён не арыентаваўся ў часе.

Добра, што бацькі былі. Невядома, чым усё магло скончыцца.

— Адчыніў адразу?

— Не, не хацеў упускаць. Майго бацьку, які да яго як да сына ставіўся, абразіў: «Ты хто такі? Навошта сюды прыйшоў!?» Я ўзялася за цагліну, бо ён не адчыняў, і разбіла акно.

— Да. По комнате, которую он, разумеется, не запер, была разбросана одежда. Свечи горели в каминном зале. А на кухне — еда, алкоголь, который они не допили. Еще что-то, но я не присматривалась. У меня ведь тогда был шок.

— Ну и «Санта-Барбара» у вас, — сказал Уснв. — И что в итоге?

— Мы всё запротоколировали. Великореченск от всего этого целый год на ушах стоял. Потому что он обошелся со мной жестоко. Ну и она, его пассия, преследовала меня и выкобенивалась как могла, передо мной на машине раскатывала.

— А почему он тогда так повел себя, ты задумывалась?

— Не знаю точно. Он человек легкого поведения. Но, видишь, год прошел — и внутри у меня ничего нет, — она так сказала, а Уснв начал подозревать, что все осталось в ее памяти. Лишь немного приглушилось чувство.

Но говорить об этом он не стал. Не хотел нервничать лишний раз.

— Они не живут вместе, они как собаки, — проронила Джулия.

— Ну, я бы ребенка заделал...

— Она родила, но, скорее всего, не от него. Когда мы жили вместе, нам сказали, что детей больше не будет. Он мне об этом говорил, но для меня это было неважно. У меня есть ребенок, и всё — я на этот счет не беспокоилась. Но он загнал насчет этого всего. В столице, на Франциска Скорины, ему сказали, что у него опухоль мозга.

Он не сел за стол переговоров, не сказал ничего, не обсудил. Я на него не кричала, не ругалась, просто он будто испарился. Пошел расслаблять-

Вось такая яна была рапучая, Джулія. Упэўнена ішла да кахання. Так хацела ведаць праўду пра свайго чалавека. А магла б развярнуцца і паехаць да бацькоў. Паказаць гордасць. Але ж яна ўласніца. Ці гэта было жаданне дайсці да праўды і зрабіць сабе балюча?

Вуснаў так падумаў, але не сказаў услых, бо вельмі кахаў яе.

— Дык ты трапіла ў дом?

— Так. Па пакоі, які ён, зразумела, не зачыніў, было раскідана адзенне. Свечкі гарэлі ў каміннай зале. А на кухні — ежа, алкаголь, які яны не дапілі. Яшчэ штосьці, але я не прыглядалася. Бо ў мяне тады быў шок.

— Ну і «Санта-Барбара» ў вас, — сказаў Вуснаў. — І што ў выніку?

— Мы ўсё запратакаліравалі. Вялікарэчанск ад гэтага ўсяго цэлы год на вушах стаяў. Таму што ён абышоўся жорстка са мной. Ну і яна, ягоная пасія, пераследавала мяне і выкабеньвалася як магла, перада мною на аўто раз'язджала.

— А чаму ён тады так павёў сябе, ты задумвалася? — спытаў Вуснаў.

— Не ведаю дакладна. Ён лёгкіх паводзінаў чалавек. Але ж, бачыш, год прайшоў — і ўнутры ў мяне нічога няма, — яна так казалася, а Вуснаў пачаў падазраваць, што ўсё засталася ў яе памяці. Толькі крышачку прыглушылася пачуццё. Але ж гаварыць пра гэта ён не стаў. Не хацеў нервавацца лішні раз.

— Яны не живуць разам, яны як сабакі, — прамовіла Джулія.

— Ну, я б дзіцёнка зрабіў...

— Яна нарадзіла, толькі, мабыць, не ад яго. Калі мы жылі разам, нам казалі, што дзяцей больш не будзе. Ён мне пра гэта гаварыў, але ж для мяне тое

ся. Хотя не пил никогда. При мне. А до меня имел отношения с женщинами легкого поведения. С разными. Ясное дело, у него таких, как я, не было. И он три года — нет, пять лет — терпел. Терпел-терпел, а потом началось... Вот уж действительно, люди не меняются со временем. Я это поняла.

— Они лишь раскрываются...

— Просто играют нужную роль в определенный период. И все. Ты их ничем не удержишь, если они так воспитаны. Поэтому всё это грустно. Хотя нет, наоборот. Не то чтобы грустно. Зачем мне такое уже.

— В смысле «такое»?

— Ну, такое все непонятное. Вранье это бесконечное. Как он людей обманывал. Как к ним относился. Я не могла на это спокойно смотреть. Мне тяжело было. Я постоянно просила его проявить человечность.

— Однако благодаря ему у тебя все было...

— Ну что у меня было? Дом красивый, евроремонт. Подумаешь, дом... Я знаю, как деньги на него зарабатывались. Я вообще ни о чем не жалею.

— Может быть. Говорят, не бывает счастья в таких домах. Которые строились на «грязные» деньги. Даже если женщины там живут в достатке.

— Да, видишь, все это исчезло. Наказал Бог.

— А на кого был записан этот дом? На тебя?

— На его отца.

— Вот как хитро поступил.

— Да. Я говорила, мол, давай достроим, туда-сюда. Он отвечал: «Хорошо-хорошо...»

было няважна. У мяне ёсць дзіцёнак, і ўсё — я на гэты конт не турбавалася. Але ж ён загнаўся на конт гэтага ўсяго. У сталіцы, на Францыска Скарыны, яму казалі, што ў яго пухліна мозга.

Ён не сеў за стол перамоваў, не сказаў нічога, не абмеркаваў. Я на яго не крычала, не сварылася, проста ён нібы выпарыўся. Пайшоў расслабляцца. Хаця не піў ніколі. Пры мне. А да мяне меў стасункі з жанчынамі лёгкіх паводзінаў. З рознымі. Зразумела, што ў яго такіх, як я, не было. І ён тры гады — не, пяць гадоў — цярпеў. Цярпеў-цярпеў, а потым зноў пачалося... Вось сапраўды, людзі не мяняюцца з цягам часу. Я гэта зразумела.

— Яны толькі раскрываюцца...

— Проста выконваюць неабходную ролю ў пэўны перыяд. І ўсё. Ты іх нічым не ўтрымаеш, калі яны так выхаваны. Таму гэта ўсё сумна. Хаця не, наадварот. Не тое каб сумна. Навошта мне такое ўжо.

— У сэнсе «такое»?

— Ну, такое ўсё незразумелае. Хлусня гэтая бяскончая. Як ён людзей падманваў. Як да іх ставіўся. Я не магла на гэта спакойна глядзець. Мне цяжка было. Я пастаянна прасіла яго праявіць чалавечнасць.

— Але ж дзякуючы яму ў цябе ўсё было...

— Ну што ў мяне было? Дом прыгожы, еўрарамонт. Падумаеш, дом... Я ведаю, як грошы на яго зарабляліся. Я ўвогуле ні пра што не шкадую.

— Можа быць. Кажуць, што пчасця не бывае ў такіх дамах. Што будаваліся на «брудныя» грошы. Нават калі жанчыны там жывуць у дастатку.

Вдруг дверь отворилась и в кабинет вошла Абрамовна. Она положила две шоколадные конфеты на стол Джулии и сказала:

— Тебе тоже парочку.

— А мне? — шутя спросил Уснoв.

— И тебе положила, — ответила Абрамовна.

— Так ведь я здесь и не вижу ничего.

— Тебе положила там, на столе, — отрезала женщина.

— Абрамовна же не знала, что ты здесь, — сказала Джулия.

— Сейчас все будут шептаться... — сказал Уснoв, когда Абрамовна вышла.

— Нет, Антон тоже ко мне заходит, все ко мне заходят... — успокоила его Джулия.

— Он вообще хитро поступил, тебя с носом оставил.

— Я думала, что он не уверен во мне, потому что кто-то может меня «подобрать» — взять замуж — и я соглашусь. А оказывается, вот в чем дело: он был не уверен в себе.

— Шоколадные. С чем они, эти конфеты? — Уснoв попробовал сменить тему.

— Возьми одну, — ответила Джулия.

Ее тоненький голосок сводил его с ума.

— Нет, не буду.

Он и так позволил себе съесть конфету из ее рук день назад. Очень приятно было, конечно. Но этот шоколад... Кроме того, дело было не только в этом. Шоколад ему в принципе не рекомендовали.

— Потом расскажу, может, почему мне нельзя шоколад, — пояснил Уснoв.

— Так, бачыш, усё яно знікла. Наказаў Бог.
 — А на каго быў запісаны гэты дом? На цябе?
 — На яго бацьку.
 — Вось як хітра зрабіў.
 — Так. Я гаварыла, маўляў, давай дабудуем, туды-сюды. Ён казаў: «Добра-добра...»
 Раптоўна дзверы адчыніліся і ў кабінет увайшла Абрамаўна. Яна паклала дзве шакаладныя цукеркі на стол Джуліі і сказала:
 — Табе таксама парачку.
 — А мне? — жартам запытаў Вуснаў.
 — І табе паклала, — адказала Абрамаўна
 — Дык я ж тут і не бачу нічога.
 — Табе паклала там, на сталe, — адрэзала жанчына.
 — Абрамаўна ж не ведала, што ты тут, — прамовіла Джулія.
 — Зараз усе будуць шаптацца... — сказаў Вуснаў, калі Абрамаўна выйшла.
 — Не, Антось да мяне таксама заходзіць, ўсе да мяне заходзяць... — супакоіла яго Джулія.
 — Ён увогуле хітра паступіў, цябе з носам аставіў.
 — Я думала, што ён не ўпэўнены ўва мне, таму што нехта можа мяне «падабраць» — узяць замуж — і я пагаджуся. А аказваецца, вось у чым справа: ён быў не ўпэўнены ў сабе.
 — Шакаладныя. З чым яны, гэтыя цукеркі? — Вуснаў паспрабаваў змяніць тэму.

А она снова вернулась к предыдущему разговору:

— Вот так все вышло. Сказать, что у меня какие-то чувства, — нет. Просто все дело, Уснoв, в oбщeм ребенкe.

— Вы встречались?

— Да. Но я не планировала ребенка. Я была на третьем курсе. Как только я сказала, что еду в Германию, на стажировку в отделение казначейства, — все. Просто он был такой: опухоль — и все.

— А как ты здесь оказалась? Ты же в банке была...

— Я в банке по своей специальности не работала ни дня.

— Ты после универа сюда?

— После универа, на четвертом курсе. У меня уже появился сын.

— Короче, бандит.

— Ну, нехороший человек, совсем, — и она заулыбалась.

В голову Уснова закралась мысль, что Джулия продолжала любить бывшего. Она говорила о нем гадости, но в ее голосе не было никакой ненависти.

Только сейчас Уснoв это почувствовал. А раньше, слушая, не обращал внимания. Ну было и было, должно пройти. А если учитывать, что этот скандал, эта измена случилась не так давно, все еще могло возобновиться.

Одно из двух: либо она хочет вернуться к нему и просто ждет удобного момента, либо у нее просто такой голос — даже о дурных людях она не может со злостью.

Однако что-то тут не сходится. Скорее всего, ей просто очень больно, но, несмотря на это, она хочет показать всему миру, что может существовать

— Вазьмі адну, — адказала Джулія.
Яе тоненькі галасок зводзіў яго з розуму.
— Не, не буду.
Ён і так дазволіў сабе з’есці цукерку з яе рук дзень таму. Вельмі прыемна было, канечне. Але ж гэты шакалад... Апроч таго, справа была не толькі ў гэтым. Шакалад яму ўвогуле не рэкамендаваў.
— Потым раскажу, можа, чаму мне нельга шакалад, — патлумачыў Вуснаў.
А яна зноўку вярнулася да папярэдняй размовы:
— Вось так атрымалася ўсё. Скажаць, што ў мяне нейкія пачуцці, — не. Проста праз тое, Вуснаў, што агульны дзіцёнак.
— Вы сустракаліся?
— Так. Але я не планавала дзіця. Я была на трэцім курсе. Як толькі я сказала, што еду ў Германію, на стажыроўку ў аддзяленне казначэйства, — усё. Проста ён быў такі: пухліна — і ўсё.
— А як ты тут апынулася? Ты ж у банку была...
— Я ў банку па сваёй спецыяльнасці не працавала ні дня.
— Ты пасля ўніверу сюды?
— Пасля ўніверу, на чацвёртым курсе. У мяне ўжо з’явіўся дзіцёнак.
— Карацей, бандыт.
— Ну, нядобры чалавек, зусім, — і яна заўсміхалася.
У галаву Вуснава закралася думка, што Джулія працягвала любіць былога. Яна казалася пра яго гадасці, але ж ў яе голасе не было ніякай нянавісці.

без него. Иначе не вспоминала бы так часто о прошлом. Об этом плохом человеке.

Вот первая девушка Уснова, возможно, тоже приняла за измену его поведение. Так она даже в черный список его номер внесла. И ни встречаться, ни разговаривать совсем не желает. Нужно снова искать и брать быка за рога.

Ненавидит, причем серьезно. Хотя тоже добрый человек — его первая. А Джулия что-то скрывает. Не хочет обнажать, как говорится. Ох уж эта женская ненависть. Наверное, между ненавистью и любовью следует поставить знак равенства. Так как в обоих случаях все одинаково.

— А где ты сейчас хороших людей видела?

— Да, — согласилась Джулия. — Просто такая была судьба — связаться с ним. Я не знала. Если бы знала... Уже тогда была ложь. Он однажды не посоветовался со мной. Но я это не восприняла всерьез. Думала, хорошо, пусть семья будет. А оно вон как все получилось... У нас родился ребенок, а я же еще училась, понимаешь. Я считаю, чтобы на это отважиться, нужно взаимное согласие.

— А ты куда смотрела?

— Хм, — ухмыльнулась она.

— Хм, — ответил он.

— Я спрашивала, это обсуждалось. Ладно, все... Что было, то прошло. Последние слова она произнесла медленнее, тонким голосом, от которого у Уснова потеплело на душе.

Толькі зараз Вуснаў гэта адчуў. А раней, слухаючы, не звяртаў увагі. Ну было і было, павінна прайсці. А калі ўлічыць, што гэты скандал, гэтая здрада адбылася не так даўно, ўсё яшчэ магло аднавіцца.

Адно з двух: або яна хоча вярнуцца да яго і проста чакае зручнага моманту, або ў яе проста такі голас — нават пра брыдкіх людзей яна не можа са злосцю.

Але ж штосьці тут не сыходзіцца. Хутчэй за ўсё, ёй проста вельмі балюча, але, нягледзячы на гэта, яна хоча паказаць усяму свету, што можа існаваць без яго. Інакш не ўспамінала б так часта пра мінулае. Пра гэтага дрэннага чалавека.

Вунь першая дзяўчына Вуснава, мабыць, таксама прыняла за здраду ягоныя паводзіны. Дык тая ажно ў чорны спіс яго нумар унесла. І ні сустракацца, ні размаўляць зусім не хоча. Трэба зноў шукаць і браць быка за рогі.

Ненавідзіць, прычым сур'ёзна. Хаця таксама добры чалавек — ягоная першая. А Джулія нешта ўтойвае. Не хоча агаляць, як кажуць. Ох ужо гэтая жаночая нянавісць. Мабыць, паміж нянавісцю і каханнем трэба ставіць знак роўнасці. Бо ў абодвух выпадках усё аднолькава.

— А дзе ты зараз добрых людзей бачыла?

— Але, — згадзілася Джулія. — Проста такі быў лёс — звязацца з ім. Я не ведала. Калі б ведала... Ужо тады была хлусня. Ён аднойчы не параіўся са мной. Але ж я гэта не ўспрыняла ўсур'ез. Думала, добра, няхай сям'я будзе. А яно вось як усё атрымалася... У нас нарадзілася дзіця, а я ж яшчэ вучылася, разумееш. Я лічу, што, каб на гэта адважыцца, патрэбна ўзаемная згода.

— Моя знакомая из Гомеля так же поступила. Родила для себя, а с ним не живет. Кстати, она деньги любит. Вы, красивые, все любите их, — мимолетная улыбка появилась на его лице.

— Сейчас все в деньги упирается. Сейчас это средство...

— Ребенку нужно хотя бы сто долларов подарить. Данику, моему крестнику. Любите вы все имена зарубежные, женщины. Ты тоже... Надо будет Данику подарить деньги, в гости съездить.

Уснов наконец подошел к тому, что хотел сказать:

— Так вот, она детей совсем от разных отцов родила. И ничего — очень хорошо себя чувствует.

— Ну да... У некоторых цель — семью не создавать: ребенок, и все.

— А потом говорю ей: «Давай еще одного рожай». А она отвечает: «Я что, свиноматка? Столько детей...» Надоело ей уже. Она не живет с этими мужиками, но поддерживает с ними связь. И называет их «любимый», «мой дорогой». Однако на алименты подала. Отношения отношениями, а алименты плати.

Джулия ответила:

— Но, видимо, это их устраивает. Выяснение отношений — потому что он не платит — еще тяжелее. При расставании — если он с ребенком видится — никто еще не пропал. Почему бы и нет. Не останется один. Поддержку всегда можно найти.

— Так они сейчас не вместе? — спросил Уснов, опять возвращаясь к ее личной истории.

— А ты куды глядзела?
— Хм, — усміхнулася яна.
— Хм, — адказаў ён.
— Я пытала, гэта абмяркоўвалася. Ладна, ўсё... Тое, што было — прайшло. Апошнія словы яна прамовіла павольней, тонкім галаском, ад якога. ў Вуснава пацяплела на душы.
— Мая знаёмая з Гомеля гэтак жа зрабіла. Нарадзіла для сябе, а з ім не жыве. Дарэчы, яна грошы любіць. Вы, прыгожыя, ўсе любіце іх, — мималётная ўсмішка з’явілася на яго твары.
— Зараз усё ў грошы упіраецца. Зараз гэта сродак...
— Дзіцяці трэба хаця б сто даляраў падарыць. Даніку, майму хросніку. Любіце ўсе вы імёны замежныя, жанчыны. Ты таксама... Трэба будзе Даніку падарыць грошы, у госці з’ездзіць.
Вуснаў нарэшце падышоў да таго, што хацеў сказаць:
— Дык вось, яна дзяцей зусім ад розных бацькоў нарадзіла. І нічога — вельмі добра сябе адчувае
— Ну так... У некаторых мэта — сям’ю не ствараць: дзіця, і ўсё.
— А потым кажу ёй: «Давай яшчэ аднаго нараджай». А яна адказвае: «Я што, свінаматка? Столькі дзяцей...» Ужо ёй надакучыла. Яна не жыве з гэтымі мужыкамі, але ж падтрымлівае з імі сувязь. І называе іх «любімы», «мой дарагі». Аднак жа на аліменты падала. Адносіны адносінамі, а аліменты плаці.
Джулія адказала:

— Его любовница живет сейчас у своей матери, а он — у себя. А дом стоит пустой. Точно не знаю, но мне так говорили. Ну, они так воспитаны. У них нет цели — чтобы семья, или что. Да и см предприниматель 23-летнюю взял, 60-летний дед. Родила она ему ребенка. Короче говоря, у них своя «Санта-Барбара».

— Что же тут плохого, присмотрит девушка за ним. Что главное для мужчины? Много денег.

Зазвонил телефон. Это была начальница.

— Пойдем вместе, — сказала Джулия, направляясь к двери.

— Мне тоже нужно идти? — спросил Уснв.

— Нет, только мне, — ответила Джулия.

Уснв вернулся к себе и занялся ежедневными хлопотами. Но больше всего ему хотелось никуда не отпускать ее — ни к кому. Чтобы она всегда была рядом, вот здесь, с ним. Эта мысль вдохновляла его и делала счастливым.

Уснв начал копаться в своих делах, как белка, что перебирает шишки и обсасывает их со всех сторон. Он и правда был похож на этого зверька: крутился каждый день в колесе — практически без передышки и свободного времени. И только его Амазонка и Джулия вызывали такую сильную жажду жизни. Появилось много планов.

Что-то долго Джулия не возвращалась. А он так много хотел ей сказать. Поделиться сокровенным, удивить, чем-то вдохновить или самому вдохновиться. Ведь она была его музой. Такая непокорная муза. Однако, разумеется, он желал ее всю. Целиком, без остатка. Но она не поддавалась.

— Але ж, напэўна, іх гэта задавальняе. Высвятленне адносін — таму што ён не плаціць — яшчэ цяжэй. Пры раставанні — калі ён з дзіцёнкам бачыцца — ніхто яшчэ не прапаў. Чаму б не. Не застанецца адзін. Падтрымку заўсёды можна знайсці.

— Дык яны зараз не разам? — запытаў Вуснаў, ізноў вяртаючыся да яе асабістай гісторыі

— Яго каханка жыве зараз у сваёй маці, а ён — у сябе. А дом стаіць пусты. Дакладна не ведаю, але ж мне так казалі. Ну, яны так выхаваныя. У іх няма мэты — каб сям'я, ці што. Ды і сам прадпрымальнік 23-гадовую ўзяў, 60-гадовы дзед. Нарадзіла яна яму дзіця. Карацей кажучы, у іх свая «Санта-Барбара».

— Што ж тут дрэннага, дагледзіць дзяўчына за ім. Што галоўнае для мужчыны? Грошай шмат.

Зазваніў тэлефон. Гэта была начальніца.

— Пойдзем разам, — сказала Джулія, накіроўваючыся да дзвярэй.

— Мне таксама трэба ісці? — спытаў Вуснаў.

— Не, толькі мне, — адказала Джулія.

Вуснаў вярнуўся да сябе і заняўся штодзённымі клопатамі. Але ж больш за ўсё ён хацеў нікуды не адпускаць яе — ні да кога. Каб яна заўсёды была побач, вось тут, з ім. Гэтая думка нягхняла яго і рабіла шчаслівым.

Вуснаў пачаў корпацца ў сваіх справах, як вавёрка, што перабірае шышкі і абсмоктвае іх з усіх бакоў. Ён і сапраўды быў падобны да гэтага звярка: круціўся кожны дзень у коле — амаль без перадыху і свабоднага часу. І толькі яго Ама-

— Даже и не думай, у нас с тобой исключительно рабочие отношения, — как-то сказала она.

И от этих слов у Уснова все перевернулось в душе. Ведь он хотел чего-то большего. А она, судя по всему, была против. Видимо, он ей не нравился. Морально Уснов был уже готов поцеловать ее. Физически нет, ведь не был таким уж ловеласом, в отличие от бывшего или, может, теперь снова нынешнего мужика.

И этот день настал. День поцелуя. Великой, разрушительной энергетической силы, что сносит все на своем пути. День силы любви. Девятнадцатое число.

Он сидел за компьютером и искал какие-то детали. Долго не мог найти нужные, копошился, ерзал — был так суетлив. Знал, что эти детали есть, однако, где они конкретно, не мог вспомнить.

— Как можно скорее необходимы эскизы деталей, — подгонял, сидя поодаль, узкоглазый Антон. — Мы их уже собираемся пускать в работу.

— Хорошо, ищу, — ответил Уснов.

Он углубился в работу и снова принялся смотреть на монитор.

Уснов перебирал папки в поисках этих деталей. Интересно, что остальные эскизы были на месте, а нужный не находился. Вот, как всегда, закон подлости. Чем больше Уснов копался, тем меньше понимал, что происходит. Он думал, что, может, кто-то случайно эти детали куда скинул себе. Но эти мысли гнал прочь...

К Антону зашла Джулия. Она что-то сказала, но Уснов не расслышал что. Так часто бывало, что он отключался от всего мира. Присутствие Джулии

зонка і Джулія выклікалі такую моцную прагу жыцця. З’явілася шмат планаў. Нешта доўга Джулія не вярталася. А ён так шмат хацеў ёй сказаць. Падзяліцца заповітным, здзівіць, нечым натхніць ці самому натхніцца. Бо яна была яго музай. Такая непакорная муза. Аднак, зразумела, ён хацеў яе ўсю. Цалкам, без астатку. Але яна не паддавалася.

— Нават і не думай, у нас з табой выключна рабочыя адносіны, — неяк сказала яна.

І ад гэтых слоў у Вуснава ўсё перавярнулася ў душы. Бо ён хацеў чагосьці большага. А яна, мяркуючы па ўсім, была супраць. Відаць, ён ёй не падабаўся. Маральна Вуснаў быў ужо гатовы пацалаваць яе. Фізічна не, бо быў не такі і лавелас, у адрозненні ад былога ці мо ўжо зноў цяпершняга мужыка.

І гэты дзень настаў. Дзень пацалунка. Вялікай, разбуральнай энергетычнай сілы, якая зносіць усё на сваім шляху Дзень сілы кахання. Дзевятнацатае чысло.

Ён сядзеў за камп’ютарам і спрабаваў знайсці нейкія дэталі. Доўга не мог натрапіць на патрэбныя, кешкаўся, круціўся — быў такі мітуслівы. Ведаў, што гэтыя дэталі ёсць, але ж, дзе яны дакладна, не мог успомніць.

— Як найхутчэй патрэбныя эскізы дэталей, — падганяў, седзячы паводдаль, вузкавокі Антось. — Мы іх ужо збіраемся пускаць у работу.

— Добра, шукаю, — адказаў Вуснаў.

Ён паглыбіўся ў працу і зноў пачаў глядзець на манітор.

Вуснаў перабіраў папкі ў пошуках гэтых дэталей. Цікава, што астатнія эскізы былі на месцы, а патрэбны не знаходзіўся. Вось, як заўсёды, закон подласці.

способствовало этому. Она делала его счастливым.

Уснoв повернулся и встретился с ней взглядом, но не нашел в ее глазах поддержки, так необходимой ему. Хорошо хоть, что бросила мимолетный взгляд. Такой улыбчивый. Звездный. Немного исподлобья. Любимая собственница.

Ах очаровательная Джулия! Стало легче на душе.

— Этот, вот этот и вот еще. Да, давай поставим вот такие, — сидя за столом Антона закинув ногу за ногу, говорила Джулия.

Она то ли надиктовывала, то ли проверяла что-то.

Антон обратился к Уснoву:

— Не забудь посмотреть детали.

То ли он хотел отвлечь его от Джулии, то ли так действительно было нужно, только Уснoв и не думал останавливаться. Он мог справляться с несколькими делами одновременно. Получать удовольствие от ее очарования и работать.

— Хорошо, смотрю, я их готовлю, эти эскизы, главное — спокойствие, Антон, — ответил Уснoв, поглядывая на Джулию.

Потом он переключился на монитор, но его мысли были заняты лишь ее красотой.

Через несколько минут девушка ушла. Они не сказали друг другу и пары слов. Но это было и не нужно. Достаточно ее взгляда или просто быть рядом. У Уснoва на душе полегчало. С ее приходом произошел какой-то духовный катарсис. Слово неведомая сила им руководила. Вдохновляющая и возбуждающая сила. Она была в нем.

Чым больш Вуснаў корпаўся, тым меней разумеў, што адбываецца. Ён думаў, што, можа, хто выпадкова гэтыя дэталі куды скінуў сабе. Але гэтыя думкі адганяў прэч...

Да Антося зайшла Джулія. Яна штосьці сказала, але Вуснаў не пачуў што. Такое часта бывала, што ён адключаўся ад усяго свету. Прысутнасць Джуліі спрыяла гэтаму. Яна рабіла яго шчаслівым.

Вуснаў павярнуўся і стрэў яе погляд, але ж не знайшоў у вачах Джуліі падтрымкі, такой неабходнай яму. Добра, што хоць мімаходзь кінула позірк. Такі ўсмішлівы. Зоркавы. Крыху з-пад ілба. Любімая ўласніца.

Ах чароўная Джулія! Стала лягчэй на душы.

— Гэты, вось гэты і вось яшчэ. Так, давай паставім вось такія, — седзячы за сталом у Антося закінуўшы нагу за нагу казала Джулія.

Яна нешта ці то надыхтоўвала, ці то правярала.

Антось звярнуўся да Вуснава:

— Не забудзь паглядзець дэталі.

Ці то ён хацеў адцягнуць яго ўвагу ад Джуліі, ці сапраўды так патрэбна было, але ж Вуснаў і не збіраўся спыняцца. Ён мог рабіць некалькі спраў адначасова. Атрымліваць асалоду ад яе хараства і працаваць.

— Добра, гляджу, я іх рыхтую, гэтыя эскізы, галоўнае — спакой, Антось, — адказаў Вуснаў, паглядаючы на Джулію.

Потым ён пераключыўся на манітор, але яго думкі займала толькі яе прыгажосць.

Прозрение. Джулия, ее красота означали для Уснова сброшенные оковы. Словно до ее появления носил кандалы, а сейчас они сорвались. Просто растворились в воздухе. Как в том мультике — под мелодичную музыку Бр р ры ы ым — и нету!

И она помогла. Наконец он отыскал необходимые эскизы.

— Эврика! — воскликнул Уснов.

Он встал со всего места и пошёл к ней. Мимо Антона, туалета — по коридору. Светлому такому. Уснов любил этот коридор. Со скрипучими половицами, но по-свойски добрый. И хотя в нем было всего одно окно, он казался куда более светлым, чем другие такие же коридоры, каких Уснов перевидал сотни: министерств, молочно-товарных ферм, инспекций. Со своими разными запахами и настроением, движением. Ведь есть такие коридоры, где совсем нет людей, словно они попрятались и чего-то стесняются, а есть — где весело и многолюдно, временами даже сложно разминуться.

Что-то нужно было взять, чтобы прийти к ней. Он прихватил блокнот. «Нет, можно было и так идти, — думал он. — Еще искать повода... И так все понятно. Если бы хотела, то прогнала бы». Ноги, как шальные, сами несли к ней. Как магнитом притягивало. Какие-то неведомые волны, лучи шли от ее кабинета.

Они беспрестанно проходили через две, нет — три или четыре толстенные стены, что их разделяли.

— Тебя уже отпустили? — спросил он, видя Джулию за столом и аккуратно затворяя за собой дверь.

Праз некалькі хвілін дзяўчына сышла. Яны не сказалі адзін аднаму і пары слоў. Але гэта было і не патрэбна. Дастаткова яе позірку ці проста быць побач. У Вуснава на душы палягчэла. З яе прыходам адбыўся нейкі духоўны катарсіс. Нібы невядомая сіла ім кіравала. Натхняльная і ўзбуджальная сіла. Яна была ў ім.

Празрэнное. Джулія, яе прыгажосць азначалі для Вуснава скінутыя аковы. Нібыта да яе з'яўлення насіў кайданы, а зараз яны сарваліся. Проста растварыліся ў паветры. Як ў тым мулыціку — пад меладычную музыку. Бр р ры ы ым — і няма! І яна дапамагла. Урэшце ён знайшоў неабходныя эскізы.

— Эўрыка! — усклікнуў Вуснаў.

Вуснаў падняўся са свайго месца і пакрочыў да яе. Міма Антося, прыбіральні — па калідоры. Светлым такім. Ён любіў гэты калідор. З рыплівымі масніцамі, але ж па-свойску добры. І хаця ў ім было ўсяго адно акно, ён здаваўся куды святлейшым, чым іншыя такія ж калідоры, якіх Вуснаў пабачыў сотні: міністэрстваў, малочна-таварных ферм, інспекцый. Са сваімі рознымі пахамі і настроем, рухам. Бо ёсць такія калідоры, дзе зусім няма людзей, нібы яны пахаваліся і чагось саромеюцца, а ёсць — дзе весела і шматлюдна, часам нават цяжка размінуцца.

Нешта трэба было ўзяць, каб прыйсці да яе. Ён прыхапіў бланкот. «Не, можна было і так ісці, — думаў ён. — Яшчэ шукаць нагоды... І так усё зразумела. Хацела б, дык прагнала б». Ногі, нібы шалёныя, самі неслі да яе. Нібы магнітам прыцягвала. Нейкія невядомыя хвалі, промні ішлі ад яе кабінета.

— Да, мы беседовали, обсуждали план... — ответила она своим солнечным голосом.

— Все хорошо?

— У меня с планами и их выполнением никогда не бывает проблем, — она была уверена в себе.

Уснoв не собирался задавать Джулии много вопросов, так как очень хотел осуществить задуманное. И ему было все равно, что она потом сделает, каких действий ждать от нее. Так как любил безответно. И понимал: нужно подготовиться к тому, что девушка будет способна на все.

Ай! Пусть хоть исцарапает ногтями, побьет по лицу, только бы глаза не выколола. Иначе как тогда он будет любоваться ее красотой и творить? На ощупь вряд ли получится. А может, наоборот лучше, ведь тогда придется касаться. Обвивать руками ее изящный стан, гладить плечи, шею. Чтобы не потерять в потоке жизни.

Но сейчас Уснoв хорошо ее видел, словно охотник птицу. Только что-то растерялся. Стеснялся смотреть проникающим взглядом, как делал обычно. Так теряется стрелок, держа на мушке свою жертву. В глазах стало мутнеть. Вот если бы она ответила взаимностью...

Уснoв поцеловал Джулию в щеку. Впервые. Быстро-быстро. Но она не ответила. Когда он подошел ближе — немного отпрянула в сторону. Молча. Но позволила ему дотронуться губами до своей щеки — и то хорошо. Не упиралась ладонями. Не махала руками. Хотя могла бы. А может, она просто растерялась, потому что никто еще так ее не любил.

Яны бесперабойна праходзілі праз дзве, не — тры ці чатыры таўшчэзныя сцены, якія іх аддзялялі.

— Цябе ўжо адпусцілі? — запытаў ён, бачачы Джулію за сталом і акуратна закрываючы за сабою дзверы.

— Так, мы гутарылі, абмяркоўвалі план... — адказала яна сваім сонечным голасам.

— Усё добра?

— У мяне з планамі і іх выкананнем ніколі не бывае праблем, — яна была ўпэўнена ў сабе.

Вуснаў не збіраўся задаваць Джуліі шмат пытанняў, бо вельмі хацеў зрабіць тое, што намерзіў. І яму было ўсё роўна, што яна потым зробіць, якіх дзеянняў чакаць ад яе. Бо кахаў безадказна. І разумеў: трэба падрыхтавацца да таго, што дзяўчына будзе здольная на ўсё.

Ай! Хай хоць падрапае ногцамі, паб'е па твары, толькі б не выкалала вочы. Бо тады як ён далей будзе любавання яе прыгажосцю і тварыць? Навобмац наўрад ці атрымаецца. А можа, наадварот лепш, бо прыйдзеца тады кранацца. Абхопліваць рукамі яе зграбны стан, гладзіць плечы, шыю. Каб не згубіць у плыні жыцця.

Але ж зараз Вуснаў яе добра бачыў, як паляўнічы птушку. Толькі нешта разгубіўся. Саромеўся глядзець пранікальным позіркам, як звычайна рабіў. Так губляецца стралок, калі трымае на мушцы сваю ахвяру. У вачах пачало мутнець... Вось калі б яна адказала ўзаемнасцю...

Именно, она привыкла, скорее, к жестокости. Ну, не к такой любви уж точно. Ведь ее чувство, наверное, утонуло в быту, во всяких мелочах. Домашние хлопоты. Словно она сама себе не принадлежала. И все, что сейчас произошло, было необычно для нее а в таких обстоятельствах — впервые. Для него — нет. И он знал, чем все закончится. Было несколько вариантов, которые Уснов держал при себе.

Он сразу же, как только дотронулся до любимой, почувствовал тепло ее щеки. И аромат. Такой «вкусный», стойкий аромат, напоминающий запах хлеба. Уснова наполнила какая-то легкость. Такой яркий, колоритный аромат он ощущал от сирени, что однажды заметил неподалеку от пекарни на улице Заводской. Там пекли хлеб. Недавно проезжал рядом и принюхивался.

Каждый сантиметр ее тела, такого трепетного, под этим тонюсеньким летним белым платьем, каждая капелька, к которой не прикоснулся, — один из сотен маленьких цветков сирени, что цвел в мае в любимых местах Уснова.

А вся сирень — воплощение ее самой. Майское растение, что неожиданно и сразу расцветает сотнями душистых, сочных брызг. Голубых. В этом ансамбле одинаковых по голубизне, но различных по оттенку и форме цветов он увидел такую же красоту. Красоту всей страны.

От небольшого кустика пахло так приятно (на всю окрестность), что это благоухание дурманило. Нет, даже не дурманило. Оно тихонько окрыляло Уснова. Никто не замечал этот кустик, никто хорошо не принюхивался и, разумеется, не прислушивался, о чем он шепчет. Его разве что ре-

Вуснаў пацалаваў Джулію ў шчаку. Упершыню. Хутка-хутка. Але ж яна не адказала. Калі ён падышоў бліжэй — адхілілася лёгенька ўбок. Моўчкі. Але ж дазволіла яму дакрануцца вуснамі да сваёй шчакі — і тое добра. Не ўпіралася далонямі. Не махала рукамі. Хаця магла б. А можа, яна проста разгубілася, бо ніхто яшчэ так яе не любіў?

Менавіта, яна прывыкла, хутчэй, да жорсткасці. Ну, не да такога кахання дакладна. Бо яе пачуццё, мабыць, патанула ў быццё, ва ўсякіх дробязях. Хатнія клопаты. Нібыта яна сама сабе не належала. І ўсё, што зараз адбылося, было незвычайна для яе, а ў такіх абставінах — упершыню. Для яго — не. І ён ведаў, чым усё скончыцца. Было некалькі варыянтаў, якія трымаў Вуснаў трымаў пры сабе.

Ён адразу, як толькі дакрануўся да каханай, адчуў цеплыню яе шчакі. І водар. Такі «смачны», стойкі водар, падобны да паху хлеба. Вуснава напоўніла нейкая лёгкасць. Такі яркі, каларытны водар ён адчуваў ад бэзу, што аднойчы заўважыў недалёка ад пякарні на вуліцы Завадской. Там пяклі хлеб. Нядаўна праязджаў побач і прынюхваўся.

Кожны сантыметр яе цела, такога трапяткога, пад гэтай танюсенькай летняй белай сукенкай, кожная кропелька, да якой не дакрануўся, — адна з соцень маленькіх кветак бэзу, што цвіў у маі ў любімых мясцінах Вуснава.

А ўвесь бэз — увасабленне яе самой. Майская расліна, што нечакана і адразу расцвітае сотнямі пахучых, сакавітых пырскаў. Блакітных. У гэтым ансамблі аднолькавых па блакітнасці, але ж розных па адценні і форме кветак ён убачыў такую ж прыгажосць. Прыгажосць усёй краіны.

гулярно, с определенной периодичностью подрезали. Держали, короче, в порядке и чистоте. На то и были они службами коммунальными. Кстати, нужно заметить, что работали безупречно и качественно. Великореченск являлся, пожалуй, лучшим по красоте и ухоженности в области поселком. А сейчас для Уснова — самым лучшим в мире.

Полонез Полесья как первый робкий поцелуй. Полонез, под который на окраине леса возникли дома великореченцев и наблюдают за тем, как подрастают капуста, морковка, укроп, лук, свекла и, конечно же, картошка. Поднялись и пустились вверх. Разбудили своим свежим запахом ощущение чего-то необычного.

Ах, этот сегодняшний ночной дождь! Побарабанил так, что наверстал прошлые годы. Вместе со своими дождями-друзьями последних дней дал новую жизнь этой земле. В огородах, на полях бескрайнего Полесья — повсюду поднялось ввысь!

Раньше из-за жары происходила массовая гибель урожая. Особенно страдали сельскохозяйственные животные и лесное хозяйство.

Полонез дождя! И дал же ты нашим увядшим огородным «жителям» как следует выпрямиться! Спасибо тебе, полонез дождя! Уже хором поют во время подготовки к сезону грибы и ягоды, что для полешуков были и будут много веков, пожалуй, одним из основных средств к существованию. Смотри, дождь, только не перестарайся. Не нужно все вокруг заливать так, чтобы нельзя было выйти из дому. Чтобы те, кто хотел работать или загорать на полесском солнце, хоть в огороде (ибо это особая работа, где необходимо терпение), могли свои желания воплотить.

Ад невялічкага кусціка пахла так прыемна (на ўсё наваколле), што гэты водар дурманіў. Не, нават не дурманіў. Ён ціхенька акрыляў Вуснава. Ніхто не заўважаў гэты кусцік, ніхто добра не прыняохваўся і, зразумела, не прыслухоўваўся, пра што ён шэпча. Яго хіба што рэгулярна, з пэўнай перыядычнасцю падразалі. Трымалі, карацей, у парадку і чысціні. На тое і былі яны службы каммунальныя. Дарэчы, трэба заўважыць, што працавалі беззаганна і якасна. Вялікарэчанск з'яўляўся, бадай, самым лепшым па прыгажосці і дагледжанасці ў вобласці пасёлкам. А зараз для Вуснава — самым лепшым у свеце.

Паланэз Палесся як першы робкі пацалунак. Паланэз, пад які на ўскрайку леса паўсталі хаты вялікарэчанцаў і назіраюць за тым, як падрастаюць капуста, маркоўка, укроп, цыбуля, буракі і, канечне ж, бульба. Узняліся і пайшлі ўверх. Разбудзілі сваім свежым пахам адчуванне чагосьці незвычайнага.

Ах, гэты сённяшні начны дождж! Пабарабаниў так, што навярстаў мінулыя гады. Разам са сваімі дажджамі-сябрамі апошніх дзён даў новае жыццё гэтай зямлі. У агародах, на палях бяскрайняга Палесся — усюды ўзнялося ўвысь!

Раней праз спякоту адбывалася масавая гібель ураджаю. Асабліва пакутавалі сельскагаспадарчая жывёла і лясная гаспадарка.

Паланэз дажджу! І даў жа ты нашаму пажухламу агароднаму «насельніцтву» добра выпрастацца! Дзякуй табе, паланэз дажджу! Ужо хорам спяваюць у час рыхтавання да сезону грыбы і ягады, якія для палешукоў былі і будуць многія вякі, бадай, адным з асноўных сродкаў да існавання.

Глядзі, дождж, толькі не перастарайся. Не трэба ўсё навокал заліваць так, каб нельга было выйсці з хаты. Каб тыя, хто хацеў працаваць ці загараць на па-

Полонез Полесья — как предчувствие чего-то нового, необычного, того, что случится впервые и так много обещает. Полонез Полесья, ты наша надежда и упование на лучшее. Лучшее в отношениях, выборе, времени, средствах общения.

Полонез Полесья, ты как сладкий и несмелый поцелуй, безответный, слегка ребяческий. Поцелуй, который потом не перерастет во что-то большее, разрушительное, под чем склоняются ветки деревьев, падают на дорогу стволы, не давая сделать даже шага вперед.

Полонез Полесья, ты — самый чистый и деликатный поцелуй — вызываешь жажду жить. Возрождаешь все вокруг. Полонез Полесья, ты муза, которой нужно гордиться с любовью. Ибо дороже нет ничего на свете.

Только ты и я. Ах мой полонез! Ты такой настоящий. И пусть весь мир очарован тобой. И пусть ты вскружил голову, светишь ярко всем. Ты музыка души одной. Души святой, души моей. Души, что здесь и сейчас, а на самом деле — постоянно с тобой.

Полонез дождя и Полесья — воплощение чего-то такого трепетного и хрупкого, касаться чего нужно осторожно. До такой степени хрупкого, что можно одним махом все это чудо полесское безвозвратно разрушить. Ах, нежности успокоение...

Полонез Полесья и дождя — полесский дождь. Вся растительность аплодирует тебе за вчерашнюю подготовку. И вот начинает уже танцевать. Танцевать ввысь, словно желая оторваться от земли. А коренья тянет свою волынку — ниже, ниже. И вот вместе со всей этой зеленью зарождает

лескім сонцы, хоць у агародзе (бо гэта асобая работа, дзе патрэбная цярплі-
васць) маглі свае жаданні ажыццявіць.

Паланэз Палесся — як прадчуванне нечага новага, незвычайнага, таго, што
здарыцца ўпершыню і так шмат абяцае. Паланэз Палесся, ты наша надзея
і спадзяванне на лепшае. Лепшае ў адносінах, выбары, часе, сродках зносін.
Паланэз Палесся, ты як салодкі і нясмелы пацалунак, безадказны, крыху дзі-
цячы. Пацалунак, які далей не перарасце ў нешта большае, разбуральнае, пад
чым схіляюцца галіны дрэў, падаюць на дарогу ствалы, не даючы зрабіць
нават крок ўперад.

Паланэз Палесся, ты — самы чысты і далікатны пацалунак — выклікаеш пра-
гу да жыцця. Адраджаеш усё навокал. Паланэз Палесся, ты муза, якой трэба
ганарыцца з любоўю. Бо даражэй нічога няма ў свеце.

Толькі ты і я. Ах мой паланэз! Ты такі сапраўдны. І хай увесь свет зачараваны
табой. І хай ты закружыў галаву, свеціш ярка ўсім. Ты музыка душы адной.
Душы святой, душы маёй. Душы, якая вось дый тут, а насамрэч — увесь час
з табой.

Паланэз дажджу і Палесся — увасабленне нечага такога трапяткога і крохкага,
дакранацца да якога трэба асцярожна. Да такой ступені крохкага, што можна
адным махам увесь гэты цуд палескі незваротна разбурыць. Ах, пяшчотнасці
супакаенне...

Паланэз Палесся і дажджу — палескі дождж. Уся расліннасць апладзіруе табе
за ўчарашнюю падрыхтоўку. І вось пачынае ўжо танчыць. Танчыць увесь,

ется и продолжается жизнь. Великая и самая чистая, без корыстолюбия и ненависти.

Полонез Полесья и дождя. Поцелуй на твоей щеке. Душа исполняется покоем и негой.

Ах, поцелуй твой хоть и безответный, но подобен полесскому утру. Когда на танец под знакомый мотив только собираюсь. Между высоких берез и сосен, небольших елочек и сосенок, где низко растет брусника, только набирается сил, зеленея, черника.

Где встречается барышня папороть. Которая может и пообещать, и исполнить желания. Но способен ли ты любить? Чтобы разделить чувство с другой или с другим...

А ритм жизни неспешно дышит тобой. Ах полуденное Полесье! Солнце в самом зените. Лучами ласкает спину. Как мил мне твой поцелуй! Мелодия души моей.

Ах полонез Полесья под солнцем! Воскресный. Сейчас начнется танец быстрый. Поют вокруг со всех сторон. Лесные башни уж проснулись. На них же — птицы-дудари. Переливают свои трели. Пооткрывало окна, двери, порасстиало им ковры Полесье.

Зеленый цвет в тренде. Ему оттенок добавляет небо. Дождем и светом. Свои услуги предлагает хвоя. Уж разостлала здесь ковры такие колкие. Коричневые. Пару ниток сразу забирают муравьи. На общий дом свой рядом с липой. Ковры умеют прясть они и сами. Плести не хуже сосен или елок. Молодцы!

нібы хоча адарвацца ад зямлі. А карэнне цягне сваю валынку — ніжэй, ніжэй. І вось з усёй гэтай зелянінай зараджаецца і працягваецца жыццё. Вялікае і самае чыстае, без карыслівасці і нянавісці.

Паланэз Палесся і дажджу. Пацалунак на тваёй шчацэ. Душа атрымлівае спай і асалоду.

Ах, пацалунак твой, хоць і безадказны, але ж як раніца на Палессі. Калі на танец пад знаёмы матыў яшчэ толькі збіраюцца. Паміж высокіх бяроз і сосен, невялічкіх елачак і сосенак, дзе нізка растуць брусніцы, толькі набіраюцца сіл, зелянеючы, чарніцы.

Дзе сустракаецца паненка папараць-кветка. Якая можа і паабяцаць, і выканаць пажаданні. Але ж ці здатны ты да кахання? Каб падзяліць яго з іншым ці іншай...

А рытм жыцця павольна дышае табой. Ах паўдзённае Палессе! Сонца ў самым зеніце. Промнямі лапчыць спіну. Як любы мне твой пацалунак!. Мелодыя душы маёй

Пад сонцам паланэз Палесся! Нядзельны. Пачнецца зараз танец гонкі. Спяваюць тут з усіх старонак. Прагнуліся лясныя вежы. А на іх — птушкі-дудары. Пераліваюць сваі трэлі. Паадкрывала вокны, дзверы, парасцілала ім Палессе дываны.

Зялёны колер у трэндзе. Яму адценне дабаўляе неба. Даджом і святлом.

Свае паслугі прапануць голкі. Парасцілалі дываны такія колкія. Карычневыя.

Пару нітак адразу забіраюць мурашы. На дом вялікі свой, агульны, што ля

Так быстро хвою собирают в танце, что можно с этих принцев — разве диву даваться. Силачи! А им со всех сторон несется: «Цив-тив-тив!» Полу-денным залито светом все, и тон его его меняет небо.

Кружит оса, все постигает осторожно. Кружится в завихрениях цокотуха. Глядишь, и всех вокруг поубивает. И терпеливым даже надоела. А комары, любители вечерних променадов, кровопийцы женских тел, воины с саблями... Где они?

Попрытались куда-то. Ждут своего часа. Им солнце не по нраву. Близ тропки длинноватой ансамблем выстроились елки. Еще малы, а уже знают, как держаться. Все ярче палит солнце, вот поддаст им жару.

Где-то вдалеке загрохотал гром. Словно кто-то на чердаке начал перебирать тарелки, сковородки, миски. Выбирал самую лучшую, выбирал старательно.

Вот такая музыка заиграла в душе Уснова после поцелуя с Джулией. Безответного поцелуя. Уснов словно проснулся после него. А Джулия не готова была к такому повороту. Она не потянулась к Уснову, тем самым обозначив: никаких отношений ей не нужно.

Уснов оставил девушку одну в задумчивости и вышел.

Ах Джулия, милая Джулия... Ты не ответила взаимностью, однако твое имя уже навсегда вписано в одну книгу, а после их будут сотни. Их прочитают и поймут, смогут разгадать знак бесконечности всего мира — твою красоту, чтобы узнать, в чем смысл жизни.

Джулии нравилось ее имя. Как-то она даже сказала об этом. Нравилось и Уснову. В ее честь главный солист группы «А-студио» Батыр Шук-

ліпы. Яны і самі ўмеюць прасці дываны. Плясці не горш за сосны ці ялінкі. Малайцы!

Так хутка ў танцы голачкі збіраюць, што можна з гэтых прынцаў — хіба ж дзівіцца. Сілачы! А ім з розных бакоў спяваюць: «Ціў-ціў-ціў!» Заліта ўсё святлом паўдзённым, якога тон змяняе неба.

Кружыць аса, усё спасцігае асцярожна. Кружыць у завіхрэннях сакатуха. Яна ўсіх тут яшчэ й пазбівае. Цярплівым нават ужо надаядае. А камары, аматары вячэрніх праменадаў, краванійцы цел жаночых, воіны с шаблямі... Дзе яны? Схаваліся кудысьці. Чакаюць свайго часу. Ім сонца даспадобы менш. Каля сцяжынкі даўгаватай ансамблем выстраіліся елкі. Яшчэ малыя, а ўжо ведаюць, як трымацца. Вось паліць сонца ўсё ярчэй, паддасць ім жару.

Недзе ўдалечы загрузатаў гром. Нібыта хтосьці на гарышчы пачаў перабіраць талеркі, патэльні, міскі. Выбіраў самую лепшую, выбіраў старанна.

Вось такая музыка зайграла ў душы Вуснава пасля пацалунка з Джуліяй. Безадказнага пацалунка. Вуснаў нібыта прачнуўся пасля яго. А Джулія не гатовая была да такога павароту. Яна не пацягнулася да Вуснава, тым самым абазначыўшы: ніякіх зносін ёй не трэба.

Вуснаў пакінуў дзяўчыну адну ў задуменні і выйшаў.

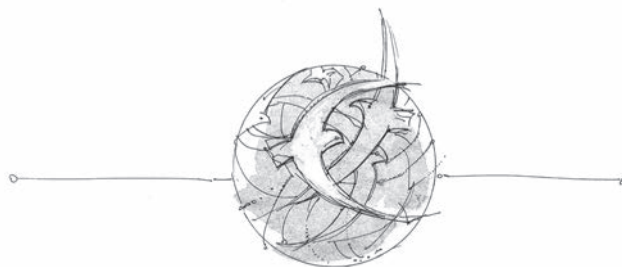
Ах Джулія, мілая Джулія... Ты не адказала ўзаемнасцю, але ж тваё імя ўжо навікі ўпісана ў адну кнігу, а пасля іх будуць сотні. Іх прачытаюць і зразумеюць, змогуць разгадаць знак бяскончасці ўсяго свету — тваю прыгажосць, каб даведацца, у чым сэнс жыцця.

нов написал песню, которую настиг успех, и она получила известность в Украине, Казахстане, Туркменистане, Грузии и других странах СНГ. Кстати, еще одна композиция — «Нелюбимая» — выделялась среди остального репертуара. Хотелось бы подчеркнуть такую особенность для поклонников творчества Батыра Шукенова. Хотя от любви до ненависти, как известно, несколько шагов...

Телефон Уснова начал сдаваться. Батарея садилась. Больше не было возможности слушать музыку и мечтать. Он засобирался домой. Хотелось еще посидеть. Однако нужно идти. Скоро совсем стемнеет.

Уснов планировал еще покататься по Великореченску. Полюбоваться местами детства — любимым лесом на окраине поселка, улицей, на которой раньше стояло всего несколько домов, а теперь они повыскакивали как грибы после дождя. Очень разросся Великореченск. И там уже бегают детки.

Он любил прогулки по местам детства. В наушниках как раз заиграла песня Земфиры про крабли...

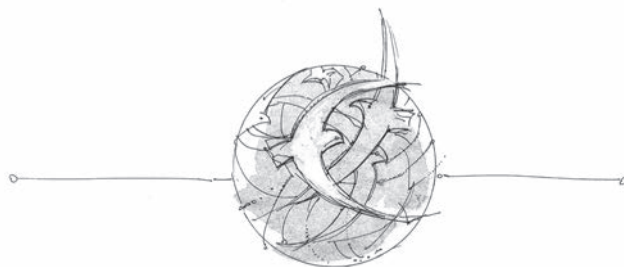
Джуліі падабалася яе імя. Неяк нават яна сказала пра гэта. Падабалася і Вуснаву. У яе гонар галоўны саліст групы «А-студыя» Батыр Шукенаў напісаў песню, якую напаткаў поспех, і яна стала вядомай ва Украіне, Казахстане, Туркменістане, Грузіі ды іншых краінах СНД.

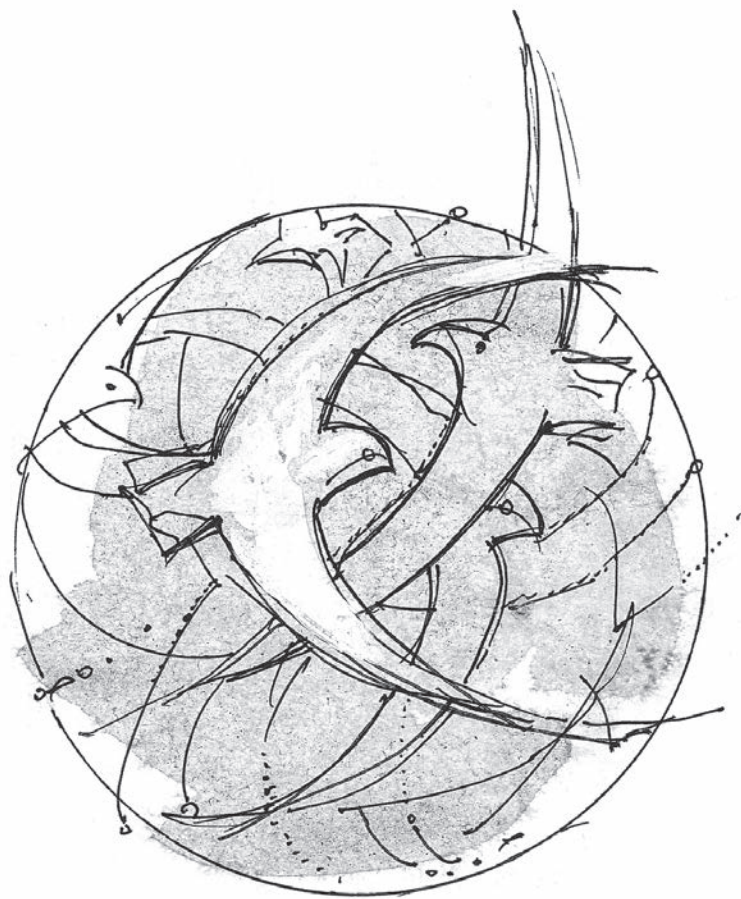
Дарэчы, яшчэ адна кампазіцыя — «Нелюбімая» — вылучалася сярод астатняга рэпертуару. Хацелася б падкрэсліць такую асаблівасць для прыхільнікаў творчасці Батыра Шукенава. Хаця ад любові да нянавісці, як вядома, некалькі крокаў...

Тэлефон Вуснава пачаў здавацца. Батарэя садзілася. Не было ўжо больш магчымасці слухаць музыку і марыць. Ён збіраўся дадому. Хацелася яшчэ пасядзець. Але ж патрэбна ісці. Хутка зусім сцімнее.

Вуснаў планаваў яшчэ пакатацца па Вялікарэчанску. Палюбавацца мясцінамі дзяцінства — любімым лесам на ўскрайку пасёлка, вуліцай, на якой раней стаяла ўсяго некалькі дамоў, а зараз яны павысковалі як грыбы пасля дажджу. Вельмі разросся Вялікарэчанск. І там дзеткі ўжо бегалі.

Ён любіў прагуляцца па мясцінах дзяцінства. У слухаўках якраз зайграла песня Земфіры пра караблі...

Максим Семенов

Родился 6 марта 1999 г. в г. Солигорске (Минская обл.). В 2020 г. окончил исторический факультет Белорусского государственного университета по специальности «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия», в 2021 г. — магистратуру исторического факультета БГУ по специальности «Этнография, этнология и антропология». Живет в Минске. Работает младшим научным сотрудником в ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси». Публиковался в журналах «Бярозка», «Маладосць». Автор рассказа «Прывід памяці» (2017), очерка «Трактат пра нястрачаны горад» (2018) и др. Лауреат литературных конкурсов «Славянский калейдоскоп» (2017, 2019), «Я гэты край Радзімаю заву» (2018).

Максім Сямёнаў

Нарадзіўся 6 сакавіка 1999 г. у г. Салігорску (Мінская вобл.). У 2020 г. скончыў гістарычны факультэт Белдзяржуніверсітэта па спецыяльнасці «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны», у 2021 г. — магістратуру гістарычнага факультэта БДУ па спецыяльнасці «Этнаграфія, этналогія і антрапалогія». Жыве ў Мінску. Працуе малодшым навуковым супрацоўнікам у ДНУ «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». Публікаваўся ў часопісах «Бярозка», «Маладосць». Аўтар апавядання «Прывід памяці» (2017), нарыса «Трактат пра нястрачаны горад» (2018) і інш. Лаўрэат літаратурных конкурсаў «Славянскі калейдаскоп» (2017, 2019), «Я гэты край Радзімаю заву» (2018).

СОВХОЗ НА БЕРЕГУ ТОБОЛА

(Основано на реальных событиях)

Іргелі мемлекет, ерікті болдық ел,
Достықпен, бірлікпен жайнайды туған жер.
Еңбекте, майданда, жеткізген жеңіске
Данышпан партия — сүйікті кемеңгер.

*Из Государственного гимна
Казахской ССР (1945–1991)¹*

* * *

Весной 1956 года появился призыв КПСС к молодежи отправиться в Казахскую ССР, чтобы помочь собрать урожай на целинных землях. На предложение партии отозвались студенты всех факультетов Белорусской сельскохозяйственной академии в Горках (Могилевская область БССР), в том числе я, студентка третьего курса агрономического факультета Екатерина Прихожая. 15 июля, после окончания летней сессии Академия торжественно отправила нас в дорогу. Вместе со студентами

¹ Стали мы мощным государством, свободной страной,
И родная земля расцветает дружбой и единством.
Приведшую нас к победам в труде и на брани
Мудрую партию — искренне любим. *(Пер. с казах.)*

САЎГАС НА БЕРАЗЕ ТАБОЛА

(Заснавана на рэальных падзеях)

Іргелі мемлекет, ерікті болдық ел,
Достықпен, бірлікпен жайнайды туған жер.
Еңбекте, майданда, жеткізген жеңіске
Данышпан партия — сүйікті кемеңгер.

*З Дзяржаўнага гімна
Казахскай ССР (1945–1991)¹*

* * *

Вясной 1956 года з’явіўся прызыў КПСС да моладзі адправіцца ў Казахскую ССР, каб дапамагчы сабраць ураджай на цалінных землях. На прапанову партыі адгукнуліся студэнты ўсіх факультэтаў Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі ў Горках (Магілёўская вобласць БССР),

¹ Сталі мы моцнай дзяржавай, свабоднай краінай,
І родная зямля квітнее дружбай і адзінствам.
Мудрую партыю, якая прывяла нас да перамогі
Ў працы і ў баі, — шчыра любім. *(Пер. з казах.)*

Могилевского педагогического института мы поехали в Минск, где к нам присоединились студенты столичных учебных заведений. Оттуда эшелон двинулся на целину...

Ехали мы в вагонах-телятниках. Понятно, что в поездах для животных не было умывальников: неделю мы не имели возможности помыться...

Питались кто чем, у кого что было с собой. Многие брали черный хлеб, сало, огурцы и лук. Ели всегда вместе — делились. Но жара не позволила взять много еды, запасы быстро заканчивались. Покупали продукты у бабушек, которые торговали на перронах. Найти у них можно было и ягоды, и соленые огурцы, и кислую капусту, и выпечку, но денег у нас было мало... Временами нам везло: гостеприимные русские женщины угощали вареной картошкой и не брали за это никаких денег. А еще помню, что в Туле, Пензе, Уфе и Челябинске мы обедали в военных столовых. Там мы попробовали настоящую солдатскую кашу — перловку, сваренную в котелке. А какой радостью было найти в картофельном супе кусочек сала!

Председатель студенческого отряда Иван Мельник подбадривал нас: «Что вы, студенты-агрономы, загрустили? Мы ведь не на фронт едем! Там, на целине, гитлеровцев и полицаев нет. Никто стрелять в нас не будет. Мы едем на помощь нашим трудовым братьям — казахам. И встретят нас подобающе, как настоящих комсомольцев. А голод — разве это голод? Нас ведь кормят, заботятся о нас Советское правительство и Коммунистическая партия!» И я думала тогда о наших

у тым ліку я, студэнтка трэцяга курса аграрнамічнага факультэта Кацярына Прыхожая. 15 ліпеня, пасля заканчэння летняй сесіі Акадэмія ўрачыста выправіла нас у дарогу. Разам са студэнтамі Магілёўскага педагагічнага інстытута мы паехалі ў Мінск, дзе да нас далучыліся студэнты сталічных навучальных устаноў. Адтуль эшалон рушыў на цаліну...

Ехалі мы ў вагонах-цялятніках. Зразумела, што ў паяздах для жывёлы не было ўмывальнікаў: тыдзень мы не мелі магчымасці памыцца...

Харчаваліся хто чым, у каго што было з сабой. Многія бралі з сабой чорны хлеб, сала, агуркі і цыбулю. Елі заўсёды разам — дзяліліся. Але гарачыня не дазваляла ўзяць шмат ежы, запасы хутка заканчваліся. Куплялі прадукты ў бабулек, якія гандлявалі на перонах. Знайсці ў іх можна было і ягады, і салёныя агуркі, і кіслую капусту, і выпечку, але грошай у нас было мала... Часам нам шчасціла: гасцінныя рускія жанчыны частавалі бульбай і не бралі за гэта ніякіх грошай. А яшчэ памятаю, што ў Туле, Пензе, Уфе і Чалябінску мы абедалі ў вайсковых сталовых. Там мы пакаштавалі сапраўдную салдацкую кашу — панцак, звараны ў кацялку. А якой радасцю было знайсці ў бульбяным супе кавалачак сала!

Старшыня студэнцкага атрада Іван Мельнік падбадзёраў нас: «Што вы, студэнты-аграномы, зажурыліся? Мы ж не на фронт едзем! Там, на цаліне, гітлераўцаў і паліцаяў няма. Ніхто страляць па нас не будзе. Мы едзем на дапамогу нашым працоўным братам — казахам. І сустрэнуць нас як належна,

отцах, которые когда-то тоже ехали в вагонах. Только на запад ехали, на фронт, понимая, что многие из них не вернутся, что даже до фронта могут не доехать. «За солдатами везде следовала смерть: они могли погибнуть от немецкой пули, или подорваться на вражеской мине, или сгореть в подбитом танке, самолете или корабле, а то и вовсе пропасть без вести, как мой отец, Артем Парфенович, в декабре 1944 года под Варшавой, — рассуждала я. — Стыдно нам жаловаться на свое положение. Они ехали на войну, а мы едем осваивать целину, собирать урожай. Они отдавали свои жизни, чтобы у нас, их детей, было мирное небо над головой, чтобы мы могли спокойно учиться и работать, жить без вечного страха смерти, строить новые города, создавать свои семьи, выполнять планы пятилеток, идти к светлому будущему, к победе коммунизма. А ведет нас по этой верной дороге наша Коммунистическая партия и ее Первый секретарь — Никита Сергеевич Хрущев...»

Так думала я, отправившись в далекий Казахстан, стараясь не обращать внимания на неудобства и стремясь быть настоящей, образцовой комсомолкой, чтобы не было стыдно за меня дорогой маме, которая осталась в родных Зажевичах, моему курсу, факультету и всей Горецкой академии. Я ехала по своей воле, чувствуя долг перед Родиной, и никто меня не заставлял. Если уж взялась за такое ответственное дело, нужно достойно довести его до конца. Я ехала на целину...

як сапраўдных камсамольцаў. А голад — хіба гэта голад? Нас жа кормяць, клапацяцца аб нас Савецкі ўрад і Камуністычная партыя!» І я думала тады пра нашых бацькоў, якія некалі таксама ехалі ў вагонах. Толькі на захад ехалі, на фронт, разумеючы, што многія з іх не вернуцца, што нават да фронту могуць не даехаць. «За салдатамі ўсюды ішла следам смерць: яны маглі загінуць ад нямецкай кулі, ці падарвацца на варожай міне, ці згарэць у падбітым танку, самалёце або караблі, а то і наогул прапасці без вестак, як мой бацька, Арцём Парфёнавіч, у снежні 1944 года пад Варшавай, — разважала я. — Сорамна нам скардзіцца на свой стан. Яны ехалі на вайну, а мы едзем асвойваць цаліну, збіраць ураджай. Яны аддавалі свае жыцці, каб у нас, іх дзяцей, было мірнае неба над галавой, каб мы маглі спакойна вучыцца і працаваць, жыць без вечнага страху смерці, будаваць новыя гарады, ствараць свае сем'і, выконваць планы пяцігодак, ісці да светлай будучыні, да перамогі камунізму. А вядзе нас па гэтым правільным шляху наша Камуністычная партыя і яе Першы сакратар — Мікіта Сяргеевіч Хрушчоў...»

Так думала я, калі адправілася ў далёкі Казахстан, стараючыся не звяртаць увагі на нязручнасці і імкнучыся быць сапраўднай, узорнай камсамолкай, каб не было сорамна за мяне маёй дарагой маме, якая засталася ў родных Зажэвічах, майму курсу, факультэту і ўсёй Горацкай акадэміі. Я ехала па сваёй волі, адчуваючы доўг перад Радзімай, і ніхто мяне не прымушаў. Калі

* * *

Менялись вокруг пейзажи и люди... Все чаще на берегах рек вместо привычных крупных сосновых боров встречались только маленькие березовые рощицы. Вдоль железной дороги тянулись километры пшеницы и подсолнечника. Эта была Тамбовская равнина. Необычным и новым явлением для нашей агрономии на то время были посевы кукурузы, о пользе которой рассказывал товарищ Хрущев после своего визита в Соединенные Штаты Америки.

Во время поездки на целину я впервые увидела знаменитую Волгу, о которой мы много слышали в школе на уроках географии. Я знала, что Волга — самая длинная река в Европе, течет с севера на юг, неся свои воды в Каспийское море. И в наших глазах она была природным символом Советской России и всего СССР.

Дальше была автономная Башкирия, а на север от нее тянулись Уральские горы. Здесь, за рекой Урал, заканчивалась Европа и начиналась Азия. Мне вспомнилось из курса истории, что в древности эти земли заселяли тюркские племена, а с конца XVI и до XX века здесь жили уральские казаки. Во время Гражданской войны, весной 1918 года они вероломно восстали против Советской власти и создали Уральскую армию, которая воевала на стороне адмирала Колчака. Но враги молодой республики были побеждены: в 1920 году доблестная Красная Армия освободила Уральский край от белогвардейцев.

ўжо ўзялася за такую адказную справу, трэба годна давесці яе да канца.
Я ехала на цаліну...

* * *

Мяняліся наўкола пейзажы і людзі... Усё часцей на берагах рэк замест прывычных вялікіх сасновых бароў сустракаліся толькі маленькія бярозавыя гайкі. Уздоўж чыгункі цягнуліся кіламетры пшаніцы і сланечніку. Гэта была Тамбоўская раўніна. Незвычайнай і новай з'явай для нашай аграноміі на той час былі пасевы кукурузы, пра карысць якой расказваў таварыш Хрушчоў пасля свайго візіту ў Злучаныя Штаты Амерыкі.

Падчас паездкі на цаліну я ўпершыню ўбачыла знакамітую Волгу, пра якую мы шмат чулі ў школе на ўроках геаграфіі. Я ведала, што Волга — самая доўгая рака ў Еўропе, цячэ з поўначы на поўдзень, несучы свае воды ў Каспійскае мора. І ў нашых вачах яна была прыродным сімвалам Савецкай Расіі і ўсяго СССР.

Далей была аўтаномная Башкірыя, а на поўнач ад яе цягнуліся Уральскія горы. Тут, за ракой Урал, заканчвалася Еўропа і пачыналася Азія. Мне ўспомнілася з курса гісторыі, што ў старажытнасці гэтыя землі засялялі цюркскія плямёны, а з канца XVI і да XX стагоддзя тут жылі ўральскія казакі. Падчас Грамадзянскай вайны, вясной 1918 года яны вераломна паўсталі супраць Савецкай улады і стварылі Уральскую армію, якая ваявала

* * *

23 июля, через неделю, проведенную в дороге, мы приехали в совхоз имени Н. А. Островского в Камышнинском районе Кустанайской области Казахской ССР, на реке Тобол. Сначала нас разместили в клубе совхоза, а потом развезли по бригадам. Я работала в бригаде № 3. Жили в палатках и вагончиках. Ели в землянках, покрытых брезентом.

В совхозном поселении мы столкнулись с проблемой: не было ни водопровода, ни даже колодцев. Возник вопрос: где брать воду? Председатель студотряда Иван Мельник сказал, что с Тобола воду носить далеко и неудобно, поэтому лучше брать ее из «копанки» — ямы, которую выкопали наши парни из студотряда. Приходилось сначала кипятить воду на костре, а затем процеживать ее через марлю. Вкус и запах этой жидкости, безусловно, сильно отличались от воды в академическом общежитии в Горках, к которой мы уже привыкли. Но что сделаешь — пили такую, какая была. Честно говоря, эти антисанитарные условия навредили нашему здоровью: желудочные и кишечные заболевания были нередкими. Занимались самолечением: больницы в совхозе не было, а ездить в районный центр — Камышное — не хватало времени. Природа Казахстана отличается от нашей. За все время нашего пребывания (а это почти три месяца!) только один раз прошел дождь. Вокруг — большая степь, ковыль и перекати-поле. В этой степи обитают суслики, а в некоторых местах — стада диких сайгаков. На родные Зажевичи, на родную Советскую Белоруссию это было совсем

на баку адмірала Калчака. Але ворагі маладой рэспублікі былі пераможаны: у 1920 годзе доблесная Чырвоная Армія вызваліла Уральскі край ад белагвардзейцаў.

* * *

23 чэрвеня, праз тыдзень, праведзены ў дарозе, мы прыехалі ў саўгас імя М. А. Астроўскага ў Камышнінскім раёне Кустанайскай вобласці Казахскай ССР, на рацэ Табол. Спачатку нас размясцілі ў клубе саўгаса, а потым развезлі па брыгадах. Я працавала ў брыгадзе № 3. Жылі ў палатках і вагончыках. Елі ў зямлянках, накрытых брызентам.

У саўгасным паселішчы мы сутыкнуліся з праблемай: не было ні водаправода, ні нават калодзежаў. Узнікла пытанне: дзе браць ваду? Старшыня студатрада Іван Мельнік сказаў, што з Табола ваду насіць далёка і нязручна, таму лепш браць яе з копанкі — ямы, якую выкапалі нашы хлопцы са студатрада. Даводзілася спачатку кіпяціць ваду на вогнішчы, а затым працэджваць яе праз марлю. Смак і пах гэтай вадкасці, безумоўна, моцна адрозніваўся ад вады ў акадэмічным інтэрнаце ў Горках, да якой мы ўжо прызвычаліся. Але што паробіш — пілі такую, якая была. Праўду кажучы, гэтыя антысанітарныя ўмовы нашкодзілі здароўю: страўнікавыя і кішачныя захворванні былі нярэдкамі. Займаўся самалячэннем: бальніцы ў саўгасе не было, а ездзіць у раённы цэнтр — Камышнае — не хапала часу.

не похоже. Глядя на казахские пейзажи, я думала: «Какой же огромный наш Советский Союз и как много в нем республик! Прибалтика, три славянские республики-сестры, Молдавия, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия. И во всех них живут братские народы, объединенные борьбой за освобождение рабочего класса; народы, выстоявшие во время Гражданской войны и иностранной интервенции; народы, победившие гитлеровскую Германию на западе и милитаристскую Японию на востоке; народы, поднявшие Советскую страну из руин и разрухи после Великой Отечественной войны». И гордость охватывала меня от того, что я живу в этой стране, и я надеялась, что здесь будут жить мои дети.

В совхозе было 22 000 гектаров пашни. Его организовали в 1954 году, поэтому работали в нем уже «старожилы» — первые целинники. Были построены 15 жилых домов, клуб, детский сад и даже своя электростанция! Жители совхозного поселения — русские, белорусы, казахи, украинцы — относились к нам очень хорошо. На уборке урожая кроме студентов работали солдаты.

Сначала мы пропалывали просо и занимались строительством. А потом началась уборка пшеницы. Парни работали на комбайнах, девушки на току лопатили зерно, грузили на машины. Солдаты отвозили зерно на элеватор в город Джетыгара. А еще собирали пшеницу в большие бурты под открытым небом. В том году был очень хороший урожай! Работали круглые сутки, отдыхали — когда удавалось. Казалось, молодой организм не ощущал никакой усталости. Везде поддерживались порядок, дисциплина, все делалось ответственно.

Прырода Казахстана адрозніваецца ад нашай. За ўвесь час, што мы там былі (а гэта амаль тры месяцы!), толькі адзін раз прайшоў дождж. Вакол — вялікі стэп, кавыль і перакаці-поле. У гэтым стэпе жывуць суслікі, а ў некаторых месцах — статкі дзікіх сайгакаў. На родныя Зажэвічы, на родную Савецкую Беларусь гэта было зусім не падобна. Гледзячы на казахскія пейзажы, я думала: «Які ж вялізны наш Савецкі Саюз і як многа ў ім рэспублік! Прыбалтыка, тры славянскія рэспублікі-сястры, Малдавія, Закаўказзе, Казахстан і Сярэдняя Азія. І ва ўсіх іх жывуць братнія народы, аб'яднаныя барацьбой за вызваленне рабочага класа; народы, якія выстаялі падчас Грамадзянскай вайны і замежнай інтэрвенцыі; народы, якія перамаглі гітлераўскую Германію на захадзе і мілітарысцкую Японію на ўсходзе; народы, якія паднялі Савецкую краіну з руін і разрухі пасля Вялікай Айчыннай вайны». І гордасць ахоплівала мяне ад таго, што я жыву ў гэтай краіне, і я спадзявалася, што тут будуць жыць мае дзеці.

У саўгасе было 22 000 гектараў ворыўнай зямлі. Яго арганізавалі ў 1954 годзе, таму працавалі ў ім ужо «старажылы» — першыя цаліннікі. Былі пабудаваны 15 жылых дамоў, клуб, дзіцячы садок і нават электрастанцыя! Жыхары саўгаснага паселішча — рускія, беларусы, казахі, украінцы — ставіліся да нас вельмі добра. На ўборцы ўраджаю акрамя студэнтаў працавалі салдаты. Спачатку мы праполвалі проса і займаліся будаўніцтвам. А потым пачалася ўборка пшаніцы. Хлопцы працавалі на камбайнах, дзяўчаты на гумне лапацілі зерне, грузілі на машыны. Салдаты адвозілі зерне на элеватар

* * *

Однажды на целине с нами произошел случай, который мне хорошо запомнился. Это был вечер жаркого августовского дня, полного работ по уборке пшеницы. Мы все устали и уже сидели в палатках, думая, что приготовить себе на ужин. Небо было чистым, а казахское солнце медленно опускалось к горизонту. Тобол вдалеке стремительно бежал на север, навстречу Иртышу.

В это время в правление нашего совхоза на коне прискакал какой-то необычно одетый мужчина: в тибетейке, халате и шароварах. Он кричал что-то на непонятном языке, зашел в здание, а вышел из него с главным агрономом, эмоционально размахивая руками и показывая куда-то в сторону — то ли степи, то ли Камышного. Видно было, что он напуган. Незнакомец поскакал дальше, а главный агроном растерянно посмотрел на нас и позвал председателя студотряда.

Приезд конника нас взволновал. И причины для этого были. Во-первых, мы боялись каких-нибудь опасных явлений местной погоды. Целинники-старожилы рассказывали, что в Казахстане иногда случаются песчаные бури. Нам посчастливилось их не наблюдать, но, по словам местных жителей, бывают они чаще весной, после сухой осени и малоснежной зимы, в районах, прилегающих к Каспийскому и Аральскому морям, а также на востоке Казахстана, вокруг озера Балхаш. Обсудив известные нам факты, мы пришли к выводу, что месяц и регион для песчаных бурь не подходят, и отклонили этот вариант.

у горад Джетыгара. А яшчэ збіралі пшаніцу ў вялікія бурты пад адкрытым небам. У тым годзе быў вельмі добры ўраджай! Працавалі круглыя суткі, адпачывалі — калі ўдавалася. Здавалася, малады арганізм не адчуваў ніякай стомы. Усюды падтрымліваліся парадак, дысцыпліна, усё рабілася адказна.

* * *

Аднойчы на цаліне з намі адбыўся выпадак, які мне добра запомніўся. Гэта быў вечар гарачага жнівеньскага дня, поўнага работ на ўборцы пшаніцы. Мы ўсе стаміліся і ўжо сяделі ў палатках, думалі, што прыгатаваць сабе на вячэру. Неба было чыстым, а казахскае сонца павольна апускалася да гарызонту. Табол удалечыні імкліва бег на поўнач, насустрач Іртышу. У гэты час у праўленне нашага саўгаса на кані прыскакаў нейкі незвычайна апрануты мужчына: у цюбецейцы, халаце і шараварах. Ён крычаў нешта на незразумелай мове, зайшоў у будынак, а выйшаў з яго з галоўным аграномам, эмацыянальна размахваючы рукамі і паказваючы некуды ўбок — ці то стэпу, ці то Камышнага. Відаць было, што ён спуджаны. Незнаёмец паскакаў далей, а галоўны аграном разгублена паглядзеў на нас і паклікаў старшыню студатрада. Прыезд конніка нас усхваляваў. І прычыны для гэтага былі. Па-першае, мы баяліся якіх-небудзь небяспечных з'яў мясцовага надвор'я. Цаліннікі-старажылы казалі, што ў Казахстане часам здараюцца пясчаныя буры. Нам пашчасціла іх не назіраць, але, па словах мясцовых жыхароў, бываюць яны часцей увесну, пасля сухой восені і маласнежнай зімы, у раёнах, якія

Второй вопрос, который нас беспокоил, — выполнение планов Камышнинского райкома партии в нашем совхозе. На той (текущей) неделе мы собирались завершить сбор урожая, но в совхозе закончилось топливо, и нам пришлось остановиться. Решили так: завтра привезут солярку, тогда можно будет сжать последний надел пшеницы. Казалось, что мы успеваем выполнить план в определенный срок. Почему тогда приехал этот мужчина, почему такой испуганный? И что значило слово, которое он повторял: «Тексеру»²?

Пока мы рассуждали, Иван вернулся к нам с озадаченным выражением лица. — Ну что, товарищи агрономы? Ситуация следующая: завтра из Камышного приедет комиссия. Будут проверять сбор урожая пшеницы. А по планам райкома партии, завершить его мы должны были сегодня... — сказал Иван.

— Как — сегодня? Говорили же — до конца недели! — спросила одна из девушек.

— Может быть, в совхозе не было точной даты, или нам ее никто не сказал, или сроки в райкоме изменили. Непонятно, почему...

— Ну, конечно, это вам не академия с профессорами, это целина, — пробурчал кто-то из парней.

— Так, товарищи! Мы должны не возмущаться, а выполнять задачи партии! Если пшеницу нужно убрать сегодня, значит — сегодня! — резко ответил председатель.

² Проверка (*казах.*).

прылягаюць да Каспійскага і Аральскага мораў, а таксама на ўсходзе Казахстана, вакол возера Балхаш. Мы абмеркавалі вядомыя нам факты і прыйшлі да высновы, што месяц і рэгіён для пясчаных бур не падыходзяць, і адкінулі гэты варыянт.

Другое пытанне, якое нас непакоіла, — выкананне планаў Камышнінскага райкама партыі ў нашым саўгасе. На тым (бягучым) тыдні мы збіраліся завершыць збор ураджаю, але ў саўгасе скончылася паліва, і нам давалося прыпыніцца. Вырашылі так: заўтра прывязаць салярку, тады можна будзе зжаць апошні надзел пшаніцы. Здавалася, што мы паспяваем выканаць план ў вызначаны тэрмін. Чаму тады прыехаў гэты мужчына, чаму такі перапуджаны? І што значыла слова, якое ён паўтараў: «Тексеру»²?

Пакуль мы разважалі, Іван вярнуўся да нас з аздачаным выразам твару.

— Ну што, таварышы аграномы? Сітуацыя наступная: заўтра з Камышнага прыедзе камісія. Будуць правяраць збор ураджаю пшаніцы. А па планах райкама партыі, завершыць яго мы павінны былі сёння... — сказаў Іван.

— Як — сёння? Казалі ж — да канца тыдня! — спытала адна з дзяўчат.

— Можа быць, у саўгасе не было дакладнай даты, або нам яе ніхто не сказаў, або тэрміны ў райкаме змянілі. Незразумела, чаму...

— Ну, канечне, гэта вам не акадэмія з прафесарамі, гэта цаліна, — прабурчаў нехта з хлопцаў.

² Праверка (*казах.*).

— Иван, ты сам хорошо знаешь, что в совхозе закончилась солярка. Комбайны работать не будут. Поэтому мы и закончили сегодня раньше, чем обычно, — стал спорить бригадир комбайнеров.

— Послушайте, неужели мы, студенты-агрономы, не соберем пшеницу косами и серпами? — не выдержала я и включилась в разговор.

— Собрать-то мы соберем, другое дело, что солнце уже садится. Скоро ночь, а как в сумерках работать? — спросила одна из девушек.

— Что скажешь, Иван? Где возьмем свет? — не успокаивались комбайнеры.

— Вопрос перед нами стоит очень серьезный. Нужно искать выход. Но подвести перед проверкой наш совхоз мы не можем. Мы же с вами настоящие комсомольцы. И поэтому у нас есть обязанности перед партией, мы продолжаем дело великого Ленина! — высказался наконец Иван.

Все на минуту замолкли. А солнце уже дотронулось до горизонта. Было понятно: скоро начнет темнеть.

— Вот что я думаю, ребята. Солярка почти закончилась, но аккумуляторы в комбайнах работают. А нам от них нужен свет. Значит, нужно довести комбайны до последней делянки и включить фары. На это остатков топлива в баках должно хватить. Если назад не поедут, оставим на делянках до утра. Вокруг степь — здесь их никто не украдет. Тем более что в совхозе есть сторож. Наша задача — сжать пшеницу до конца. Это мы сделаем. Ну, за дело, товарищи! — воскликнул Иван.

— Так, таварышы! Мы павінны не абурацца, а выконваць задачы партыі! Калі пшаніцу трэба ўбраць сёння, значыць — сёння! — рэзка адказаў старшыня.
— Іван, ты сам добра ведаеш, што ў саўгасе закончылася салярка. Камбайны працаваць не будуць. Таму мы і скончылі сёння раней, чым звычайна, — стаў спрацацца брыгадзёр камбайнераў.

— Паслухайце, няўжо мы, студэнты-аграномы, не збяром пшаніцу косамі і сярпамі? — не вытрымала я і ўключылася ў размову.

— Сабраць мы яе сабярком, іншая справа, што сонца ўжо садзіцца. Хутка ноч, а як у цемнаце працаваць? — спытала адна з дзяўчат.

— Што скажаш, Іван? Дзе возьмем святло? — не супакойваліся камбайнеры.

— Пытанне перад намі стаіць вельмі сур'ёзнае. Трэба шукаць выйсце. Але падвесці перад праверкай наш саўгас мы не можам. Мы ж з вамі сапраўдныя камсамольцы. І таму ў нас ёсць абавязкі перад партыяй, мы працягваем вялікую справу вялікага Леніна! — выказаўся нарэшце Іван.

Усе на хвіліну змоўклі. А сонца ўжо дакранулася да гарызонту. Было зразумела: хутка пачне цямнець.

— Вось што я думаю, сябры. Салярка амаль скончылася, але акумулятары ў камбайнах працуюць. А нам ад іх патрэбна святло. Значыць, трэба давесці камбайны да апошняй дзялянкі і ўключыць фары. На гэта рэшткаў паліва ў баках павінна хапіць. Калі назад не паедуць, пакінем на дзялянках да раніцы. Вакол стэп — тут іх ніхто не ўкрадзе. Тым болей што ў саўгасе ёсць вартаўнік.

Парни побежали к комбайнам. Машины зарокотали и сдвинулись с мест. Остатков топлива действительно хватило, чтобы доехать до нужного участка поля.

Каждая минута была дорога, и мы, уставшие и голодные, принялись за работу. Парни взяли на совхозном складе косы, девушки — серпы. Пока последние лучи солнца еще освещали делянку, мы использовали естественное освещение. Колосья собирали, перевязывали и снопы складывали. Но солнце садилось очень быстро, и степь окутывалась мраком. Стало понятно, что дальше без света мы работать не сможем. Повеял какой-то холодный ветер, который неприятно обдувал наши спины, мокрые от пота. Солнца уже не было, и наши рабочие рубахи не успевали высыхать. Иван Мельник оценил положение и приказал: «Парни, время включать свет!» Ребята завели комбайны: аккумуляторы были в порядке, фары загорелись и осветили делянку. Из последних сил мы продолжали жать. Гора снопов медленно росла, но работы оставалось много. Пот струйками бежал по нашим лбам и шеям, были затекшие поясницы. Вдруг кто-то из девушек пропел: «Родины просторы, горы и долины, в серебро одетый зимний лес грустит...»³ Я поддержала и продолжила: «Едут новоселы по земле целинной, песня молодая далеко летит». Иван оглянулся на нас, заулыбался и громко завел:

³ Песня «Едут новоселы» (1955, сл. Н. М. Сивковой-Солохиной, муз. Е. П. Родыгина).

Наша задача — зжаць пшаніцу да канца. Гэта мы зробім. Ну, за справу, сябры! — усклікнуў Іван.

Хлопцы пабеглі да камбайнаў. Машыны заракаталі і зрушыліся з месцаў. Рэшткаў паліва сапраўды хапіла, каб даехаць да патрэбнага ўчастка поля.

Кожная мінута была дарагая, і мы, стомленыя і галодныя, ухапіліся за працу. Хлопцы ўзялі на саўгасным складзе косы, дзяўчыты — сярпы. Пакуль апошнія промні сонца яшчэ асвятлялі дзялянку, мы выкарыстоўвалі натуральнае асвятленне. Каласы збіралі, перавязвалі і снапы складалі. Але сонца садзілася вельмі хутка, і стэп ахутвалася змрокам. Стала зразумела, што дзялей без святла мы працаваць не зможам. Павяў нейкі халодны вецер, які непрыемна абдуваў нашы спіны, мокрыя ад поту. Сонца ўжо не было, і нашы рабочыя кашулі не паспявалі высыхаць. Іван Мельнік аданіў становішча і загадаў: «Хлопцы, час уключаць святло!» Хлопцы завялі камбайны: акумулятары былі ў парадку, фары загарэліся і асвятлілі дзялянку. З апошніх сіл мы працягвалі жаць. Гара снапоў паволі расла, але работы заставалася шмат. Пот ручайкамі бег па нашых ілбах і шнях, нылі здранцвелыя паясніцы. Раптам нехта з дзяўчат прапеў: «Родины просторы, горы и долины, в серебро одетый зимний лес грустит...»³ Я падтрымала і працягнула: «Едут новоселы по земле целинной, песня молодая далеко летит». Іван азірнуўся на нас, заўсміхаўся і громка завёў:

³ Песня «Едут новоселы» (1955, сл. Н. М. Сіўковай-Салохінай, муз. Я. П. Радыгіна).

— Ой, ты, зима морозная,
Ноченька яснозвездная!
Скоро ли я увижу
Свою любимую в степном краю?

К нам присоединились остальные, и мы вместе запели:

— Вьется дорога длинная,
Здравствуй, земля целинная!
Здравствуй, простор широкий,
Весну и молодость встречай свою!

И как-то радостно и тепло стало на душе. Как будто ярче засветили у комбайнов фары, утих вдруг холодный ветер и исчезла куда-то ночная сырость, а главное — появились новые силы, комсомольская энергия, запал. Общим строем ринулись мы на несжатые колосья, резали их серпами и косами. А между рядами дальше лилась любимая песня:

Зашумят метели, затрещат морозы,
Но друзей целинных нелегко сломить.
На полях бескрайних вырастут совхозы,
Только без тебя немного грустно будет жить...

— Ой, ты, зима морозная,
Ноченька яснозвездная!
Скоро ли я увижу
Свою любимую в степном краю?

Да нас далучилися аstatнія, і мы разам запелі:

— Вьется дорога длинная,
Здравствуй, земля целинная!
Здравствуй, простор широкий,
Весну и молодость встречай свою!

І неяк радасна і цёпла стала на душы. Быццам ярчэй засвяцілі ў камбайнаў фары, сціхнуў раптам халодны вецер і знікла некуды начная сырасць, а галоўнае — з'явіліся новыя сілы, камсамольская энергія, запал. Агульным строем рынуліся мы на нязжатыя каласы, рэзалі іх сярпамі і косамі. А між радоў далей лілася любімая песня:

Зашумят метели, затрещат морозы,
Но друзей целинных нелегко сломить.
На полях бескрайних вырастут совхозы,
Только без тебя немного грустно будет жить...

Мы были комсомольцами, и для нас не было недостижимых целей, не существовало невыполнимых задач, ведь мы хорошо осознавали свой долг перед Советской Родиной, перед партией и правительством. В ту ночь мы сжали последнюю делянку пшеницы, одержав свою маленькую победу на целинных полях. Маленькую, но такую ценную.

Утром, еще на рассвете мы отвезли сжатую пшеницу на ток. Комиссия, которая приехала из Камышного, была довольна темпами уборки урожая. Она похвалила наш совхоз и пообещала обеспечить его необходимым количеством топлива, чтобы работа в полях больше не останавливалась. Но на этом наши труды не закончились, занятий в совхозе хватило еще и на сентябрь, и на первую половину октября. Мы достойно и ответственно продолжали наше общее дело на целине и в то же время начинали грустить без нашего общежития, Горецкой академии, родной Советской Белоруссии...

15 октября 1956 года нас пригласили в совхозный клуб. Директор, главный агроном и все работники сердечно благодарили нас за помощь, приглашали приезжать на работу по распределению после учебы в БСХА. Всех участников уборки урожая чествовали. Меня наградили значком «За освоение целинных земель» и Похвальным листом Камышнинского РК ЛКСМ Казахстана.

И вновь мы отправились в долгий путь, теперь уже в свою академию. Сначала нас на машинах отвезли на станцию Бреды (Челябинская область РСФСР), потом посадили в вагоны, но уже плацкартные, теплые,

Мы былі камсамольцамі, і для нас не было недасяжных мэт, не існавала невыканальных задач, бо мы добра ўсведамлялі свой доўг перад Савецкай Радзімай, перад партыяй і ўрадам. У тую ноч мы зжалі апошнюю дзялянку пшаніцы, атрымаўшы сваю маленькую перамогу на цалінных палях. Маленькую, але такую каштоўную.

Раніцай, яшчэ на світанку мы адвезлі зжатую пшаніцу на гумно. Камісія, якая прыехала з Камышнага, была задаволена тэмпамі ўборкі ўраджаю. Яна пахваліла наш саўгас і паабяцала забяспечыць яго неабходнай колькасцю паліва, каб работа на палях больш не спынялася.

Але на гэтым наша праца не скончылася, работ у саўгасе хапіла яшчэ і на верасень, і на першую палову кастрычніка. Мы годна і адказна працягвалі нашу агульную справу на цаліне і ў той жа час пачыналі сумаваць без нашага інтэрната, Горацкай акадэміі, роднай Савецкай Беларусі...

15 кастрычніка 1956 года нас запрасілі ў саўгасны клуб. Дырэктар, галоўны аграном і ўсе работнікі сардэчна дзякавалі нам за дапамогу, запрашалі прыязджаць на работу па размеркаванні пасля вучобы ў БСГА. Усіх удзельнікаў ўборкі ганаравалі. Мяне ўзнагародзілі значком «За асваенне цалінных зямель» і Пахвальным лістом Камышнінскага РК ЛКСМ Казахстана.

І зноў мы адправіліся ў доўгі шлях, цяпер ужо ў сваю акадэмію. Спачатку нас на машынах адвезлі на станцыю Брэды (Чалыбінская вобласць РСФСР),

«сочинские» — заслужили! Снова перед глазами замелькали русские поля, уже убранные, черные от голой земли, и березовые рощи, яркие и разноцветные, как палитра, от желтых, оранжевых и красных листьев. Дождливые и ветреные ночи в дороге иногда перемежались с последними солнечными деньками. Осень была в самом разгаре, а на смену нашим «летним каникулам» приходил новый, четвертый курс. Какие были тогда радость и веселье: спешили в свою академию, чтобы скорее вернуться к учебе!

* * *

Первый призыв к советской молодежи на освоение целинных земель Казахстана был еще в 1954 году. Тогда на целину поехала моя младшая сестра Алеся, которой на то время только исполнилось 19 лет. Она попала в совхоз «Индустриальный» Нуринского района Карагандинской области. Жила, как и я позже, в вагончике, питалась в землянке — пережила все то, что потом и я. Но назад, в Советскую Белоруссию не вернулась: нашла на целине свою любовь, свою судьбу...

Мы с сестрой, как и другие добровольцы-целинники, желали, чтобы наш труд помог братскому Советскому Казахстану. А сколько впечатлений и знакомств подарили нам те незабываемые дни! Тогда мы были простыми студентами, а потом наши жизни складывались у кого как. Я стала агрономом в родном Старобинском (а затем Солигорском) районе, а Иван

потым пасадзілі ў вагоны, але ўжо ўжо плацкартныя, цёплыя, «сочынскія» — заслужылі! Зноў перад вачыма замільгалі рускія палі, ужо ўбраныя, чорныя ад голай зямлі, і бярозавыя гаі, яркія і рознакаляровыя, як палітра, ад жоўтага, аранжавага і чырвонага лісця. Дажджлівыя і ветраныя ночы ў дарозе часам перамяжаліся з апошнімі сонечнымі дзянякмі. Восень была ў самым разгары, а на змену нашым «летнім канікулам» прыходзіў новы, чацвёрты курс. Якія былі тады радасць і веселасць: спяшаліся ў сваю акадэмію, каб хутчэй вярнуцца да вучобы!

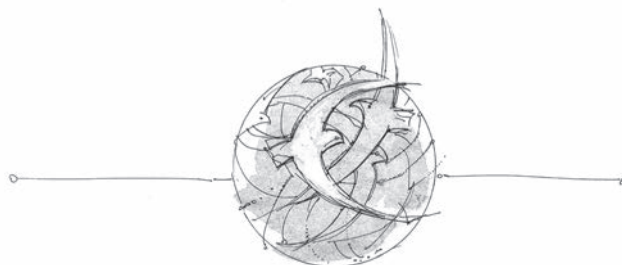
* * *

Першы прызыў да савецкай моладзі на асваенне цалінных зямель Казахстана быў яшчэ ў 1954 годзе. Тады на цаліну паехала мая малодшая сястра Алеся, якой на той час толькі споўнілася 19 гадоў. Яна трапіла ў калгас «Індустрыяльны» Нурынскага раёна Карагандзінскай вобласці. Жыла, як і я пазней, у вагончыку, харчавалася ў зямлянцы — перажыла ўсё тое, што потым і я. Але назад, у Савецкую Беларусь не вернулася: знайшла на цаліне сваё каханне, свой лёс...

Мы з сястрой, як і іншыя добраахвотнікі-цаліннікі, жадалі, каб наша праца дапамагла братняму Савецкаму Казахстану. А колькі ўражанняў і знаёмстваў падарылі нам тыя незабыўныя дні! Тады мы былі простымі студэнтамі, а потым нашы жыцці складваліся ў каго як. Я стала аграномам ў родным

Мельник⁴, председатель нашего отряда, — председателем колхоза. Видимо, такая у него была судьба — всегда быть руководителем. Для нас целина — ценнейший опыт, личный подвиг, пример совместных усилий братских народов ради обеспечения хлебом единой Советской страны. Слово «целина» навсегда прописано в наших сердцах красными буквами.

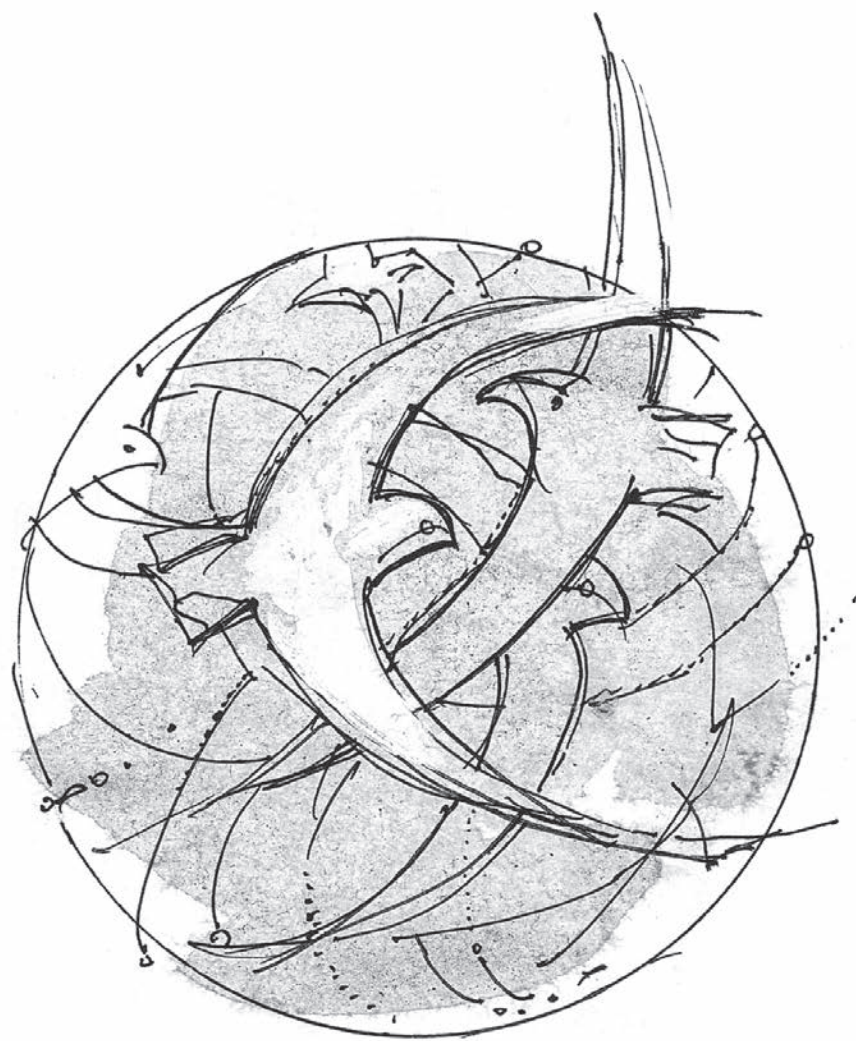
⁴ Иван Игнатьевич Мельник (1927–2011) родился в д. Микуличи Бобруйского округа БССР. В 1959 г. закончил агрономический факультет БСХА в Горках. С 1959 по 1994 г. возглавлял колхоз «XVII партсъезд» Горецкого района. В 1985 г. удостоен звания Героя Социалистического Труда. Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, «Знак Почета», Трудового Красного Знамени (дважды), медалью «Серп и Молот», медалями ВДНХ СССР. В агрогородке Овсянка Горецкого района И. И. Мельнику установлен памятник.

Старобінскім (а затым Салігорскім) раёне, а Іван Мельнік⁴, старшыня нашага атрада, — старшынёй калгаса. Відаць, такі ў яго быў лёс — заўсёды быць кіраўніком. Для нас цаліна — найкаштоўнейшы вопыт, асабісты подзвіг, прыклад сумесных намаганняў братніх народаў дзеля забеспячэння хлеба адзінай Савецкай краіны. Слова «цаліна» назаўсёды ўпісана ў нашы сэрцы чырвонымі літарамі.

⁴ Іван Ігнатавіч Мельнік (1927–2011) нарадзіўся ў в. Мікулічы Бабруйскай акругі БССР. У 1959 г. скончыў аграмянічны факультэт БСГА ў Горках. З 1959 па 1994 г. узначальваў калгас «XVII партз’езд» Горацкага раёна. У 1985 г. удастоены звання Героя Сацыялістычнай Працы. Узнагароджаны ордэнамі Леніна, Кастрычніцкай Рэвалюцыі, «Знак Пашань», Працоўнага Чырвонага Сцяга (двойчы), медалём «Серп і Молат», медалямі ВДНГ СССР. У аграгарадку Аўсянка Горацкага раёна І. І. Мельніку пастаўлены помнік.

СОДЕРЖАНИЕ
ЗМЕСТ

- 4 *Дмитрий Мезенцев,*
 Государственный секретарь Союзного государства
- 8 Члены экспертного совета
- 11 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 13 Алина Осокина
 Надя
- 39 Елизавета Сафиулина
 День обыкновенной лошади
- 67 Екатерина Богданова
 Волшебный мир
- 89 Евфросиния Капустина
 В Петербурге не все дома
- 109 Анна Самкова
 Закон жизни

- 5 *Дзмітрый Мезенцаў,*
 Дзяржаўны сакратар Саюзнай дзяржавы
- 9 Члены экспертнага савета
- 11 МАЛАДЫЯ РАСІЙСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ
- 13 Аліна Асокіна
 Надзя
- 39 Лізавета Сафіюліна
 Дзень звычайнага каня
- 67 Кацярына Багданава
 Чароўны свет
- 89 Ефрасіння Капусціна
 У Пецярбургу не ўсе дома
- 109 Ганна Самкова
 Закон жыцця

125 МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

127 Линдо Рандир
Девуца Мира

169 Роман Козловский
Остаться человеком: рефлексия после прочтения Василя Быкова. Эссе

193 Юлия Макаревич
Заветное желание

209 Сергей Ковалев
Аромат сирени. Полесский полонез

267 Максим Семенов
Совхоз на берегу Тобола

- 125 МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ
- 127 Лінда Рандзір
Дзяўчына Міра
- 169 Раман Казлоўскі
Застацца чалавекам: рэфлексія пасля прачытання Васіля Быкава. *Эсэ*
- 193 Юлія Макарэвіч
Запаветнае жаданне
- 209 Сяргей Кавалёў
Водар бэзу. Палескі паланэз
- 267 Максім Сямёнаў
Саўгас на беразе Табола

Л64 **Литературный** альманах. = Літаратурны альманах. — Минск : Звезда,
2021. — Вып. 5. — 304 с. : ил.
ISBN 978-985-575-320-0.

В пятый выпуск «Литературного альманаха» вошли произведения лауреатов конкурса молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2020), учрежденного Постоянным Комитетом Союзного государства.

УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)

Литературно-художественное издание

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
ЛІТАРАТУРНЫ АЛЬМАНАХ**

Выпуск 5

Редакторы *Н. Ф. Кривкая, Т. А. Курмазия*

Художник *К. Камал*

Перевод на белорусский язык *Н. Ф. Кривкая, Т. А. Курмазия*

Перевод на русский язык *Т. А. Курмазия*

Художественный редактор *А. М. Зенович*

Компьютерная верстка *А. С. Камейша*

Стилистические редакторы *Н. Ф. Кривкая, Н. Г. Щербак*

Подписано в печать 01.09.2021. Формат 100×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 31,73. Уч.-изд. л. 12,19.

Тираж 419 экз. Заказ .

Постоянный Комитет Союзного государства.

Ерошкинский пер., д. 5, стр. 1, 119034, г. Москва.

Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звезда».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/8 от 02.08.2013.

Ул. Б. Хмельницкого, 10а, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

Издательско-полиграфическое частное унитарное предприятие «Донарит».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий №1/289 от 17.04.2014.

Ул. Октябрьская, 25, офис 2, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.

16+